



# 367 ДНЕЙ

Джессика Тэдзиэла

Я не сумасшедшая. И это не амнезия. Но каким-то образом из моей памяти исчез целый год жизни. Когда полиция и доктора думают, что ты выжила из ума, а тебе, несмотря на это, нужны ответы, куда обратиться, кроме как к частному детективу? Соьер не тот человек, которого бы вы хотели иметь в друзьях — немного отстраненный, хладнокровный, ироничный, чрезмерно уверенный в себе. Но он тот человек, которого вам точно хотелось бы иметь под рукой в качестве частного детектива — спокойный, опытный, способный и достаточно повидавший темную сторону жизни, с которой ему часто приходится сталкиваться. Необходимо рискнуть и поверить девушке, которая утверждает, что с ней случилось что-то намного более ужасное, чем простая потеря памяти. Но когда мы волею судьбы сталкиваемся вместе в попытке обнаружить причины моей тайны, между нами вспыхивают чувства, которые, определенно, не должны возникать между клиентом и профессионалом своего дела.

---

**Джессика Гэдзиэла**

**367 дней**

**Серия : Детективы - 1**

Перевод: Елена Курак

Сверка: betty\_page

Бета-коррект: Lisyono4ek

Редактор: Eva\_Ver

Обложка: Таня Медведева

Оформление: Eva\_Ver



Я не сошла с ума.

Это было единственным , что я точно знала, когда сидела на жесткой больничной койке неотложной помощи, на шершавой белой простыне, растерянная, испуганная, немного расстроенная и не совсем в себе. Но в здравом уме. Я была совершенно в своем уме.

Но, как говорится, я была единственной, кто так считал.

Что ж, полицейские приняли моё заявление, но явная незаинтересованность, с которой они сделали это, казалось, означает, что они думали, будто я была больной на голову. Тот детектив был первым, кто указал мне в сторону больницы.

Медсестра, когда я рассказала ей свою историю, перестала нежно улыбаться. Её плечи слегка расправились, а спина напряглась. Она проверяла мои жизненно важные органы и слушала , поскольку я выдала ей все, что знаю о случившемся.

— Хорошо, Рия, — сказала она. Произнеся мое имя, как «Ре-аа», тогда как должно быть «Ри-аа», но я была обеспокоена более важными проблемами, чтобы исправлять её. — Врач придёт к тебе с минуты на минуту, — пролистывая мою карту, сказала она и, закрыв её, вышла из комнаты.

Я видела, как она вернулась к стойке медсестёр, открыла мою карточку, подняла трубку и позвонила кому-то.

Я не только не сумасшедшая, но также и не глупая.

Я точно знала, зачем она взяла телефон.

Фраза: «оценка психиатра», мелькнула в моей голове, когда я вытащила свой мизинец из зажима, который отслеживал моё сердцебиение, и соскользнула с кровати.

— Мисс ? Мисс! — позвала меня медсестра, когда я вышла из своей маленькой, огороженной занавесками вместо стен, комнаты и сделала шаг по направлению к двери. — Мисс, Вам действительно нужно, чтобы Вас осмотрел доктор.

— Я имею право отказаться от лечения, — сказала я, не глядя на неё, чувствуя маленькую яму безнадежности, осевшую в моём животе. Я не была уверена, куда нужно обращаться , если больница хочет запихнуть меня в психушку и продержат там некоторое время.

— Мисс Суини, — позвала она, по-прежнему следуя за мной. — Пожалуйста, Вы действительно должны...

— Найти кого-нибудь, кто поверит мне, — ответила я немного грубым тоном. На самом деле мой голос звучал низко, потому что у меня болело горло. Мне нужно добавить это в длинный список вещей, которые были неправильными.

С этими мыслями я вышла на улицу, двигаясь вниз, огибая небольшой круг парковки, направляясь к пристани, где прислонилась к перилам и посмотрела на воду. Я стояла на этом самом месте бесчисленное количество раз прежде. Я находила воду успокаивающей.

Правда в том, что мне нужен весь комфорт , который я могла получить.

Потому что моя жизнь вдруг стала жутким мистическим фильмом. И я вынужденно стала ничего не понимающей, заурядной героиней.

Я вздохнула, и моё дыхание вырвалось паром на прохладном воздухе октября. Куда вам нужно отправиться , когда с вами что-то не так, а больница не может или не будет помогать? А полиция, привыкшая к обществу множества приходящих к ним людей после лечения

различными препаратами, которые писали тону липовых заявлений, заполняли глупые протоколы, на которые тратили время даром, просто смешала меня с остальными психами.

Я повернулась, чтобы подняться по склону обратно в сторону города. Мой город. Нэвесинк Бэнк. Это был город, в котором я провела большую часть моей подростковой и взрослой жизни. Опять же, очень комфортный и знакомый для меня во всем. Но в то же время он ощущался совершенно по иному, когда я шла, шла и шла, не имея при этом никакого конкретного понятия, куда мне нужно идти и где бы меня ждали.

Это было похоже на какой-то сумасшедший поворот судьбы, потому что я шла по незнакомой мне улице и подошла к зданию, на которое я раньше действительно никогда не обращала внимания. Оно выглядело так же, как и многие другие на этой стороне улицы — большое, обтекаемое, современное, с черепичной серой штукатуркой, широкой лестницей, которая вела к крепким черным дверям. Там было два этажа с блестящими, тонированными от солнца стеклами.

Но над дверью висела вывеска, от которой у меня замерло сердце.

### **«Сыскное агентство Сойера».**

Видите? Судьба.

Ни больница, ни полиция не смогла мне помочь, но частный детектив?

Я застенчиво пригладила волосы, не имея ни малейшего представления, как выгляжу, и поднялась вверх по лестнице, мышцы ног кричали, протестуя, по причинам, которые я не понимала. Потянув за тяжелую входную дверь, мышцы рук сделали тоже самое.

Приемная «Сыскного агентства Сойера» была обставлена полностью в мужском стиле. Не возможно не заметить, когда дизайнер прикладывает руку к работе, особенно когда этим дизайнером является женщина, так же сразу заметно и его отсутствие. Сойер, кем бы он ни был, явно не нанимал дизайнера. Потому что каждый дюйм помещения заключал в себе чистые линии, суровость и некую неприветливость.

Полы были из темной древесины. Стены серые, что совпадало с внешней стороной здания. И вся мебель, от закругленной стойки регистрации, непосредственно перед стульями, обрамляющими три стены сзади стола, были черными. Не было ни одного произведения искусства и никаких журналов на кофейном столике. В озле коридора, который вёл влево к кофе-машине, было небольшое место для распития кофе. Сам аппарат стоял на стойке рядом с кофейными чашками. Справа от меня возле входа была дверь в ванную и другой коридор.

Вот я и пришла.

За столом сидела среднего возраста испанка с приятно округлой фигурой, длинными черными волосами и теплыми карими глазами.

Когда дверь открылась, она подняла голову, даря мне полуулыбку.

— Я могу Вам помочь ?

— О, да, — сказала я, сделав несколько шагов вперед. — Или, по крайней мере, я думаю, что вы можете. Мне нужен частный детектив.

— Ну, Вы находитесь в нужном месте. У нас их много. Вы можете заполнить вот этот бланк? — спросила она, протягивая мне планшетку с одним листом на ней и ручку.

Я кивнула, потянув её на себя, немного застенчиво заполнила основную информацию, те данные, что больше не были точны, но были всем, что я имела.

— Хорошо. Я позвоню и уточню, есть ли кто-нибудь, кто сможет встретиться с Вами. Присаживайтесь, — сказала она, указывая на стулья возле своего стола.

— Спасибо, — сказала я, направляясь к стулу в углу, оглядываясь и делая несколько глубоких вдохов, я пыталась успокоить свои нервы и оставаться сосредоточенной.

Поможет ли мне это? Даже если у меня действительно была уважительная причина сделать это. Придётся подождать, пока я не найду способ, любой способ, получить ответы на некоторые вопросы.

— Мисс Суини, — сказала женщина, и я дернулась, увидев, что она стоит возле кофемашины, показывая рукой, куда я должна идти. — Вам повезло. У самого мистера Андерсона есть несколько свободных минут, чтобы принять вас. Вам сюда.

Я выдавила из себя лёгкую улыбку и последовала за ней. Когда мы прошли по серому коридору к черной двери, она сказала, что Сойер находится за ней.

Она постучала два раза.

— Пусть войдет, Маргарет, — раздался резкий голос с другой стороны.

— Всё хорошо, — сказала она, даря мне понимающую улыбку. — Он не кусается.

С этими словами женщина открыла для меня дверь, и я шагнула внутрь, чтобы она смогла закрыть её за мной.

Офис Сойера Андерсона был таким же, как и остальная часть здания. Пол был из такой же древесины, стены такими же серыми. Его стул и стол были черного цвета. Массивные встроенные полки были такими же черными, полные файлов и книг. Но всё было аккуратно, в порядке.

И Сойер Андерсон собственной персоной? Да. Что ж. Я не знала, чего ожидала возможно, статного бывшего полицейского, который все еще был силен духом, чтобы уйти на пенсию.

Но я не ожидала увидеть этого человека таким.

Он был высоким, стоял ко мне боком, смотря в окно и читая мои документы, что были в его руке. Сойер был сильным, но стройным, и имел безупречный вид, его руки, казалось, никогда не дали бы вам упасть.

Его сила была не показной. Его сила была одной из тех, что находили применение. Волосы средней длины, не короткие, но и не лохматые, темно-коричневого цвета. Лицо Сойера, казалось, было высечено каким-то мастером, — сильная челюсть, прямой, почти идеальный нос, суровые брови и чётко выраженные скулы. Его глаза, когда он перевёл взгляд на меня, были глубокого великолепного зелёного цвета.

Даже одетый в простые джинсы и чёрную футболку, он был безумно красив.

— Мисс Суини, — поздоровался он, его голос был глубоким, низким и сексуальным, это заставило меня вздрогнуть.

— Рия, — исправила я.

Он кивнул, махнув при этом рукой на стулья перед своим столом.

— Присаживайтесь, — пригласил он, и я двинулась вперед, чтобы так и сделать. — Что я могу сделать для вас?

Я глубоко вздохнула.

— Это немного странно прозвучит, — предупредила я.

— Я, как правило, специализируюсь на этом.

— Вы — моя последняя надежда, — призналась я, посмотрев ему в глаза.

— Это всегда приятно слышать, — пошутил он, немного смягчив тон.

Я медленно выдохнула, подготавливая себя к тому, что полагала, было неизбежным: смех, фырканье или заявление, что я сошла с ума.

— Вот всё, что я знаю, — начала я, что-то в моём тоне заставило Сойера немного напрячься, он слушал, повернув голову в мою сторону. — Меня зовут Рия Суини. Я живу на улице Мейпл. Или жила раньше. Мои родители умерли, когда мне было двадцать два. Я работала в местном центре планирования семьи. Ровно один год и два дня назад я вышла из своей квартиры на работу в семь тридцать утра. Я остановилась, чтобы купить себе кофе. И на этом всё.

— И всё? — переспросил он.

— И всё. Это всё, что я помню. Я потеряла год и два дня своей жизни.

— Ладно, — сказал он, и его брови сошлись вместе. — Мне нужно что-то большее, чем это. Не думаю, что должен говорить Вам, что это звучит как какое-то сумасшедшее дерьмо.

Какое-то сумасшедшее дерьмо.

Да, об этом-то я и говорила.

— Сегодня утром, где-то около десяти, я проснулась, лёжа на земле, позади мусорного контейнера возле ресторана «Семейная». Я встала и... всё тело болело. Больно было везде, — призналась я, чувствуя, как волна эмоций захватывает меня, и стараясь подавить её. Я глубоко вдохнула и продолжила дальше. — Конечно же, я была сбита с толку, так что я пошла по улице, потому что ресторан ещё был закрыт, а вокруг никого не было. Я добралась до киоска и не знаю почему, но я посмотрела вниз на газеты на стеллаже и... прошел год и два дня спустя моего последнего воспоминания.

Сойер откинулся на спинку стула и провёл рукой по челюсти, что выглядело немного неряшливо.

— Ладно ... — сказал он, явно думая, что я сошла с ума. — Вам нужно пройти ...

— Отлично, — сказала я, чувствуя, как на глазах наворачиваются слёзы, не желая плакать перед кем-либо, не говоря уже о сексуальном незнакомце. — Прекрасно. Я должна была догадаться, что Вы тоже сочтёте меня сумасшедшей.

Я двинулась в сторону двери и, взвизгнув, отскочила назад, когда он каким-то образом оказался между мной и дверью, тем самым блокируя мой побег.

— Детка, я не говорил, что ты сумасшедшая. Я имею в виду, откуда мне, черт возьми, все это знать ... кто ты. Но я не сказал этого. На самом деле я хотел спросить, ходила ли ты на осмотр. Ты должна знать, почему у тебя всё болит. Пройти осмотр и провериться на предмет изнасилования.

Я в шоке дернулась назад, чувствуя, как всё моё тело пробирает холод.

Я имею в виду, конечно же, где был мой разум до этого? Ни одна женщина не просыпается дезориентированной с болью, думая, что она, возможно, сходила на занятия Зумбой<sup>[1]</sup>, а потом просто так случайно заснула за чёртовым мусорным баком. Они всегда думали о худшем. Потому что, как правило, происходило самое худшее.

— Я ходила, — сказала я, проглатывая ком в горле. — Но, гм, медсестра подумала, что я сумасшедшая. Она собиралась вызвать психиатра. Я ушла и пришла сюда.

— И ты не собираешься возвращаться?

— Я не сумасшедшая! — отрезала я.

Совершенно неуместная улыбка появилась на его губах во время моего срыва, прежде чем он кивнул мне.

— Хорошо. Хорошо. Послушай. Я не могу взяться за твой случай, пока тебя не осмотрят.

Мне плевать, что тебе это не нравится, но это происходит именно так. Таким образом, ты можешь вернуться в больницу и рискнуть провести там сорок восемь часов, — я открыла рот, чтобы возразить, но он продолжил, прежде чем я смогла сказать хоть слово, — или я могу позвонить медсестре, чтобы она осмотрела тебя здесь, а потом просто доложила мне.

Я с трудом глотнула.

— Хорошо. Это звучит неплохо.

— Отлично, — сказал он, отойдя от меня к своему столу и нажав на кнопку внутренней связи на телефоне. — Марджи, вы можете провести мисс Суини в комнату для осмотра? — произнёс он, и прежде чем Сойер закончил разговор, я услышала звук её каблучков в коридоре.

Комната для осмотра?

У него была комната для осмотра?

Зачем, чёрт возьми, частному детективу комната для осмотра?

Дверь за мной открылась, пока я наблюдала, как Сойер поднимает телефон.

— Эй, Ло, мне нужно позаимствовать у тебя Эшли на пару часов, — сказал он, когда Марджи коснулась моей руки, привлекая моё внимание.

— Пойдемте, дорогая, — сказала она, даря мне материнскую улыбку. — Пройдёмте в комнату для осмотра, там вы сможете успокоиться.

Успокоиться.

Да, я была вполне уверена, когда прошла в небольшую комнату в конце коридора с маленьким столом для осмотра, заставленным оборудованием, с раковиной и стулом на колесиках, когда мне дали сорочку, чтобы переодеться, что успокоиться вряд ли получится.

# Глава 2

## Со́йер

Сейчас я не нуждался еще в одном деле для работы. Я едва успел закрыть одно дело о пропавшей жене, которая на самом деле не была пропавшей, а просто устала от своего мужа — ленивой задницы, который не трахал её в течение 15 лет, и решила убежать с другим мужчиной, чтобы начать всё сначала. И у меня на столе лежала стопка из десяти дел, каждое из которых требовало моего внимания.

Так я и сказал, когда Мардж написала записку на документах, в которой говорила, что мне нужно уделить время этой женщине, Рие, я решил послушать ее и сделать это. Обычно Мардж не диктовала, как мне лучше работать, поэтому она и была моим секретарём. Так что, если она сказала, что мне нужно увидеть её, то мне нужно увидеть её.

Увидев Рию, я подумал, может быть, Мардж пытается играть в сваху или что-то подобное. Она постоянно намекала мне, что я уже слишком стар, что у меня нет хорошей женщины, к которой я бы возвращался домой.

Потому что Рия Суини была как чёртов нокаут.

Девушка была довольно высокой, около 174 см, и это в обуви на плоской подошве. Её длинные чёрные волосы были стянуты в конский хвост, открывая великолепное, с правильными чертами лицо. Была в ней некая экзотичность, которую очень сложно описать словами. Это могло быть что-то от индейцев, или коренных американцев, или румынцев, или даже запросто от итальянцев. У неё были широкие скулы, полные яркие губы, выразительные брови и почти прозрачные светло-карие глаза.

Чертovski сногшибательная.

Но как только она вошла, я стал меньше думать о сватовстве Маргарет и больше о том, как помочь этой девушке.

Потому что у Рии Суини был затравленный взгляд, её движения были резкими, и казалось, она готова сорваться отсюда в любой момент.

Потом она заговорила, ее голос был ровный и хриплый, либо потому что у неё такой, естественный, интимный голос, либо потому что она простудилась.

А потом я узнал, что она не только красива, но возможно и сумасшедшая. И в тоже время она была потрясающая. Как раз в моем вкусе.

То, как она отреагировала на меня, думая, что я считаю её чокнутой, было либо свидетельством того, что она, как одна из сумасшедших людей, ненавидела, когда их так называют, (примерно так же, как наркоманы терпеть не могут, когда их называют наркоманами), либо это было свидетельством целомудрия, отчаянно нуждающегося в ответах в запутанной ситуации.

Так что, возможно, вопреки здравому смыслу, я позвонил Хеилсторм и сказал Ло прислать одну из медсестёр. Эшли, бывшая военная медсестра, обученная на поле боя, была холодна в любой ситуации. Она спустится, осмотрит девушку на наличие травм, сделает проверку на изнасилование и возьмет кровь на анализ.

После этого, я смогу решить, браться за это дело или нет.

— Красивая девушка, — сказал Тиг, один из моих людей, когда я вышел из своего кабинета и направился в приёмную. Тиг был великаном, шесть с половиной футов<sup>[2]</sup>, с

плечами настолько широкими, что ему практически приходилось поворачиваться боком, чтобы пройти сквозь двери. У него была богатая, насыщенного цвета красного дерева кожа и светло-карие глаза. Он был горой мышц с небольшим пивным животом, который никоим образом не замедлял его в погоне за какими-нибудь отморозками или за любой юбкой, к которой устремлялись его глаза.

— Да, — согласился я, дотянувшись до файла, оставленный Маргарет на столе.

— Но посмотрев в её глаза, мне не понравилось то, что я там увидел, — сказал он, большой чёртов добряк. Смотря на него, кажется, что он дерётся с бетонными стенами в своё свободное время и побеждает, но у него было большое, мягкое сердце, особенно когда дело касалось представительниц слабого пола.

Я кивнул.

— Эшли придёт, чтобы осмотреть её. Она говорит, что потеряла год своей жизни. Последнее, что она помнит, это то, что она собиралась купить кофе перед работой. Третьего октября. Прошлого года.

Голова Тига склонилась в сторону, брови сошлись вместе.

— Серьезно ?

— Кажется, она так думает. Она начала паниковать, когда подумала, что я принял её за сумасшедшую. Какой она может быть на самом деле. Вот почему Эшли нужно осмотреть её и убедиться, что она не под наркотой или подобным дерьмом. Но если она не такая...

— Тогда где, чёрт возьми, она потеряла год?

— Вот именно, — сказал я, взмахивая закрытым файлом в своей руке.

— Лучше, если это не окажется каким-то дурацким предлогом, чтобы увидеть меня здесь, так что можете оставить свой непрекращающийся флирт при себе, — заявила Эшли, проходя сквозь двери, её волнистые волосы развивались позади неё. — Потому что, как я уже говорила вам, по крайней мере, десяток раз до этого, я люблю поедать киски, так же как и вы. Что следует из вашей репутации, — заявила она, опуская сумку на стойку регистрации.

— Знаешь, я бы точно не был против, ну, знаешь... чтобы посмотреть, — предложил я, вынуждая её закатить глаза. — Нет. Я был серьёзен, когда сказал, что у меня есть девушка, которую нужно осмотреть. Она утверждает, что последнее её воспоминание было больше года назад. Сказала, что когда проснулась, у неё всё болело. Так что её нужно...

— Проверить на наличие травм и сделать полный осмотр на изнасилование, — продолжила Эшли.

— Точно. И возьми кровь на анализ, чтобы убедиться, что она не под наркотой или каким-то другим дерьмом. Она не кажется такой, но многолетние наркоманы могут хорошо это скрывать, когда им нужно.

— Хорошо. Что-нибудь ещё? — спросила она, двигаясь чтобы взять свою сумку, которая исчезла, так как Тиг уже опередил ее. Видите? Добряк.

— Не -а. Мне только нужно знать каждую мелочь, которую ты найдешь, так я узнаю, что получу, если возьмусь за это дело.

— Хорошо. Это займет чуть больше часа или около того, — сказала она, шагая в ногу с Тигом, который вёл её к комнате для осмотра.

Я вернулся в свой офис, включил ноутбук, в то же время позвонив брату. Пока я один получал реальный жизненный опыт, работая профессиональным частным детективом, Барретт был компьютерным гением и также воображал себя частным детективом, открыв

своё собственное заведение и медленно составляя список клиентов. Несмотря на получение дел, его задница передавала мне случаи, по крайней мере, три раза с того времени, как он начал свою деятельность. Но он учился, и я не мог защищать его всегда.

К тому же, я должен был сохранять чёртово дружелюбие, поскольку он был хорошим источником информации для меня.

— Мне не нужна лекция. Она захотела прийти ко мне, вместо тебя. Она сказала, что ты был грубым и властным на собеседовании, — ответил он.

— Я не собираюсь говорить о цыпочке, которой изменяет муж.

— Ты не знаешь наверняка, что он изменяет. Ей просто любопытно...

— Что он делает, так это лжёт ей, когда уходит и трахает женщину в два раза моложе неё, с накачанными сиськами и губами, в которые она вводит жир с задницы. Вот, что он делает. Она хотела услышать иное, а я не лгу своим клиентам. Но, в любом случае, наслаждайся ею и её очень глубокими карманами, пока можешь. Я не поэтому звоню.

— Хорошо, что случилось?

Барретт был на пять лет моложе меня и мягче, потому что его поколение в целом было просто мягче. Привыкшие к своим видеоиграм, сотовым и компьютерам, и никогда не знавшие, как это упасть с дерева или перелететь через руль велосипеда, врезавшись во что-то, поэтому птенцы не подумали бы, что вы киска, которая рыдает из-за вида крови. Еще он был мягче, потому что не попал из средней школы напрямик в армию, как это сделал я. И не потратил большую часть своих двадцати годов в обширном, непосильном обучении. Затем, выполняя грязные миссии во всех чёртовых дырах Земли, которые очернили душу прежде, чем, наконец, выйти и начать свой собственный путь.

Но без всего этого низкого и грязного дерьма, у него было гораздо больше времени для работы над его компьютерными навыками.

Именно по этой причине, он был мне нужен.

— Ты можешь пробить для меня имя, посмотреть, что сможешь найти? У меня, возможно, новый клиент, и я хочу знать все её грязные секреты до того, как решусь взяться за это. И я хочу всё. Если сможешь взломать медицинские или психологические файлы, то их я хочу больше всего.

— За это придется заплатить, — сказал Барретт, вызывая у меня улыбку, пока я проводил рукой по лицу. Он дал мне ясно понять, когда я едва еще стоял на ногах, открывая агентство, что не даст мне никаких подачек, что не работает бесплатно. Даже для семьи.

— Как и всегда.

— Ладно, какое имя?

— Рия Суини.

— Хорошо, — сказал он, и я услышал, как он записывает. Барретт всегда использовал ручку и бумагу и бережно, бл\*дь, записывал всё в польском коде. Зная всё, что нужно о компьютерах, он знал, как легко их можно взломать. И пока кто-нибудь, возможно, смог бы, после длинного и утомительного процесса, взломать его код, это было бы намного труднее, чем взлом компьютерной системы. — Это должно быть легко. Не как с той Джейн Смит, которую ты послал мне однажды. Джейн Смит. Кто, чёрт возьми, называет так своих детей в наше время?

— Мне нужно это как можно скорее. Я заплачу вдвойне, если ты бросишь всё, над чем работаешь, чтобы я получил файл завтра.

— Это можно устроить, — сказал он, так как я знал, что ни одно его дело не являлось

неотложным. — Ох, это всё объясняет, — сказал он через секунду, в его тоне явно слышались веселые нотки.

— Объясняет что?

— Рия Суини возможно самая красивая женщина, которую я видел за последние годы.

— И что это объясняет?

— Твой интерес к её секретам.

Я сделал паузу.

— Я не трахаю своих клиентов, Барретт, — сказал я ему то, что он и так знал. Правда, я любил хорошо провести время. И я, как известно, позволял женщинам соблазнить себя, но я был профессионалом. У меня не было никакого интереса в том, чтобы моя рабочая репутация была запятнана из-за того, что красивое тело в облегающем платье вошло в мой офис, и я его захотел.

— Нет. Но полагаю, ты ждёшь, пока не закроешь дело, чтобы уложить их в свою постель.

— Да, что ж, — сказал я, улыбаясь, — они не являются клиентами, после того, как дело закрыто.

Барретт фыркнул, и я мог представить, как он качает головой, как делает это обычно.

— Хорошо. Я приступлю к работе и передам файл, как только он будет у меня.

— Барретт, — позвал я, прежде чем закончить разговор.

— Да?

— В этот раз я хочу его на грёбаном английском языке, ладно? У меня нет времени, чтобы тратить его на расшифровывание файла, с помощью ключа, который ты предоставишь мне.

— Хорошо, — сказал он, явно раздраженный тем, что придется пошатнуть свои обычные методы.

— Спасибо, Бар.

— Ага, — сказал он, находясь мысленно уже в другом месте.

Я повесил трубку и потёр руками глаза. Этот день, похоже, будет чертовски длинным.

— Вот, милый, — сказала Мардж, ставя третью чашку чёрного кофе на стол. — Вы получили файл по Хелсбургу?

— Да, Мардж. Спасибо что достали его из хранилища для меня.

— Та девушка, вы беретесь за её дело?

— Зависит от ее психического состояния. Эшли сообщит мне, если она чокнутая.

— Я надеюсь, вы сможете помочь ей, — сказала она, подходя к двери. — Она выглядела такой потерянной.

Если её история правда, то вполне понятно ее состояние.

Любой человек будет чувствовать себя потерянным, если потеряет больше года своей жизни.

И так как я пытался сосредоточиться на файле Хелсбург, я старался заглушить, к черту, мысли о том, что действительно надеялся на то, что она не сумасшедшая.

Потому что это на меня не похоже.

# Глава 3

## Рия — 2 часа

— Привет, я Эшли, — сказала женщина, вошедшая в комнату, даря мне небольшую ободряющую улыбку.

— Рия, — кивнув, ответила я, застенчиво переминаясь с ног на ногу в грубой больничной рубашке. Несмотря на это, я ощущала себя сейчас более голой, чем когда-либо в своей жизни.

— Рия, — повторила она, поставив сумку на пол, и залезла внутрь неё, чтобы достать нужные инструменты и разложить их на подносе, который она взяла с уголка. — Знаю, это всё довольно неловко, но это не будет больно, возможно, местами немного неприятно. Это действительно важно для нас, чтобы получить каждую частичку информации, какую только сможем, раз уж ты не помнишь, что произошло с тобой.

Я тяжело сглотнула, когда она потянулась в шкафчик за коробкой с перчатками, затем отвернулась от меня, чтобы помыть руки, прежде чем надеть белые медицинские перчатки, и подкатила ко мне на кресле вместе с подносом.

— Я понимаю, — так и было. Это нужно было сделать. Мне нужно раздеться и быть истыканной и исколотой, чтобы понять, что со мной произошло или не произошло.

— Мы начнём с малого. Можно мне твою руку? — спросила она, потянувшись за маленькой деревянной палочкой с заострённым кончиком, когда я положила свою руку в её ладонь. — Просто соскоб из-под ногтей, для того, чтобы мы, надеюсь, смогли узнать, где ты находилась, — предложила она, соскребая под каждым ногтём и помещая образцы в маленькие бумажные конвертики. — Ну вот. Я не собираюсь проверять твой пульс или что-то в этом роде, но мне нужно полностью осмотреть твоё тело, — сказала она, откатившись назад, и я знала, что для меня это был сигнал к тому, чтобы я встала, что я и сделала.

Глубоко вздохнув и потянувшись за спину, я потянула завязки так, чтобы рубашка легко соскользнула вниз. От холодного воздуха в комнате моя обнажённая кожа с головы до ног покрылась мурашками.

Брови Эшли сошлись вместе, когда она встала и, подойдя ко мне, взяла мою руку, и покрутила её дважды, затем сделала тоже самое с другой.

— Хм, ладно. Никаких кровоподтёков, — сказала она, обходя меня вокруг. Мне пришлось закрыть глаза и сглотнуть, чтобы скрыть смущение от того, что осматривается каждый сантиметр моего тела. — Сойер говорил, что у тебя всё болело, — сказала она, снова встав передо мной и вручив мне рубашку обратно, которую я быстро с удовольствием натянула. Я знала, что худшее ещё впереди, но я была рада хоть какому-то прикрытию.

— Да, болело.

— Где?

— Везде. Буквально. Мне казалось, что болят все мышцы. Знаете, как... после активной тренировки, очень тяжело и не можешь двигаться на следующий день? Вот, что я чувствовала.

— Хорошо, — сказала Эшли, делая небольшую заметку в блокноте. Она потянулась ко мне, когда я села и, коснувшись моей головы, стала ощупывать её. Думаю, она искала какой-то признак того, что меня ударили по голове или что-то в этом роде. Но моя голова была единственной частью меня, которая не болела. Она потянулась обратно к подносу. — Ладно,

мне нужно взять немного крови, — проговорила она, достав вату и протерев внутреннюю часть локтя, чтобы продезинфицировать его, прежде чем достать шприц и быстро воткнуть его в вену, не предупредив меня и не дав мне время на беспокойство от этой мысли.

Я посмотрела вниз, наблюдая, как моя кровь стекает по стеклу, в какой-то степени заинтересованно.

— Ещё одну пробирку, — сказала она, вытащив первую и закрыв её.

— Хорошо.

— Вот и всё, — проговорила она спустя минуту, забрав вторую пробирку, и повернувшись ко мне с несколько настороженным выражением лица. — Итак, потому что ты не помнишь, что с тобой произошло, Сойер и я думаем, будет лучше, если мы сделаем...

— Проверку на изнасилование, — продолжила я, ощущая, как в животе всё сжалось. — Я тоже хочу сделать эту проверку. Это, эм, лучше знать, — сказала я, так в действительности и думая. Нет ничего хуже незнания.

— Ладно, тебе нужно лечь на спину, подтянуть колени вверх, затем раздвинуть ноги, чтобы пятки соприкасались, — сказала она, потянувшись за нужными предметами.

— Тебе будет более комфортно, если мы будем разговаривать в процессе или просто быстрее покончим с этим?

— Давайте, просто покончим с этим, — сказала я, закрыв глаза и пытаюсь представить, что я нахожусь где-то в другом месте. Где угодно, но не в смотровой комнате в офисе частного детектива прохожу проверку на изнасилование с милой медсестрой, которую я больше никогда не увижу.

— Хорошо, Рия. Эй, — её голос был низким и успокаивающим. — Рия, — позвала она снова, кладя руку мне на ноги, чтобы я могла сомкнуть их. — Мы закончили. Мне очень жаль, я знаю, что это было неприятно, но всё закончилось.

Я вздохнула и села, свесив ноги со стола и сжав его край так сильно, что руки побелели.

— Меня изнасиловали?

Эшли сняла перчатки и, повернувшись ко мне, покачала головой.

— Нет, Рия. Исходя из того, что я вижу, не было никакой сексуальной активности, будь то по обоюдному согласию, ни какой-либо другой.

Почему-то эти слова, эти отличные, замечательные слова стали переломным моментом. Я подняла руки и закрыла ладонями лицо, позволив пролиться слезам, которые я держала в себе с тех самых пор, как проснулась этим утром.

И как только я открыла эти шлюзы, не было никакой возможности закрыть их обратно. Моё тело сложилось пополам, грудь сильно трясло, поскольку я пыталась сдержать рыдания, даже когда потекли слёзы, вместо этого получился странный, икающий, задыхающийся звук.

— Рия, эй, — сказала Эшли, садясь со мной рядом на край стола, её рука опустилась мне на колено. — Я знаю, это безумная ситуация, но я уверена, если Сойер возьмётся за твоё дело, то он во всём разберётся и даст тебе ответы. Всё не столь безнадежно, как кажется сейчас. И как только мы получим анализы крови, возможно у нас будет что-то большее, чтобы продолжить. Попробуй взглянуть на это с другой стороны. Тебе больно, но ты не ранена. На тебя не нападали. Всё будет в порядке.

Я громко шмыгнула носом, слегка ударяя себя по щекам. Я не была полностью уверена, что всё будет хорошо. Но как было сказано, я не была полностью сломлена перед незнакомцем.

Я была реалистом. Всё это ненормально. И скорее всего, не будет нормально ещё долгое

время. Я должна быть более твёрдой.

— Ладно, хватит об этом, — сказала я самой себе, слезая со стола и потянувшись к куче своей одежды. — Извините за это.

— Милая, думаю, я забила бы в угол, если бы потеряла год своей жизни. Ты держись очень хорошо. Всё в порядке, — сказала она, убирая все пробы в сумку, затем выбросив половину использованного оборудования. — Мне нужно идти и провести все анализы, чтобы я могла отчитаться перед Соьером и получить для тебя некоторые ответы.

— Спасибо, — сказала я, действительно благодарная. Если она сможет сказать мне хоть что-то, то я буду ей очень обязана.

— Удачи, Рия, — проговорила она, выходя в коридор и оставив меня одну, чтобы я переоделась.

\*\*\*

Я тоже вышла в зал, немного растерянно глядя по сторонам. Я не знала, что делать или куда идти.

— Мистер Андерсон сейчас на встрече, но он свяжется с вами.

Это было отсрочкой, если можно так сказать.

И всё было бы великолепно, но у него даже не было способа связаться со мной. Однако я кивнула Мардж, благодарно улыбнулась и направилась на улицу. Я не могу оставаться в приёмной, как маленький потерявшийся щенок.

Вот как я себя чувствовала, тем не менее, я села на гигантские ступени, ведущие в здание. Поскольку, на самом деле, потеряв год своей жизни — ты теряешь многие вещи. Например, как я понимаю, свою квартиру со всеми вещами в ней, свою машину, за неуплату двух платежей по кредиту, мой кошелёк и все мои документы, удостоверяющие личность. Что значит, у меня нет доступа к таким вещам как: мой банковский счёт или кредитные карты, чтобы снять временное жильё.

Мне некуда было идти.

Это была поистине ужасающая мысль.

Моей семьи, какой бы маленькой она ни была, больше нет. За последние годы у меня было пару друзей, но ни с одним из них я не ощущала настолько близкой связи, что появиться на их пороге и попросить место, чтобы остаться, пока я во всём не разберусь. У меня даже не было телефона, чтобы позвонить кому-то или выяснить, что можно сделать.

Для того, кто держал всю свою жизнь под контролем, было полностью и крайне тревожно не знать, где я буду спать этой ночью. Или чем я собираюсь питаться. И как повернуть свою жизнь в нужное русло.

— Брок, клянусь, бл\*дь, только ты можешь оказаться с голой задницей у женщины на заднем... — голос Соьера затих, когда он спустился по ступенькам. Когда я повернула голову, чтобы посмотреть на него, он нахмурился. — Мне нужно идти, мужик. Я не знаю, сделай юбку из кленовых листьев и вызови такси. Это не моя проблема, что ты разозлил свою тёлку. Вот дерьмо, — сказал он, немного ехидно улыбаясь и, даже с некоторого расстояния между нами, я могла услышать женские крики из телефона. — Удачи тебе, чувак, — сказал он, вешая трубку и убирая телефон в карман. Когда я ничего не сказала, потому

что, ну, что тут можно сказать, он тяжело вздохнул. — Пойдём, детка.

Мои брови сошлись, когда он повернулся и продолжил спускаться по ступеням, как будто ожидая, что я последую за ним.

— Ээ... простите, что?

— Я сказал, пойдём, — повторил он, пожимая плечами, снова поворачиваясь ко мне. Солнце заставило его прищуриться этими великолепными зелёными глазами. — Мне нужно поесть. Ты выглядишь так, что, похоже, тебе тоже это нужно. Так что пойдём, поедем.

И тогда я смогла произнести несколько слов, которые в своей прошлой жизни я вряд ли бы когда сказала, что ощутила себя такой униженной от необходимости произнести их.

— У меня совсем нет денег.

— Как будто я позволил бы тебе заплатить, если бы они были. Пойдём, у меня не так много времени, — сказал он, повернувшись, и начал перебегать улицу.

И, потому что больше ничего нельзя было сделать, и не было другого способа достать еды, я встала, подошла к тротуару и, подождав, пока проедут машины, последовала за ним. Из-за боли в ногах я смогла догнать его только через полквартила, хотя он придерживался неторопливого шага.

Мы остановились у знакомого мне здания, которое было знаковым в этом районе столько, сколько я помнила. Это была отвратительная хромовая штука с огромными окнами возле каждого столика и маленькими музыкальными шкатулками, которые больше не работали. Оно располагалось в нескольких дверях от бара «Чейз» и отличалось от всех тем, что это было единственной забегаловкой, работающей 24 часа в этом месте. Поэтому, когда бар закрывался, место заполнялось, и люди, слишком пьяные, чтобы куда-то ехать, оставались там протрезветь, прежде чем ехать домой.

Я ела там, по крайней мере, две дюжины раз за последние годы.

Но это больше не было закусочной, которую я знала и любила.

— Что? — спросила я, мотнув головой в сторону вывески, на которой значилось, что это было чем-то вроде места для завтраков.

Сойер обернулся, глядя на вывеску, на которую я уставилась, будто она вдруг стала написана на санскрите.

— Владелец умер. Закусочная перешла в руки семьи, она владела сетью подобных заведений и решила переделать её, — пояснил он.

— Это просто... это кощунство, — настаивала я, качая головой. — Это было знаменательным местом.

— А, люди — отстой, — сказал он, приглашая меня, открыв дверь, и я неохотно вошла внутрь. — Но нам всё равно нужно поесть, а это место ближайшее, поэтому закажем Французские тосты нам тут.

Нас отвели к столику с видом на улицу, заполненную небольшими магазинчиками. Три из них были мне незнакомы. Но это было не так уж странно. Эта часть города всегда была известна частой сменой магазинов. Там было только несколько магазинов, которые не менялись годами: секонд-хенд, антикварная лавка, музыкальный магазин, магазин нового поколения и пара кафе, которые были здесь с тех пор, как я узнала об этом месте.

Это меня не беспокоило.

А вот изменения в закусочной — да, это сделало все эти вещи с «потерянным годом» ещё труднее для восприятия.

— Это ощущается таким неправильным, — сказала я, взяв в руки меню и посмотрев на

содержание. Больше никаких сырных сэндвичей на гриле с гарниром из картошки фри и отличным салатом из капусты с огурцом. Это то, что я всегда заказывала. И они всегда были идеальными.

Но чем дольше я сидела, тем больше мой живот урчал, поэтому я прогнала все эти чувства совершенной растерянности и выбрала комбо-завтрак из французского тоста, яиц, драников с беконом, заказала кофе и воду, после чего вручила меню официантке.

— Итак, пока мы здесь, — сказал Соьер, как только она ушла, — почему бы мне не узнать побольше информации о тебе.

— Хм, хорошо, — сказала я, слегка скованно кивнув.

— Расскажи мне о своей жизни, прежде чем она стала адом.

В нём действительно не было деликатной или доброжелательной жилки. Полагаю, когда становишься частным детективом, ты, в общем-то, хочешь больше Питбуля, чем Золотистого ретривера. Так что, может, это всё-таки хорошо, что он не обращался со мной как с ребёнком.

— Тут особо не о чем рассказывать. Я жила в квартире на Мейпл. Мои родители умерли шесть лет назад, или, э-э, семь, я думаю.

— Как?

Я вздрогнула, внутренне съёжившись от грубости вопроса.

— Отец умер от обширного инфаркта. Мама... не знаю. Полагаю, это случилось из-за безмерного горя. Они были всё ещё влюблены, даже после стольких лет, проведённых вместе.

— Ладно. Влюблённые родители, оба мертвы. Что ещё? Парень?

— Нет. Парня нет.

— Работа?

— Я работала в Центре создания семьи, — сказала я. — Я уже говорила об этом.

— Тебе нравилась твоя работа?

— Э-э, — произнесла я, улыбаясь официантке, которая принесла кофе и воду.

— Это не «нет», — сказал он, отпив свой чёрный кофе, пока я потянулась за сливками и кусочком сахара.

— Это не «нет». Это сложно.

— Как это вопрос, нравится ли тебе твоя работа, может быть сложным?

— Я работала в репродуктивной клинике. Я каждый день видела, как мечты людей стать родителями воплощаются в жизнь или умирают. Но также я ребёнок, который вырос в этой системе, и кого удочерила любящая семья, которая не могла иметь собственных детей. Они говорили, что невозможность завести детей естественным способом была для них знаком свыше, чтобы они вяли приёмного ребёнка. И благодаря такому мировоззрению, я смогла выйти из системы и познать, что такое настоящая семья.

— Так тебя раздражает, что люди делают ЭКО?

— Нет, — поторопилась я ответить, мотая головой. — Нет. Я понимаю это. И это здорово видеть, что люди осознают, что хотят иметь ребёнка. Но временами, когда я вижу, как люди приходят за пятой попыткой — это тяжело для меня. Я имею в виду, так много хороших детей в приютах и детских домах, так много детей вырастающих в этой системе, у которых никогда не будет семьи. Им некуда отправиться на рождество, не на кого опереться, когда в жизни становится тяжело. Если бы мои родители продолжили пытаться, вместо усыновления, то это могло бы случиться и со мной. Поэтому полагаю, что я просто

разрываюсь между всеми этими вещами.

— Но ты всё-таки работала там.

Я пожала плечами.

— Большинство людей не могут позволить себе любить абсолютно все аспекты своей работы.

— Ладно. Я понял тебя. Что ещё? Друзья? Увлечения? Привычки?

— Это имеет значение?

— Пропал год твоей жизни — это, чёрт побери, не случается с людьми ежедневно. Я думаю, что каждая мелочь имеет значение.

Я не могла придаться к этой логике.

— У меня была пара друзей, с которыми я могла бы пойти куда-нибудь на ужин или выпить, но никаких более тесных дружеских отношений. Я ходила в спортзал на Уиллоу...

— «Спортзал Шейна Маллика».

— Как скажешь, — сказала я, пожав плечами. — Люблю ходить в кино. Иногда ходить на концерты или комедийные выступления. Это, правда, всё. Я не хожу ни на какие еженедельные занятия или что-то подобное.

Вау, это интересно увидеть свою жизнь разложенную подобным образом. Вообще-то от этого она казалась какой-то плоской, пустой, почти грустной.

— У тебя были домашние животные?

Я покачала головой.

— Они не были разрешены, — сказала я, с каплей раздражения в голосе. Это всегда раздражало меня, потому что в мире была пара ослов, невнимательных к своим домашним животным, из-за которых не разрешалось заводить питомцев другим.

Принесли нашу еду, и я разжёвывала кусочек бекона, когда Соьер совершенно неожиданно произнёс:

— Мне понадобится список всех парней, с которыми ты трахалась, — это прозвучало, как гром среди ясного неба.

Я поперхнулась достаточно сильно, что даже пожилой мужчина, сидевший за стойкой бара с нашей стороны, спросил меня, всё ли в порядке.

— Это прозвучало бестактно, — выстрелила я в ответ, качая головой.

— Извини. Не думал, что ты деликатный, увядающий от такого цветок. Будет лучше, если я спрошу список мужчин, с которыми ты занималась медленной сладкой любовью? — спросил он, криво усмехнувшись, когда подносил вилку с блинчиком ко рту.

— Ты такой мудака, — сказала я, не в силах остановиться.

— Меня называли и похуже, — сказал он, явно не обидевшись. — Рия, послушай, люди не просто так оказываются позади мусорных контейнеров — их оставляют там. Наиболее вероятным подозреваемым, если что-то происходит с женщиной, является её нынешний или бывший любовники. Так устроен мир. Поэтому мне нужно знать, с кем ты была, чтобы я мог проверить их.

— Вот, — сказала я, качая головой, — это было так сложно?

— Сложно? Нет. Но более многословно, — сказал он, ухмыляясь, когда взял своё меню и оторвал от него кусочек. — Извини, детка, — сказал Соьер проходящей мимо официантке, улыбаясь ей настолько лучезарно, что раздражительный, бесстрастный взгляд тут же пропал с её лица. — Могу я одолжить у вас ручку? — спросил он, и она достав одну из фартука, протянула ему.

— Конечно, сладкий.

Я с трудом подавила искушение закатить глаза, когда он повернулся ко мне и вручил бумагу с ручкой. Я взяла их со вздохом и записала имена, прежде чем вернуть их обратно ему.

Он на мгновение опустил взгляд, нахмутив брови, прежде чем снова посмотреть на меня, удивлённо подняв брови.

— Пять? Да перестань, — сказал он, качая головой.

— Перестань... что? — не понимая, спросила я.

— Не может такого быть, тебе 29, бл\*дь, лет и только 5 парней тебя трахали.

— Действительно. Потому что это такое необыкновенное число.

— Видя то, как ты выглядишь, да, детка, это необыкновенно.

— Значит, все симпатичные девушки должны, намеренно, спать с кем попало?

— Это не зависит от пола. Привлекательные люди обоих полов склонны получать больше.

— Это оскорбительно.

— Так уж выходит.

Я закатила глаза, напоминая себе, что быть пресыщенным и циничным — скорее всего побочный эффект его работы, которая показывает ему множество уродливых сторон жизни. Мне никогда не приходилось сталкиваться с подобными вещами, это никогда не было частью моей жизни. Но полицейские и детективы склонны видеть уродливые части человеческой натуры — убийство, избиение, преследование, грабёж с насилием, домашнее насилие, обман, ложь. Солнечные, оптимистичные люди быстро сгорели бы на подобной работе. Думаю, для меня же было лучше, что Соьер Андерсон был козлом.

— Итак, кто сейчас президент? — спросил он, заставив меня закатить глаза.

— У меня не амнезия.

— Она может быть выборочной. Ты могла пройти через что-то травмирующее и просто заблокировать это в памяти.

— Да, но всё остальное я всё же помню.

— Логично, — сказал он, потянувшись через стол, чтобы взять у меня из тарелки драник.

— Эй, — сказала я, выпучив глаза.

— У меня была на завтрак картошка. Признаю, она чертовски задолбала, но я хочу кусочек этого.

— Ты мог попросить.

— Я мог, — согласился он, любезно улыбаясь мне, когда пережёвывал мою еду.

Я покачала головой, на минуту фокусируясь на еде, пока Соьер быстро писал текстовое сообщение.

— Так что теперь? — спросила я, когда он убрал телефон и продолжил есть.

— Мы подождём результатов анализов.

— Но я имею в виду...

Я имела в виду что? Что мне нужно немедленное решение? Мне нужны ответы в течение следующего часа, потому что я не знаю, что делать с собой? Даже если бы он был лучшим частным детективом в стране, он всё равно не смог бы раскрыть моё дело за несколько часов.

— Эй, — произнёс он голосом немного мягче, когда потянулся через стол и на

несколько секунд дотронулся до меня кончиками пальцев, прежде чем убрать их. Когда мой взгляд встретился с его, и он слегка наклонил голову. — Что такое? Я не смогу помочь, если не знаю.

— Мне некуда пойти, — призналась я. — То есть, это неправда. Мне нужно пойти в свою старую квартиру и посмотреть, что домовладелец сделал с моими вещами. И мне нужно найти место, где остановиться, чтобы вернуться к нормальной жизни...

— Ладно, ладно, — сказал он, посмеиваясь над моими очень серьёзными проблемами. — Ты потеряла год, детка. Ты не вернёшь всё это за один день. Тебе нужно делать это постепенно.

— Я не могу делать это постепенно. Я должна...

— Послушай, после обеда мне надо разобраться с кое-каким дерьмом. Когда я всё улажу, я отвезу тебя на прежнюю квартиру и посмотрю, что мы можем сделать, чтобы вычеркнуть что-нибудь из твоего списка дел.

Ладно. По крайней мере, это было хоть что-то. Я могла бы... Я не знаю, подождать его на пристани, пока он не вернётся с тех дел, которые должен был сделать. Это было бы не так уж плохо.

— Ты можешь побыть в офисном здании, — предложил он, делая план ещё лучше.

Я начала думать, что после всего, он не такой уж плохой.

— Ладно, так и поступим, — сказала я, кивнув.

— Эй, странный вопрос, — сказал он, беря счёт у официантки и вкладывая в него деньги, когда мы закончили с едой.

— Странный вопрос? — напомнила ему я, когда он так и не спросил.

— Чья на тебе одежда?

Я удивилась этому. Сидя спиной к столику, я озадаченно посмотрела вниз на свой наряд. И, впервые за всё время, что-то щёлкнуло. Он был прав, это не моя одежда.

— Какого... — сказала я, трясая головой.

На мне были какие-то льняные брюки, которых у меня никогда не было. Светло-кремового цвета, какие я бы никогда не купила, потому что волновалась бы, что они могут окраситься. И блузка была немного... старовата для меня. В белых, бежевых и коричневых цветах, лёгкая, почти прозрачная с большими пуговицами спереди. Я не выбрала бы её даже для своей мамы, когда она была жива, не говоря уж о себе.

Я взглянула вверх, немного приоткрыв рот.

— Как ты узнал?

— Ты имеешь в виду помимо того, что она чертовски отвратительна? — спросил он, улыбаясь. — Она не подходит тебе. Женщины с формами, как у тебя, не носят блузку на два размера больше и брюки, в которых попа выглядит плоской, хотя это не так.

— У меня могло быть ужасное чувство стиля.

— Могло быть. Но это не так. Эта одежда не твоя. Что на тебе было одето, когда ты шла на работу в прошлом году?

Это просто. Потому что, по большому счёту, для меня года не прошло. То, что случилось, когда я вышла из дома и собиралась за кофе, произошло со мной этим утром, а не год и два дня назад.

— На мне были узкие джинсы серого цвета и белый свитер с V-образным вырезом. И, да, чёрные замшевые полуботинки на каблуке, — я замолчала, немного смущаясь следующей частью. — Трусики на мне мои, но вот лифчик исчез.

Он кивнул, не став подшучивать над этим, как я думала, он станет делать.

— Твои волосы длиннее? — спросил он, заставляя меня потянуться к хвостику и снять резинку.

Я провела пальцами сквозь них, рассыпая их по плечам так, как обычно делала. Брови сошлись вместе, а рот приоткрылся, когда я почувствовала кончики волос.

— Они... короче, — ответила я, чувствуя, как они доходят до вершины груди, хотя обычно закрывали её. — Кто-то подстриг мне волосы?

— Похоже на то. Что-нибудь ещё не так, как обычно?

И тогда пара картинок мелькнуло у меня в голове из тех, когда я была на осмотре. Одна из тех причин, почему я так переживала о физическом осмотре? Да, потому что была не побрита или без эпиляции, и я имею в виду... везде. Подмышки, ноги, бикини. Всё заросло.

Как будто поняв суть моего смущения, Сойер пожал плечами, вставая из-за столика.

— Не волнуйся. У меня найдутся бритва и крем для бритья, — предложил он, затем повёл меня к двери, обратно на улицу. — Что-нибудь ещё?

— У меня возникла проблема с открывание двери вашего офиса, — призналась я. — Я чувствую слабость.

— Ты похудела? — спросил он, когда мы направились обратно к его офису.

Я пожалала плечами.

— Может быть, немного? Несильно, но, возможно, немного больше, чем сейчас. Одна из черт диеты — потерять год своей жизни.

— Нет, нам сюда, — сказал Сойер, когда я собралась подняться по ступеням, ведущим в его офис.

Я нахмурилась, когда последовала за ним вокруг здания, где он остановился возле толстой стальной двери с задней части дома. Он набрал длинный код на небольшой панели безопасности рядом с дверью. Дверь открылась, и я смогла войти внутрь. Здесь не было двери, ведущей в заднюю часть офиса, но была лестница, которая вела наверх. Я ощутила, как позвоночник напрягся.

— Расслабься, детка. В офисе нет места, где бы ты смогла отдохнуть. Поэтому я позволю тебе немного ненадолго остановиться у меня, — сказал он мне, устремляясь к лестнице.

Его дом?

Он живёт над офисом?

И с чего бы это ему пускать меня в своё личное пространство?

Он даже меня не знает.

— Давай, Рия. Мне действительно нужно быть в других местах, — позвал он сверху, и я двинулась к лестнице, стиснув зубы, поскольку ноги возражали подниматься на каждую последующую ступеньку. — Ты не шутила, говоря, что всё болит, — проговорил он, поворачиваясь к другой двери и вводя код. Затем он открыл дверь, приглашая меня внутрь. Но сам не пошёл со мной.

— Пользуйся всем, чем захочешь. Поиграй со Слимом, но оставайся в здании, пока мы не убедимся, что ты в безопасности. Я вернусь тогда, когда вернусь.

И с этими словами он оставил меня одну.

# Глава 4

## Рия — 4 часа

Квартира Сойера чем-то напоминала его офис: аккуратная, упорядоченная и очень мужская. Я никогда не была любителем тонны пушистых девчачьих штучек, лежащих повсюду, поэтому решила, что это даже немного уютно.

Полы были того же насыщенного древесного цвета, что и внизу, но стены у лестницы были серыми, а в доме — богатого кофейного оттенка. В П-образной кухне, которая находилась слева от двери, вся отделка была белого цвета, также кухня была заполнена белыми шкафчиками с разделочной поверхностью и приборами из нержавеющей стали. Табуретки стояли вне кухонной стойки, но никакой, как таковой, обеденной зоны не было. Сойер не был похож на человека, устраивающего званые вечера.

Прямо располагалась гостиная зона с огромным коричневым кожаным диваном у левой стены и двумя креслами в коричневом и черном цвете, обращенными к окнам здания. На стене справа, прямо рядом с коридором, который как я представляю, вёл к спальням, ванным комнатам и прочему, был гигантский только-мужчинам-нужен-такой-большой телевизор.

Справа стоял стол с целой горой вещей, лежащих на нём в беспорядке. Похоже, что он использовался больше для того, чтобы сбрасывать на него всякий хлам, чем по назначению.

Я вздохнула и направилась в гостиную, оглядывая коридор, прежде чем войти, возможно, слегка больше похожая на параноика, чем обычно. Но там не было тёмных углов, чтобы спрятаться, поэтому я двинулась дальше.

За первой дверью справа оказалась ванная комната. Здесь было светлее, в отличие от его обычного вкуса, кремового цвета плитка с гигантским душем и двойным туалетным столиком, с зеркалами в деревянных рамах и накладные светильники. И, к моему удивлению, там так же была джакузи. Прямоугольная и глубокая, в которой приятно отмокать, и отлично подходящая для отдыха после тяжелого дня.

Затем я подошла к следующей в коридоре двери.

Там я и встретила Слима<sup>[3]</sup>.

То есть, я заглянула в хозяйскую спальню. Стены светло-коричневого оттенка, деревянные комоды, деревянная действительно огромная кровать, застеленная богатым стеганым покрывалом.

А поверх покрывала была чертовски огромная собака, самая большая, какую я когда-либо видела в своей жизни.

Я знаю достаточно собачьих пород, чтобы узнать Английского мастиффа, как только увидела его. Я видела бесчисленное количество фотографий с ними — эти неповоротливые тела, грустные глаза и постоянно слюнявые пасти.

Слим, ну, он совсем не был худым. Он был огромным. Я была более, чем уверена, что если бы я легла рядом с ним, он оказался бы больше меня. И он наверняка тяжелее меня, на добрую сотню фунтов<sup>[4]</sup>. Он был яркого серо-голубого окраса с широким коричневым кожаным ошейником. Его жетоны зазвенели почти музыкально, когда он поднял свою огромную голову и издал, по правде сказать, еле слышимый «вуф», прежде чем снова опустить голову.

— Ты большой сторожевой пёс, — сказала я, входя в комнату, посчитав его

дружелюбным, раз Сойер сказал, поиграть с ним. — Привет, приятель, — произнесла я, присаживаясь на край кровати, и осторожно вытянула свою руку, позволяя ему обнюхать её. И клянусь, зверь приподнял брови, будто я выжила из ума, затем обнюхал руку и перевернулся на бок, подставляя свой живот.

Когда собака подставляет свой живот, особенно при первом знакомстве, значит, ты приручила его.

Так что я сделала это.

Вскоре, убаюканная этим дружелюбным и ленивым гигантом, а так же измученная утренними событиями, я медленно погрузилась рядом с ним в сон.

Проснувшись я от фирменного еле слышимого «вуф» Слима.

— Шшш, — прошептала я, потянувшись к нему и задев рукой пасть, похлопала по ней.

— Он предупреждает тебя о моём присутствии, трусливый маленький засранец, — произнёс голос Сойера, забавляясь, почти с нежностью, когда говорил о собаке, от чего я слегка завертелась, чтобы увидеть, как он входит в комнату. — Он выглядит устрашающе, но клянусь, он помог бы грабителю вынести телевизор, — сказал он, присаживаясь на кровать и обхватив большую голову Слима руками, почесал её, от чего тот сильно завилял хвостом, достаточно болезненно ударяя по моему бедру.

— Который час? — спросила я, взглянув на окна в спальне, но они были занавешены тяжёлыми тёмными шторами.

— Семь тридцать, плюс-минус, — сказал он обыденно, как будто это было не так уж важно.

Но это было важно. Я проспала 5 часов с его огромным зверем и впустую потратила время. Мы даже не успели ничего сделать.

— Дерьмо закончил позже, чем планировал, — сказал он, и полагаю, это был его способ извиниться. — Мы можем отправиться в твою старую квартиру первым же делом завтра утром.

— Но... — начала я возражать, быстро садясь, отчего вынуждена была быстро расставить руки пошире, одна рука угодила на спину Слима, от чего он заворчал.

— Ого, — сказал Сойер, внезапно схватив меня рукой за плечо, толкая обратно, для того, чтобы удержать весь мой вес, если понадобится. Но мне это было не нужно. — Ты в порядке?

— Голова закружилась, — призналась я, чувствуя, что мой мозг крутится в моём черепе, а мои глаза не могли сфокусироваться в течение долгое время. — Странно.

Рука Сойера соскользнула с моего плеча и плавно поднялась к шее, обхватив за челюсть, чтобы я повернула к нему голову, как только моё зрение вновь прояснится.

— Действительно интересно посмотреть, что покажет твой анализ крови. Но возможно нам стоит накормить тебя, в том случае, если это просто от недостатка сахара, — сказал он.

Я не уверена, понимал ли он, что я почти полностью осознаю тот факт, что его большой палец поглаживал верхнюю часть моей скулы, это ощущалось так хорошо, после такого плохого дня.

Правда, это была единственное объяснение, которое я смогла придумать тому, от чего этот милый, целомудренный контакт вызвал видимую дрожь по всему телу.

И, судя по тому, что его тёмные глаза потемнели ещё больше, а рука немного напряглась, он почувствовал это.

И хотя, в конце концов, он выдохнул достаточно громко для обычного вздоха, затем он

слез с кровати.

— Пойдём, у меня есть кое-что для тебя, и потом, мне надо вывести этого олуха на прогулку, прежде чем заказать еду.

После этих слов Слим поднялся с кровати, используя её, чтобы потянуться. Его передние лапы оказались на полу, а задние — на кровати, спина прогнулась, и он громко, протяжно зевнул.

— Да, Слим, у тебя тяжелая жизнь, — сказал Соьер, выходя в коридор, собака последовала за ним, вероятно, уже зная, что пришло время, выйти на улицу. — Пойдём, Рия, — позвал Соьер, когда я остановилась. Я вышла за ним в гостиную и встала у противоположной стороны к нему кухонной стойки. Простая коричневая сумка из магазина, с логотипом — буква «S» внутри алмаза, стояла на стойке. — Это тебе, — просто сказал он, открывая ящик и достав оттуда поводок, от которого Слим громко заворчал, когда Соьер наклонился, чтобы пристегнуть его к ошейнику.

— Что это?

— Дерьмо, которое тебе нужно, — сказал он, двигаясь с собакой к двери. — Мы вернёмся через 20 минут и сможем заказать еду.

С этими словами он вновь ушёл.

Немного нерешительно, как будто в сумке были змеи, вместо «дерьма, которое мне нужно», я потянулась к ней и опрокинула, позволяя содержимому вывалиться на стойку.

Будь я проклята, там было «дерьмо, которое мне нужно».

Это дерьмо включало в себя: зубную щётку, дорожный вариант шампуня и кондиционера хорошего бренда, дезодорант, женский бритвенный станок и крем для бритья (без сомнений, в их стоимость включен налог на розовое), комплект бюстгальтер и трусики, штаны для йоги и простая чёрная толстовка на молнии, с таким же логотипом, что и на сумке.

Мои руки немедленно потянулись к лифчику, брови сошлись вместе, потому что, как известно, всем женщинам тяжело выбрать лифчик для себя, а ведь мы крутимся среди этих вещей с тех пор, как достигаем переходного возраста. И никогда не знаешь наверняка. Иногда твой обычный 36 С становится слишком маленьким или слишком большим, всё зависит от марки и даже от календарных дней.

Поэтому, когда мои пальцы перевернули этикетку, и я на самом деле увидела там свой 36, моя челюсть отвисла.

Несомненно, он очень наблюдательный.

Исходя из моего опыта, большинство парней не смогли бы назвать размер трусиков своих женщин, даже, если они утверждают, что годами снимали с них эти трусики.

Покачав головой, мне стало любопытно, возможно он узнал это от Эшли, которая довольно-таки близко познакомилась со всеми частями моего тела, на самом деле. Я собрала все предметы и отнесла их в ванную, ожидая возвращения Соьера.

Он пришёл несколькими минутами позже, отпустив Слима, который двинулся к своей огромной миске с водой, выпив из неё две трети, а оставшуюся треть, разбрызгав по всему полу кухни.

— Я могу принять душ? — спросила я, поскольку ждала их возвращения с прогулки.

— Рия, я же сказал, устраивайся, — нахмурился Соьер.

— Нет, э-э... я имею в виду... у меня всё собрали, что нужно? Не уничтожу ли я какие-то улики или что-то в этом роде?

Его лицо немного смягчилось, когда он потянулся в один из шкафчиков и вытащил оттуда бутылку виски.

— Нет, детка. Тебя уже всю осмотрели. Я имею в виду, — сказал он, улыбка стала слегка злобной, — не то, чтобы я был против...

— Тогда отлично, — перебила я его, немного улыбаясь, потому что знала, что он всего лишь пытается поднять настроение. — На этой ноте я собираюсь принять душ.

На что он кивнул.

— Пицца пойдёт?

— Пицца — всегда отличная идея, — согласилась я, уходя. — Но если ты закажешь с ананасом, я буду точно против.

Он усмехнулся.

— Любишь мясо?

Я посмотрела через плечо.

— Совсем другой разговор.

— Тебе наполнить стакан? — спросил он, кивнув на бутылку виски.

— Нет, спасибо. Я в порядке, — говорю я, направляясь в ванную, закрываю дверь и защёлкиваю замок. Не то, чтобы я была против выпивки. Просто я не люблю крепких напитков, особенно виски. Ненавижу признаваться в этом, но я предпочитаю девчачьи напитки. Дайте мне добрую «Космо» или «Маргариту», и я буду в восторге. Крепкий ликёр? Боже, нет.

Я разделась и запрыгнула в душ, используя каждую секунду, чтобы воспользоваться всеми купленными для меня вещами, и неважно, если из-за этого остынет пицца. Мне нужно снова ощутить себя более нормальной.

К тому времени, как я закончила, возможно, двадцать минут спустя, ноги так обессилили, что дрожали. Я развернула полотенце и приподнялась, чтобы рассмотреть себя в зеркале с чувством пробирающей до костей беспомощности.

Прошёл год. И что-то было не так с моим телом. Никогда в моей жизни принятие душа не вызывало у меня чёртову мышечную усталость. Это безумие. Я всегда следила за собой. У меня не было модельной худобы или чрезмерных мышечных масс. Я следила, чтобы каждый день что-то зелёное попадало мне в рот, и ходила в спортзал в среднем три раза в неделю, чтобы поддерживать форму такой, как мне нравилось, чтобы она выглядела. Я могла протанцевать ночь напролёт и проснуться без боли в ногах.

Я отбросила полотенце и взглянула на себя впервые с тех пор, как проснулась, увидев небольшие изменения. Я похудела, как и сказал Сойер, хотя недостаточно для того, чтобы торчали рёбра. Но я выгляжу более слабой, более хрупкой. Каких бы очертаний не были мои руки, плечи, живот — всё исчезло, осталась лишь одна гладкая кожа. Волосы стали короче, но не слишком короткими, чтобы мой внешний вид стал другим. Брови разрослись, но мне отчасти нравилось, что они выглядят полнее. И как бы странно это не прозвучало, но моя кожа выглядит лучше, чем когда-либо прежде.

Но были и другие странности.

У меня очень сильно болела грудь. Правда, было похоже на то, будто мой цикл закончился пару недель назад, но они с каждым днём становились более болезненными. И низ живота был немного раздут. Опять-таки, возможно из-за ПМС, хотя у меня никогда не было подобных проблем. И наконец, я вся горела. Буквально. Как будто бы у меня была лихорадка, но я была более чем уверена, что это не так.

— Знаю, тебе надо разобраться с множественной растительностью, — голос Сойёра донёлся из-за двери, и я фыркнула от этой прямолинейности, — но пицца уже здесь.

— Я буду через минуту, — сказала я, перестав рассматривать себя и сосредоточившись на том, чтобы одеться. Я надела трусики и лифчик, ощутив небольшое облегчение от боли, затем натянула штаны и футболку, пропустила пальцы через волосы и направилась на выход.

— Лучше, — сказал он, кивнув, когда я вышла, доставая бумажные тарелки из шкафчика и направляясь к коробке с пиццей, на которой располагались два контейнера «на вынос». — Салат, — сказал он, подвигая один мне. — И я сделал для тебя коктейль.

Я остановилась, начав снимать крышку с салата, нахмутив брови.

— Ты сделал мне коктейль?

— Детка, когда я предложил тебе виски, ты выглядела так, будто я предложил тебе рассол и анчоусы разом. То есть, ты выглядела, как будто любила смешивать его с чем-то.

Он был почти до жути наблюдательным. Полагаю, это было его работой. Он бы не стал таким хорошим частным детективом, если бы в совершенстве не подмечал детали, даже незначительные.

— Это так, — согласилась я, сняв крышку с салата и полив его сверху заправкой. — Так что ты мне сделал?

— Чёрт, если бы я знал. Там водка, клюквенный и апельсиновый соки.

— Это называется Мадрас, — сказала я, слегка улыбнувшись, и потянулась с благодарностью к стакану.

— Интересные познания в выпивке, — разрезая пиццу на кусочки и выкладывая каждый на тарелку.

— Однажды, забавы ради, я посещала курсы бармена. Что-то из этого запомнилось.

— Хочешь поесть тут, ведя чертовски глупые бессмысленные беседы, — начал он, посмотрев на меня, — или поедим перед телевизором?

Боже, что же теперь крутят по ТВ?

— ТВ, — сказала я, хватая тарелку и ставя её на салат, чтобы дотянуться до выпивки.

— Как на счёт каких-нибудь новостей? Это немного поможет тебе сориентироваться в происходящем. Скоро пройдут выборы.

Я даже не знала, кто был кандидатами.

— Звучит отлично, — сказала я присаживаясь на диван и поставив еду на кофейный столик.

— Ещё раз, с меньшим энтузиазмом, — заявил он, потянувшись к пульту. — Я просто прикалываюсь над тобой. Эти выборы — хренов спектакль. Как на счёт бессмысленного марафона кино или тупых передач вместо этого?

— Лучше, — согласилась я, кивая головой. Будет ещё время наверстать всё. Завтра. Я заслужила возможность дать мозгу немного отдохнуть этой ночью.

Мы поели в относительной тишине, лишь однажды заговорив, когда он спросил, хочу ли я ещё один кусок (я хотела) и освежить ли мой напиток (да, тоже можно).

— Ладно, одно я знаю точно, когда женщина молчит больше часа, значит у неё что-то на уме, — сказал Сойер, возвращаясь и присаживаясь со мной на диван.

— У меня много чего на уме. Я думаю, это в какой-то степени нормально, когда теряешь целый год своей жизни.

На это он кивнул, положив руку на моё колено и немного успокаивающе пожав его. Полагаю, это совершенно не в его стиле, но он сделал это легко, ни на мгновение не

замешкавшись

— Послушай, это был чертовски сложный день. Ты выглядишь побитой. Отправляйся в гостевую комнату и поспи немного. Ты можешь начать собирать свою жизнь воедино завтра. Ок? — я кивнула, делая глубокий вдох, и потянулась убрать тарелки со стаканом. — Оставь это, — произнёс он так, что оставалось мало места для возражений. — Спокойной ночи, Рия.

— Спокойной ночи, — сказала я, слегка, но благодарно улыбнувшись, и направилась в коридор. Я зашла в комнату рядом с ванной, это была гостевая. Она была другого насыщенного цвета, синяя, практически чёрная с белым трюмо и безусловно белым покрывалом. На белье смешивались белые и синие узоры. Так или иначе, несмотря на тёмные цвета, было довольно уютно, и я нашла это успокаивающим, когда направилась к кровати, стянула лифчик и забралась под одеяло. Несмотря на то, что ранее мне удалось вдоволь подремать, я чувствовала себя более усталой, чем когда-либо прежде.

Поэтому я заснула.

Сойер был прав, я могу начать выстраивать свою жизнь снова завтра утром.

# Глава 5

## Сойер

Я мыл посуду, когда заметил, что Слим, встав с пола возле дивана, побрёл по коридору. Любопытно. Я перегнулся через стойку, чтобы понаблюдать за ним. Вполне уверенный, он свернулся под дверью гостевой комнаты, протяжно зевая и давая понять, что он отправляется спать после долгого дня ничего неделанья.

И хотя гигантский зверь обычно спал в ногах на моей кровати, я подозревал, что вместо этого он будет охранять дверь Рии.

Похоже, он поменял свою преданность.

Ну, кто же не захочет защитить прелестную девицу, попавшую в беду?

Как только я положил оставшуюся часть пиццы в холодильник, мой телефон завибрировал на стойке, привлекая моё внимание. Я знал, что это был Баррет, ещё до того, как ответил на звонок. Он быстро отработал свои деньги.

— Ну, что у тебя?

— Не так много, как тебе хотелось бы, — начал он, подготавливая меня. — Я отправил файл на твой имейл. На английском.

— Отлично, изложи суть, — потребовал я, направляясь в гостиную, чтобы сделать ещё глоток, прежде чем тоже отправиться спать. Завтра будет чертовски длинный день.

— Рия Суини, удочерена в возрасте 7 лет, Майком и Элиссон Суини, которым на тот момент было по 40 лет. Бездетные, специалисты в бизнесе и кулинарном искусстве соответственно. Записи о рождении были запечатаны, поскольку это было закрытое удочерение <sup>[5]</sup>. Рия, к счастью, не подвергалась какому-либо физическому или эмоциональному насилию в детских домах. По крайней мере, ничего не записано. Она училась на 4 и 5. В старших классах играла в лакросс, и у неё были одни длительные отношения с парнем по имени...

— Эрик О'Нил, — предположил я, так как это имя было первое в её списке.

— Точно. Это он. Спортсмен, футболист. Он отправился в колледж в Калифорнию, что вероятнее и послужило причиной разрыва. Она ходила на какие-то занятия в муниципальном колледже, прежде чем получила работу в приёмной Центра планирования семьи, где и проработала около 6 лет. Она жила в квартире на Мейпл 5 лет, после того, как съехала из родительского дома в 21 год, а потом жила с другим парнем...

— Дерекком Джеймсом, — продолжил я.

— Ага. Два года. Потом появился другой парень...

— Тимир Л и, — добавил я, удивлённый, что с тремя из пяти парней, с которыми она встречалась на данный момент, у неё были длительные отношения.

— Один год. Полагаю, всё указывает на то, что она решила стать самостоятельной. Из того, что могу сказать, ни один из них не жил с ней на Мейпл. Она вовремя оплачивала аренду. Кредитная история у неё была хорошей. Она получила небольшое наследство от родителей, а также деньги от продажи дома на счёт, но, похоже, коснулась этого счёта, лишь когда нужно было внести аванс за машину.

— Значит, говоришь, она всё делала правильно.

— По большому счёту. Ничего незаконного. У неё даже нет штрафов за парковку.

— Ладно. Что на счёт её работы и медицинских записей?

— Работа... хорошо. Они всё там держат в архиве. В подобных местах много ответственности. У неё не было предупреждений или записей о повышении. Что касается здоровья... — начал он, листая страницы. — Проверки всегда проходила вовремя, обе: обычные и гинекологические. Принимала противозачаточные в возрасте от 16 до 18, потом прекратила их выписывать.

— Эмоциональное состояние?

— Никогда не наблюдалась у психиатра. Я имею в виду, не то чтобы это показатель, но она никогда не принимала никаких лекарств. Никаких одержимостей. Никаких попыток суицида. И учитывая, как, похоже, размерено протекала её жизнь, скажу, что ничего не указывает на то, что она не в себе. Ничего непредсказуемого, никаких плохих периодов. Она жила хорошей жизнью, а потом... перестала жить ею.

— Что на счёт последних двух имён, что я тебе послал?

— Точно. Э-э. Крис Миллер просто... не знаю, мужик. Это могла быть случайная связь или короткая интрижка. Ничего не могу найти о нём в её старой соцсети, и даже на групповых фото в «И нстаграм ». Определённо, он не был её парнем.

— А последний?

— Ну что тут сказать... я нашёл около 80 Майклов Робинссонов в радиусе 20 миль...

— Ты не мог сузить поиск?

— Вообще ничего о нём в соцсетях.

— Ладно, — сказал я, выдыхая. — Что-нибудь ещё?

— Не то чтобы. Её телефонные записи, ну, обычные. Частое зависание в интернете и практически никаких телефонных звонков. У неё были друзья, с которыми она виделась то тут, то там, но никаких лучших друзей. Она посещала спортзал Шейна. Ходила в кино. Правда, просто обычная девушка.

— Которая исчезла с лица Земли на год.

— От Эшли ещё ничего не слышно?

— Нет. Она дёрнула за кое-какие ниточки в лаборатории, чтобы сделать тесты, но результаты будут завтра. Обычно на это требуется неделя, так что не могу жаловаться, что долго.

— Так ты возьмёшься за дело?

— Бл\*дь, если бы я знал, — честно ответил я, закидывая ноги на кофейный столик. — Но я пустил её переночевать к себе домой.

Последовала длинная пауза.

— Ты пустил её переночевать к себе?

— Ну да.

— Ладно, у тебя три дома в округе с удобствами для ситуаций, как эта ... но вместо этого, ты пускаешь её к себе.

— Мне нужно было разобраться с кое-каким дерьмом. Проще всего было привести её сюда.

— Ну да, конечно, — сказал он, и я практически мог слышать улыбку на его лице.

— Говори, — потребовал я, зная, что в конечном итоге он всё равно это сделает.

— Значит, размещение её у тебя никак не связано с тем, что она так великолепно выглядит, да? Если бы, скажем, Рия Суини была неким Роем Суини с 60 лишними фунтами и жирной кожей, вместо некой экзотической богини...

— Экзотическая богиня — немного романтично для тебя, Баррет.

— Просто высказал своё мнение.

— Она в гостевой комнате, — сказал я, оставляя без внимания тот факт, что она была на моей постели и что покрывало, скорее всего, пахнет ею.

— Конечно. Но как надолго?

— Ладно, думаю, уже хватит братских разговорчиков для одной ночи. Или даже на жизнь. Чек я вышлю тебе завтра первым же делом, — Баррет усмехнулся, понимая, что нашёл слабое место, вероятнее оставляя этот факт на потом. — Хорошо. Держи меня в курсе. Интересное дело.

— Ага, — согласился я, заканчивая звонок.

Интересное дело — это ещё мягко сказано.

В большинстве случаев, я тонул в делах «поймайте на измене моего супруга». Или, также часто в последнее время «выследите моего пропавшего наркомана ребёнка, мужа или друга». Или, иногда в делах «этот человек украл мои документы, и мне нужно отследить его». Спустя время все дела становятся одинаковыми.

Но женщина, которая, исключая доказательства, что она съехала с катушек, потеряла год своей жизни, не зная почему, да, это было что-то новенькое.

Хотя, я не стал бы отрицать, что Баррет отчасти сказал правду. У меня есть безопасные дома, куда бы я мог пристроить её, пока разбираюсь со всем этим её дерьмом. Они хорошо оснащены и вероятнее были бы более комфортны для неё, чем нахождение в доме частного детектива. Как было сказано, часть меня подумала, что после этого адского дня, возможно последнее, что она действительно захочет, — это оставаться наедине со своими мыслями. К тому же, в моём доме безопаснее со мной и большинство моего персонала находятся на этаже ниже, а с ней Слим. Конечно, он кажется чертовски ленивым, но он может подняться с пола и напугать кого-нибудь своим видом, если понадобится.

Это очень мало связано с тем, что мне нравилось смотреть на неё. Когда я так делал, то лучше узнавал, во что впутывались клиенты.

И я чертовски уверен, что не погружаюсь в безумие.

Если она таковой была.

Я действительно думаю, что это не её случай, но я же не психиатр.

У неё не было истории, что было хорошим знаком. Но люди могут сорваться в любой момент, так что, оставалось только ждать, пока завтра утром не придут результаты тестов.

На этой ноте: кухня была убрана, двери закрыты, я отправился спать в спальню, покачивая головой, когда увидел Слима в качестве охранного пса, лежащего у дверей гостевой комнаты.

В следующие 24 часа многое должно проясниться.

\*\*\*

Будучи утренней пташкой от природы и благодаря службе в армии, я всегда просыпался сразу после восхода. Я взял Слима, который был не против оставить свой пост у двери, на утреннюю прогулку. Придя с ним домой, сварил кофе и отправился на пробежку. Когда я вернулся назад и отправился в душ, меня слегка удивило, что Рия ещё не проснулась,

учитывая то, как рано она ушла спать вчера вечером, но потом решил, что, возможно, её разуму и телу нужно больше времени для отдыха.

Приняв душ, я принял свой обычный вид, надев джинсы и голубую футболку, и оправился на кухню. Я только наполнил свою чашку кофе, когда дверь гостевой спальни отворилась, а Слим издал гортанный звук, когда освобождал путь Рие.

— Привет, приятель. Меня ждёшь? — спросила она, и я увидел, как девушка присела на корточки, чтобы почесать его огромную голову своими тонкими, изящными руками. — Подожди, дай мне минутку, — сказала она, исчезая в ванной.

Я потянулся к шкафчику за ещё одной чашкой, поставил её на стол и наполнил, добавив немного сливок и кусочек сахара, как она делала во время позднего завтрака.

Воспоминание о её лице, когда я позвал её, стоящую у входа в место, которое она и каждый всегда знали, как круглосуточный ресторанчик, всплыло в моём воспоминании. Риа застыла на месте, светлые карие глаза расширились, полные губы приоткрылись, а тёмные брови сошлись вместе. И выглядела она совершенно... потерянной.

Я видел в своей жизни много грустного дерьма, но это определённо заняло место в первой пятёрке.

Риа вышла пару минут спустя. Лицо блестело после умывания, и она заправила волосы за уши.

— О-о, — сказала девушка, тут же остановившись.

— Не ожидала увидеть меня, детка?

— Ещё рано, — сказала она, вместо этого направляясь к противоположной от меня стороне стойки. Я подтолкнул чашку к ней, прежде чем взять её, она проследила за ней несколько секунд. — Я бодрствую уже почти два часа, — сказал я, пожав плечами.

— А-а, ты из этих, — сказала она. Отпив глоток, её глаза расширились. — Тебе когда-нибудь говорили, что твоя наблюдательность немного пугающая?

— Практически ежедневно, — согласился я, когда подошёл к холодильнику, чтобы взять пластиковый контейнер с купленными в магазине кусочками разных фруктов. Поставив фрукты рядом с плитой, на которой уже закипало немного воды, я добавил в неё овсянку.

— Ты готовишь для меня? — спросила она, что прозвучало немного подозрительно.

— Нам нужно поесть, — сказал я, пожав плечами, когда закончил с овсянкой и разложил её в две пиалы, затем поставив их и фрукты на стойку. Она долго всматривалась в овсянку, брови опустились. — Сахар? — спросил я спустя минуту, предположив, что полезная, без добавок овсянка была, вероятно, на любителя.

— Да, пожалуйста, — сказала Риа, потянувшись своими пальчиками за кусочком дыни и положив его в рот, от сока которой её губы увлажнились. Мне нужно было запихнуть немного еды себе в рот, чтобы удержаться от внезапно возникшего и почти подавляющего желания подойти и слизать сок самому.

Я вручил ей сахар и наблюдал, как она, опустив чайную ложку в пиалу, размешивает содержимое и пытается съесть это.

И тогда я понял одно: она не лгала мне. Что она не выдумала некую смешную историю, чтобы привлечь внимание или что-то в этом роде. Я знал это, потому что, если Риа Суини и была не способна на что-то, так это притворство.

— Возьми ещё, — сказал я, подвигая сахарницу ближе к ней. — Ты же знаешь, что хочешь ещё.

Получив разрешение подсластить овсянку ещё, она так и сделала.

— Я не знаю, как ты ешь её без всего.

— Детка, проведи целых восемь лет, потребляя сухпайки, и это покажется тебе божественно на вкус.

— Что такое сухпайки?

— Еда, готовая к употреблению, — пояснил я. — Армейский рацион.

— Ты был в армии?

Я улыбнулся на этот вопрос.

— Совсем не наводила обо мне никаких справок, прежде чем прийти, да?

— У меня точно не было возможности сделать это. Идя из больницы, я увидела это здание и...

— Скажешь, что это была судьба, и потеряешь всё моё уважение к тебе.

— Хорошо. Это был... счастливый случай, — сказала она, немного улыбаясь.

— Предрассудки, — сказал я, бросив в неё чернику.

Она взяла её со стойки и закинула себе в рот. И её рот, ну, стал уж слишком отвлекать. Я отвернулся от еды и стал готовить завтрак для Слима.

— Так, э-э, мы собираемся сегодня заехать в мою старую квартиру? Я имею в виду, я знаю, у тебя много других дел и...

— Детка, я сказал, что отвезу тебя, значит, я отвезу тебя. У меня есть другие дела, но они могут подождать часок, пока мы, по крайней мере, попытаемся посмотреть, остались ли у тебя какие-нибудь документы или одежда.

Закончив с едой, Риа нашла вчерашнюю обувь и, скользнув в них, похлопала по попе, видимо привычка, появившаяся для проверки задних карманов, на наличие там телефона. Но у неё не было карманов и не было телефона. Её руки опустились немного застенчиво, больше для себя она помотала головой.

— Готова? — спросил я, потянувшись за поводком Слима.

— Ты возьмёшь собаку?

— Не-е-е. Иногда, он лежит в постели и не двигается, когда я ухожу, — в эти дни я оставляю его дома. А иногда он беспокойный — в эти дни я беру его вниз в офис, там он может бродить за ребятами и Мардж, и будет совершенно избалованным.

— Не слушай его, — сказала она Слиму, забирая у меня поводок. — Ты заслуживаешь баловства. Ты просто душка.

Она позволила ему потянуть себя вниз по ступеням, в то время, когда он всегда ходил рядом со мной.

— Слим... — предупредил я, когда он попытался утянуть её за здание.

— Он столь же сильный, насколько выглядит, — сказала она, пытаясь удержать поводок.

Я вытянул руку прежде, чем она выпустила его. Моя рука наполовину накрыла её, и от этого действия девушка полностью напряглась. Её глаза широко распахнулись, немного шокированные от прикосновения.

— Не позволяй ему вести, детка, — сказал я, когда Слим фыркнул, увидев, кто контролирует поводок, и вернулся обратно на пару шагов. — Он перетянет твою попку на другой конец города в собачий парк в мгновение ока.

— Буду знать, — сказала она, выдернув руку из-под моей и сжав её сбоку в кулак. Я не был уверен, что понял этот жест. — Я подожду... — начала она, когда я потянулся к

офисной двери.

— Пошли, встретишь Брока, — сказал я, ухмыльнувшись. — Я дам тебе 50 баксов, если ты упомянешь цыпочку, выставившую его голым, — добавил я, потянувшись за её рукой, потому что, кажется, Риа достаточно упряма, чтобы упереться ногами и остаться снаружи.

Почему я так настаивал на том, чтобы она вошла, даже для меня было загадкой.

— Тебе нет необходимости... — воспротивилась она, пытаясь выдернуть свою руку.

Но было уже поздно, мы вошли внутрь.

Всё стояли вокруг.

— Доброе утро, мийо<sup>[6]</sup>, — поприветствовала Мардж из-за стойки приёмной, несмотря на то, что я годами твержу ей, называть меня на работе по имени.

— Тиг, — сказал я, кивнув ему, когда он потянулся вниз погладить Слима.

— Сойер. Красотка, — сказал он, улыбаясь Рие, и она легко ответила ему тем же. Да, он производил такой эффект на женщин. Клянусь, доброта так и просачивается через все его поры и женщины чувствуют это.

— Привет, — ответила она, немного застенчиво, чего я не ожидал.

— А этот тип — Брок, — сказал я, указывая в сторону короткостриженого блондина: высокого, сильного, военного телосложения. Военного, потому что мы вместе служили в армии. Там было полно дерьма, которое мы познали вместе: задания, файлы которые полностью редактировались перед публичными публикациями. Напрасно они не назывались тайными операциями.

— Брок, значит, — сказала она, кривя губы, когда невероятно медленно, почти агрессивно осмотрела его всего, что породило внутри меня каплю зависти. Но это было настолько безумным, что я подавил это чувство в себе на корню. — Знаешь, думаю, ты действительно смог бы сотворить себе юбку из кленовых листьев.

Я откинул голову назад и рассмеялся, удивлённый и обрадованный тому, что она приняла мой спор. Тиг, Брок и Мардж тоже рассмеялись.

— Всезнайка, — сказал Брок, предлагая ей руку. — Ты должно быть Риа, — он остановился, показывая ей очаровательную, хотя и дразнящую улыбку. — Есть вероятность того, что ты знаешь счёт игры «Джетсов»<sup>[7]</sup> на прошлой неделе?

От этого вопроса я почувствовал себя немного напряжённо, пока не посмотрел на Рию и увидел, как её рот приоткрылся, взгляд заметался по сторонам, прежде чем она, к удивлению, рассмеялась.

— Классно, — сказала она, всё ещё широко улыбаясь. — Забавляешься над девушкой, пропустившей год жизни, — сказала она, качая головой.

— Ладно, — прервал я, раздражённый по причинам, которых не понимал, и кивнул головой в сторону Слима. — Ребята, вам придется немного присмотреть за ним. Я отвезу Рию, чтобы встретиться с её прежним управляющим, посмотрим, что можно сделать.

Брок кивнул, демонстрирую Рие ещё одну улыбку.

— Увидимся, Риа.

Брок, в то время, когда у него всё ещё бывали свои тёмные периоды, был известным любителем пофлиртовать и всегда попадал в различные ситуации с женщинами. Обычно это было забавно. Но когда дело дошло до Рии, мне это не понравилось.

— Полегче, — предупредил я, глядя на него так, что он приподнял бровь и усмехнулся. Если бы я знал его, а я, чёрт возьми, знал, то это был взгляд «игра началась». Я должен был держать рот на замке.

— Готова? — спросил я Рию, она кивнула, улыбнувшись всем, и последовала за мной обратно на улицу, к моему внедорожнику. — Так твой управляющий такой же хрен, какими обычно они бывают?

— Я немного общалась с ним, помимо тех раз, когда звонила ему, если какая-нибудь вещь в квартире выходила из строя. Но он всегда был хорош и быстро улаживал всё, что бы то ни было.

— Значит, не такой уж мешок с дерьмом, — сказал я, кивнув. Это было что-то новенькое. И вселило небольшую надежду, что он просто не выкинул все её вещи в мусорку и забыл об этом.

Через пару минут мы подъехали к входу в её дом. Это было маленькое квартирное здание, возможно, всего с 12 квартирами. Всё поддерживалось на хорошем уровне: вымытый водомойкой зелёный сайдинг и свежеекрашенные белые балкончики. Это был тот вид квартиры, который оправдывал каждое пенни, уплаченное за аренду или другие сборы. Всё восполнялось достойным управлением, хорошим уходом за территорией, современными обновлениями и мерами безопасности.

— И во сколько тебе обошлось это место? — спросил я, зная, что эта информация, вероятнее всего, есть в файле Баррета, который он мне прислал, но у меня ещё пару часов не будет времени для ознакомления с ним.

— У меня однокомнатная квартира примерно за 1100 баксов, — сказала она, пожав плечами. — Была, — поправила она себя, остановившись и покачав головой. — У меня была однокомнатная квартира.

— Пойдём, — сказал я, положив руку ей на поясницу, почувствовав, как она ускользает от прикосновения. — Давай-ка посмотрим, что сделал этот милый управляющий с твоими шмотками : выбросил, продал или сохранил.

Я поднялся к центральным дверям, и Рия инстинктивно потянулась ввести код, но дверь издала пикающий звук, который означал, что код сменили.

— Дерьмо, — сказала она, тяжело вздохнув.

— Вот для чего существует такая кнопка, — сказал я, удерживая палец на звонке, пока не увидел фигуру, вышедшую в коридор и направившуюся к нам.

Он открыл дверь, разинув рот, а его брови сошлись вместе.

— Квартира 2-а? — заявил он, глядя на Рию.

— Привет, Чип, — сказала она, немного неуютно переминаясь с ноги на ногу.

— Что случилось с тобой, девочка? — спросил он, мотая головой, всё ещё не веря увиденному. Рия, должно быть, была для него приведением. — Пять лет никогда не задерживала платежи, никогда и дня не пропускала, не проверив почту. Затем... ничего. Исчезла. Как сквозь землю провалилась.

Взглянув в лицо Рии, я увидел, что её глаза увлажнились, а губы чуть подрагивали.

— Она попала в аварию и находилась в коме, — ответил я немного бессердечно, желая утрясти эту ситуацию. — У неё не было семьи, чтобы разобраться со всем этим, поэтому счета не оплачивались.

— О, Боже, — сказал он, посмотрев на меня, обеспокоенными голубыми глазами. — Ого, я понятия не имел. Я так рад, что ты очнулась, — сказал он, снова посмотрев на Рию.

— Да, настоящее чудо. А теперь скажите, вы выкинули её вещи?

Чип отпрянул назад, будто я ударил его.

— Выкинул? Нет. Конечно, нет.

— Вы сдали квартиру в аренду в том виде, в каком она была?

— Нет, — сказал он, становясь злым. — Я бы так не сделал. У меня нет достаточно места для хранения всего здесь, поэтому некоторые из вещей я храню на складе в соседнем городке. Всю мебель и подобные вещи. Но небольшие предметы я упаковал в коробки и спустил в подвал.

Ну, как выяснилось, она была права. Он был хорошим парнем. Я так редко встречаю таких людей, что трудно поверить в их существование, пока не встретишься с одним из них лицом к лицу.

— Мы можем взглянуть? — спросил я. — Не думаю, что мы сможем забрать всё сегодня, но было бы неплохо забрать что-то из основного, например, одежду...

— Конечно, — сказал Чип, освобождая проход. — Думал, что с тобой случилось что-то ужасное, — добавил он, когда мы вошли внутрь и направились по коридору к лестнице в подвал.

Она вздрогнула от его слов, даже не имея понятия, что с ней случилось на самом деле, но вероятно понимая, что это было скорее ужасным, чем прекрасным.

— Это здесь. Прямо за оборудованием спортзала, оставшегося от подпольного бойца, когда он... умер, — сказал он, увиливая от всей правды. Как я выяснил, он умер от передозировки или во время драки. — Я оставлю вас ненадолго одних, — отступая немного смущённо от того, что она знала, что ему пришлось обшарить всё её имущество, чтобы перенести с той квартиры.

— Спасибо, Чип, — сказала Риа, слегка напряжённо, натянуто улыбаясь, но, тем не менее, она всё же улыбалась.

Девушка подождала, пока шаги Чипа перестанут доноситься с лестницы, прежде чем направиться к своим коробкам. Усевшись на корточки, она вытянула первую и открыла её.

Через десять минут абсолютной тишины, когда Риа просмотрела свои вещи, она посмотрела на меня и покачала головой.

— Их здесь нет.

— Чего нет?

— Моего кошелька или любого документа, удостоверяющего личность.

— Свидетельство о рождении? Социальная карта? — спросил я, зная, что эти два документа значат всё для подтверждения, что ты реальный человек.

Она покачала головой.

— Я держу их в ячейке в банке. В банке, в который я не могу попасть без документа с фото, удостоверяющего личность, — сказала она, безнадежность заполняла её голос. — Если я не смогу получить доступ к деньгам, то не смогу снять новую квартиру. Я не смогу... — внезапно прервавшись, она отвернулась от меня и глубоко вздохнула, пытаясь успокоиться.

Я посчитал это одновременно и благородным, и глупым. В общем, я был убеждён, что если ты чувствуешь что-то, то ты это показываешь. Допустим, большинство из того, что чувствую я, — общая апатия, цинизм, юмор и лёгкий гнев. Всё это намного легче выразить, чем её очевидную хрупкость, страх, опустошение и смятение. Но я уважаю то, что она пытается не развалиться на части.

Это не было чем-то, к чему я привык.

Будучи в этом деле, я атакован женщинами, попадающими в тяжелые ситуации в их жизни, я лишь протягивал коробку с салфетками через стол, пока они ревели так сильно, что их тела сотрясались, когда я говорил им, что их мужья им изменяют. Эта их реакция была

выше моего понимания. Какого чёрта реветь о каком-то ублюдке, который не уважает вас достаточно для того, чтобы держать свой член в штанах?

Но Рия не была одной из тех женщин.

Рия не намеревалась разваливаться на части.

Так или иначе, эта её решимость побудила меня убедить её, что всё хорошо, даже если это случится.

— Рия, послушай, — сказал я, становясь рядом с ней и положив руку ей на плечо, немного сжав его. — Это не конец света. Мы всё восстановим, и в твоей жизни всё наладится.

Её голова упала, и она тряхнула ей, от чего её гладкие чёрные волосы накрыли лицо.

— Я не знаю как...

— Тебе и не нужно знать как. Я знаю как. Так что, прямо сейчас, давай сосредоточимся на хорошем. Твой старый управляющий оказался не мешком с дерьмом. И ты вернула часть своих вещей. У тебя есть место, где остаться. Ты...

— Ты разрешаешь мне остаться у тебя? — спросила она, развернувшись, её брови нахмурились. — Почему?

Бл\*дь, если бы я знал.

— Потому что тебе нужно встать на ноги, детка. Может быть, я не белый и пушистый, но я не какой-нибудь придурок, который выставит женщину на улицу, когда ей больше некуда пойти. Ты можешь свободно пользоваться моей гостевой комнатой, пока мы не разберёмся со всем твоим дерьмом.

— Это правда, мило, но...

— Проглоти свою гордость и прими помощь. Это не значит, что ты слабая.

— Я и не думаю, что слабая, — сказала она, ощетинившись. Рия выпрямилась, расправила плечи и посмотрела на меня, подняв вверх подбородок.

Я почувствовал, как приподнимаются кончики моих губ, наслаждаясь её решимостью больше, чем печалью.

— Ладно, хорошо. Это не делает тебя менее независимой, — предположил я. — Так что хватай то, что тебе нужно, и пошли отсюда.

Она слегка закатила глаза и повернулась к своим коробкам. Рия перебирала и группировала вещи в две коробки приличных размеров.

— Я могла бы сейчас обойтись без твоего жужжания, — сорвалась она, когда я уже наполовину спел «Independent Woman»<sup>[8]</sup>.

— Эй, я всего лишь пытаюсь поднять боевой дух, — сказал я, забирая у неё коробку, когда она посмотрела на меня острым взглядом поверх плеча и направилась к лестнице.

И будь я проклят, если этот взгляд не послал искру желания в мою кровь, поскольку я очень старался не смотреть на её задницу, когда девушка поднималась по лестнице.

Она была клиентом.

И не будем об этом.

Дело закрыто.

Или, по крайней мере, пока настоящее дело не будет закрыто.

# Глава 6

## Рия — 24 часа

После перевозки моих вещей, Сойер высадил меня у квартиры с предложением остаться внутри или побыть в офисе с его людьми, пока он не вернётся.

Обычно я ненавижу подобные указания, но факт остаётся фактом: мне больше некуда податься. Поэтому я заварила себе кофе и выложила все свои вещи из коробок на кухонной стойке, сортируя их по кучкам.

Я могла бы сказать, как же хорошо ощущать, что мои вещи вернулись «после столь долгой разлуки», но для меня это не было так долго. Это было одним днём. День по моему времени, но весь остальной мир прожил на год больше меня. Мои вещи были на складе хранения. Мой банковский счёт был вне досягаемости. Я была полностью и совершенно зависима от мужчины, которого я едва знала, который в равной степени интриговал и раздражал меня.

Это не из-за того, что он не был хорошим человеком — он был. Фактически, он лучше большинства мужчин, которых я встречала. Он приютил меня в своём доме на неопределённое время. Сойер сказал мне чувствовать себя, как дома. Он помог мне забрать мои вещи и пытается разобраться в моей загадке.

Не прося ничего взамен.

Ну, в конечном счёте, полагаю, я должна буду заплатить ему за всё, но всё же.

И что с того, что временами он бывает слегка некорректным и немного чёрствым? Это не делает его менее хорошим.

Но о чём я говорила, так это то, что порой он улыбается совершенно не к месту.

Он напевал эту чертову песню 90-х о сильных женщинах, в то время как я была обеспокоена. Я даже не была уверена, пытался ли он поднять мне настроение или же провоцировал меня.

— Открывай, всезнайка, — голос Брока донёсся из-за двери, заставив меня нерешительно сделать шаг назад. Мне сказали оставаться в квартире или в офисе, но меня не предупреждали, кого можно впускать в квартиру. Когда я немедленно не открыла дверь, он позвал снова. — Давай, Рия. Обещаю не убивать тебя ужасающими способами.

— Это едва ли успокаивает, — отозвалась я, немного улыбаясь, несмотря на моё колотящееся сердце.

— Послушай, Слим решил использовать кресло Сойера в качестве жевательной игрушки, поэтому надо было вывести его из офиса, пока он не нанёс ещё больший ущерб.

Как будто в подтверждение, Слим издал громкий скулёж.

После чего я пересекла комнату и открыла дверь, слегка запоздало понимая, что если он уже открыл предыдущую дверь, то ему надо было ввести код. И, ну, если он знал код от первой двери, то вероятнее всего он так же знал код и от внутренней двери. Поэтому его стук в дверь — был простой вежливостью.

Открыв дверь, я встретила Брока, у которого был несчастный вид, и самодовольного Слима. Как только дверь открылась, Слим влетел внутрь.

— Это кофе? — спросил Брок, проходя внутрь. Я закрыла дверь и прислонилась к ней спиной, в то время как Брок двинулся напрямик к кухне сделать себе кофе, как если бы делал это десятки раз. Может, так оно и было.

А что касается Слима, то тот, виляя хвостом, двинулся к Броку, который свёл брови вместе, когда потянулся к нему.

— Что тут у тебя? — спросил он, доставая что-то из его рта. Его лицо расплылось в гигантскую улыбку, когда он расправил маленький клочок фиолетового кружева.

Мои трусики.

— Хм, — сказал Брок, удерживая их вверху, лицом ко мне, как будто примеряя их к моему телу.

— Ты не мог бы...

— Ш-ш-ш, я пытаюсь создать мысленный образ, — сказал он, качая головой. — О, да. Хорошо смотрится.

— О Боже, — засмеялась я, трясая головой, когда проследовала через комнату и вырвала у него трусики. — Ведёшь себя по-детски.

— Могу уверить тебя, Рия, — сказал он, нагло улыбаясь, — сейчас мои мысли очень даже взрослого мужчины.

— Окей, извращенец, — сказала я, сворачивая трусики в ладони и мотая головой. — Мне не нужны сейчас никакие интрижки.

— Нет? — не смотря ни на что, спросил Брок, очаровательно и настойчиво. — Сладкая, уверен, что могу...

— ...довести женщину до такого состояния, когда она вышвырнула тебя с голой задницей на улицу и вопила на тебя, словно банши [\[9\]](#) ?

Он рассмеялся низким и грохочущим смехом.

— Я склонен производить впечатление на женщин, — он пожал плечами на мой отказ, очевидно не относясь к тем парням, которые закливаются на этом. — Тогда друзья?

— Сейчас я могу позволить себе несколько друзей.

— Наверняка. Послушай, я знаю, что Сойер иногда может казаться придурком, но он знает, что делает. Если кто-то и сможет разобраться в твоём деле, то это он. Здесь ты в хороших руках. И ко всему прочему у тебя есть злобный охранный пёс, — сказал он, кивнув головой на Слима, который лежал у стены в гостиной на спине, с зависшими в воздухе лапами и языком, наполовину высунутым изо рта.

— О да, он внушает страх, — согласилась я.

— Ладно. Теперь, когда я уверен, что все вы в безопасности, мне пора отрабатывать свою зарплату.

— Делать снимки изменяющих супругов?

— Это великолепная работа, — согласился Брок, отсалютовав мне своей кружкой, пока направлялся к двери. — Я оставлю кружку на нижней ступени для Сойера, — заявил он, выходя за дверь и прикрывая её за собой. — Закрой дверь, — потребовал он, и я сделала то, что он сказал.

Стоя возле двери, я помотала головой и вернулась собрать одежду, которую уронила, чтобы постирать и высушить её. Таким образом, после принятия душа у меня будет что-то чистое на смену.

Потом, раз уж мне больше было нечем заняться, я порыскала по кухонным шкафчикам Сойера и обнаружила их на удивление хорошо забитыми. Не типичной мужской едой, в виде полуфабрикатов, остатков или колбасных изделий. У него были разнообразные овощи, фрукты, макаронны, крупы и набор приправ.

Возможно, я не должна была удивляться. Ведь у Сойера великолепное тело. У вас не

будет великолепного тела, если вы всё время заполняете его всяким дерьмом. Но если бы я сама не видела, как он готовит у себя на кухне, то я бы решила, что он совершенно не приспособлен к данному роду деятельности.

Я порылась в своей коробке и нашла свой iPod, загрузив его в приставку Сойера, я попыталась заглушить поток неопределённости, беспокойства и страхов, крутящийся в моей голове, пока я готовлю ужин.

Парой часов спустя дверь с хлопком закрылась, как раз, когда я прибирала маленький беспорядок, что оставила. Я услышала это даже сквозь пение Джонни Митчелла на высоких нотах и подпрыгнула от неожиданности. Мой взгляд устремился к двери, и я увидела Сойера, стоящего там и наблюдающего за мной.

Я быстро потянулась убавить громкость, немного смущённо, от осознания того, что он мог слышать моё пение, пока поднимался по лестнице. Должна добавить, это плохо. Я ужасная певица.

— Вижу, Брок был здесь, — сказал он, поднимая чашку, и я почувствовала, что улыбаюсь. Определённо это была какая-то их фишка.

— Тебе нужно купить новое офисное кресло, — известила я его. — Куджо<sup>[10]</sup> решил, что это вкусняшка.

Он даже не споткнулся от новости, когда вошёл в кухню и поставил чашку в раковину.

— Я сменил уже три кресла с тех пор, как взял его. Теперь я просто пропускаю это мимо ушей, — пояснил он, как будто читая мои мысли. — Ты готовишь?

— Как видишь.

— Мардж наполняет мой холодильник, — известил меня Сойер, стирая практически комичную картину того, как он продвигается с тележкой по продуктовому магазину, останавливаясь, чтобы сравнить бренды пасты. — И когда она действительно начинает беспокоиться о моём холостяцком образе жизни, она врывается и также готовит для меня.

— Серьёзно? — спрашиваю я, улыбаясь этой идее.

— Мардж немного старой закалки. Она считает, что всем мужчинам нужна женщина, чтобы заботиться о них.

— Точно. Иначе вы можете оголодать, и у вас никогда не будет чистой одежды, — сказала я, закатывая глаза.

Он проигнорировал это, бедром отодвинув меня с дороги и домывая остатки посуды самостоятельно.

— Эта одежда сидит на тебе лучше, — сообщил он, когда я проверяла духовку.

Я слегка вздрогнула от его слов, немного обезоруженная бесцеремонным комплиментом. Оглядела себя — синие облегающие джинсы и не слишком тесная обтягивающая футболка, насыщенного фиолетового цвета с длинными рукавами. Я даже не надела обувь или носки. Это уж точно нельзя было назвать превосходным образом, от чего комплимент стал ещё более неожиданным.

— Оу... спасибо.

— Долго ещё будет готовиться? — спросил он, выключив воду и вытирая руки.

— Около 20 минут. Там овощи с рикоттой<sup>[11]</sup>, завернутые в листы лазаньи, — сказала я ему. — И салат.

— Не хочешь взять Слима и немного прогуляться с нами? Ты, должно быть, засиделась тут взаперти.

Он не был не прав.

— Окей, — сказала я, пытаясь звучать не слишком восторженно от этой идеи. — Только возьму обувь.

На этой ноте я пошла искать носки и кроссовки. Когда я вернулась, Слим сидел на поводке возле Сойера, ожидая. А Сойер держал чёрную толстовку с белым капюшоном. — Там холодно, — сообщил он, когда мне стало неловко позволять ему помочь мне надеть её. Разве мужчины до сих пор делают все эти вещи, как например, помогают надеть куртку? Очевидно, Сойер да.

Мы спустились по лестнице и в каком-то напряжённом молчании гуляли около двух минут, прежде чем любопытство взяло надо мной верх.

— Ты уже получил результаты моих тестов?

Сойер посмотрел на меня, уличные огоньки погрузили половину его лица в тень, делая его образ немного более опасным. И, ну, сексуальным. Это невозможно отрицать. Мужчина невероятно привлекателен.

— Эшли написала, что у неё встреча, и она позвонит мне после, — я кивнула, снова посмотрев вперёд. — Что ты думаешь, она может найти?

— Знаешь, я никогда не была слишком напряжённой, но с тех пор, как проснулась, я словно какой-то комок нервов. Это почти отвратительно. Я даже не знаю, что она может найти, но знаю, что я немного встревожена, и это не хорошо, — я остановилась, мотая головой от этих мыслей. — Это глупо.

— Это не глупо желать узнать, где прошёл чёртов год твоей жизни, детка. Вообще-то я бы беспокоился, если бы ты не нервничала. Но когда мы поедем, я позвоню и мы поговорим о результатах. Просто нужно продержаться ещё пару часов.

— Ого, полагаю ты... — начала я, а затем попала ногой в трещину в неровном тротуаре, от чего я стала падать вперёд, а моё сердце ушло в пятки.

Но прежде, чем я смогла вытянуть руки, чтобы смягчить возможное падение, сильные мужские руки обвили вокруг моего живота и притянули меня назад. Моя спина встретила тёплую, плотную стену в виде груди Сойера.

— Воу, — сказал он низким, спокойным голосом, как будто он только что не предстал рыцарем в сияющих доспехах. — Ты в порядке? — спросил Сойер, его тёплое дыхание у моего уха вызвало дрожь, проходящую через всё моё тело, оставляя почти нервное трепещущее ощущение в моём животе.

— Да, — сказала я, тяжело сглотнув. — Спасибо.

Я устойчиво стояла на ногах, но его рука всё ещё оставалась на моём животе, достаточно расслабленная, чтобы не давить, но напряжённая. Кончиками пальцев он прижимался рядом с моими тазовыми костями. Это было слишком, слишком интимно. И последствия этого представляли собой менее чем невинный вид.

Сойер удерживал меня на протяжении минуты. Слим сидел рядом и смотрел на нас, наклонив голову.

Потом Сойер резко отошёл от меня, от чего я на мгновение почувствовала себя неуютно.

— Пойдём. Нужно поесть, — сказал он, слегка напряжённым голосом.

Мы поели.

А затем зазвонил его телефон.

Всего лишь один взгляд на Сойера подтвердил, что это была Эшли. Его лицо стало немного сдержанным, когда он потянулся за телефоном.

— Я вернусь, — сказал он, проводя пальцем по экрану. — Спасибо за ужин, — добавил он, выходя за дверь.

Почему он отвечает на звонок снаружи, где я не могу ничего услышать, если это касается меня? Но я решила, что, возможно, у него есть некоторые неделикатные вопросы, и он волнуется, не расстроит ли меня это.

Поэтому я убрала остатки еды.

Прибралась.

Беспокойство возрастало.

Потом я завалилась на диван и попыталась успокоить своё сердце, которое похоже билось сильнее с каждой секундой.

К тому времени, как открылась дверь и вошёл Сойер, я заснула от переживаний.

# Глава 7

## Сойер

— Что у тебя для меня, Эш? — спросил я сразу же, как вышел за дверь и начал спускаться по лестнице.

Если быть честным, мой первый порыв был включить Эшли на громкую связь и позволить Рие услышать результаты тестов. Но это была та часть меня, в которой было больше, чем профессиональный интерес к женщине, думая таким образом. Мне нужно успокоиться и привести мысли в порядок.

Вот почему я вышел из дома.

— Ну, это необычно, — сказала она, и я услышал, как Эшли перелистывает страницы.

— Эш, разве я похож на тех мужчин, которым нравится выбивать информацию из людей?

— Из того, что я слышала о тебе во время пребывания в...

— Не стоит, — предупредил я, чувствуя, как начинаю напрягаться.

— Верно, — понимающе сказала она. — Ну, её показатели... оптимальны.

— О каких показателях мы говорим?

— Все её витаминные показатели. Bs, железо, кальций, D, C, E, цинк, йод...

— Да, детка. Я понял. Она правильно питалась.

— Нет. Не достаточно просто правильно питаться, чтобы показатели были на таком уровне. Даже если она будет питаться лишь органикой и продуктами без ГМО. В нашей почве не хватает питательных веществ для этого. Они буквально идеальны.

— Значит, она принимала витамины.

— Фанатично.

— Хорошо. Странно, но ладно. Что-то ещё?

— Соскоб из-под ногтей не дал нам абсолютно ничего. Там не было ничего, кроме следов белого хлопка.

Снова странно.

У всех есть хоть что-то под ногтями. В самом деле, если бы большинство людей знало, какого рода дерьмо собралось у них под ногтями, они бы стали сверхпедантичны в вопросе чистоты. Поэтому не иметь ничего под ногтями — это не просто необычно, это практически невозможно.

— Что ещё?

— Ну, когда я проводила осмотр, я видела следы от иглы в её ...

— Какого чёрта, Эш, — прервал её я раздражённо. — Ты видишь на ней проклятые следы от уколов и ни черта не говоришь мне? Эта женщина всё ещё остаётся в моём доме.

— Если бы ты дал мне договорить, — ответила она тут же на мой срыв. — Я бы сказала, что они были слишком маленькие и слишком точные для наркомана. Но я в любом случае провела тест на наркотики...

— И...

— И ничего. Нет даже намёка на алкоголь или травку. Она никогда не прикасалась к наркотикам. Как и сказала, я нашла в её крови пару веществ, которых там не должно быть.

— Разве есть что-то ещё, что может быть неправильным в её крови, кроме наркотиков?

— Ну да. В каком-то роде. Сойер, я нашла в её организме следы Пентобарбитала<sup>[12]</sup>.

— Пентобарбитала? — повторил я, остановившись, когда проходил через парковку перед моим зданием. — Это дерьмо используют для смертельных инъекций.

— Да, — согласилась она, говоря не менее озадаченно. — Его также используют для усыпления собак. И он может использоваться в медицинских целях для лечения судорог.

— В её истории болезней не упоминается о судорогах.

— Я имею в виду ... что они иногда могут случаться. Особенно, когда меняется гормональный фон. Кстати, должна добавить, что её гормоны как раз таки свихнулись.

— Как если бы она перенесла операцию по смене пола или что-то в этом роде?

— Посмотри на неё, Сойер, она не меняла свой пол. Но её гормональный уровень практически в тысячу раз выше, чем должен быть.

— Чем это могло быть вызвано?

— Честно? — спросила она растерянно. — Я понятия не имею.

Я провёл рукой по волосам.

— Ну, это просто чертовски превосходно.

— Да, в смысле... у нас нет ничего стоящего, с чем можно было бы работать. Я имею в виду, что? Что кто-то накормил её под завязку витаминами, а затем пытался убить, сделав смертельную инъекцию? Подвергая её чему-то, что повлияло на гормоны? В этом нет смысла, — она замолчала. — Извини, я больше ничем не могу помочь.

Я тяжело вздохнул.

— Никогда не знаешь, какая крупица информации может пригодиться в расследовании. Я должен немного покопаться лично. Возможно, что-то из этого дерьма начнёт складываться.

— Удачи, Сойер. Если тебе что-нибудь понадобится...

— Ещё раз спасибо, Эш, — сказал я, вешая трубку.

Ещё больше сбитый с толку, чем раньше, я обошёл здание и направился в офис. В своём кабинете я присел в кресло для посетителей, спасибо за это Слим, и стал рассматривать не только файлы от Эшли, но и те, что прислал Баррет. Просматривая, я записывал в блокнот вопросы, которые у меня имелись или взаимосвязи и зацепки, которые нужно изучить.

Там было больше вопросов, чем ответов и, ну, это дерьмо никак не складывалось.

Это не было тем, с чем я сталкивался каждый день. Это вообще было какой-то бессмыслицей.

— У тебя такой лакомый кусочек наверху, а ты находишься у себя в офисе. В этом нет никакого смысла, — сказал Брок, прислонившись к дверному косяку.

— Что ты делаешь тут так поздно? У Чеза нет девочек, которых можно сбить с ног и отправить в свою кровать? — спросил я, не глядя на него.

— Думал, у меня появилась зацепка о пропавшем ребёнке, что на героине. Оказалось, что нет. Я просто хотел обновить файл. Работаешь над делом Рии? — спросил он, войдя в кабинет и взяв один из файлов. — Пентобарбитал? — спросил он, приподняв брови.

— Да, разве не дерьмово?

— И этот витаминный уровень. Как будто кто-то пытался увидеть эффект от летальной инъекции на ком-то с идеальным здоровьем?

Посмотрев на него, я увидел Брока, которого не видел уже долгое время.

Видите ли, обычно он был лёгким, простым, забавным и беззастенчиво флиртующим. Я знаю, таким Брок вырос, и таким он был большую часть своего времени. Однако, в

восемнадцать лет мы оба были словно наркоманы, нуждающиеся в адреналине от постоянной опасности. Поэтому мы завербовались и прошли основной курс. Потом, когда этого стало недостаточно, мы перевелись в корпус морской пехоты. Наши задницы оказались на границе. Нас передислоцировали, и мы раз за разом проявляли себя.

А затем к нам обратились с предложением чего-то, о чём никогда не позволялось говорить с кем бы то ни было, кроме друг друга и наших непосредственных начальников. А иногда даже и с ними.

Нам предложили тайные операции.

Нас вычеркнули из официальных записей.

А затем бросали в одну за другой дерьмовую ситуацию, и мы сражались, отстреливались, бежали, выползали и, хромая, выбирались из этого.

Я всегда был более серьёзным, более сдержанным, поэтому это ожесточило меня. Сделало отстранённым и циничным. Я болезненно пережил знание о жестоких людях, на что они способны.

Брока это превратило в кого-то, кем он не был на природе. Это сделало его холодным и пустым.

Годами я ложился спать и просыпался рядом с мужчиной, которого я больше не узнавал. Он едва спал, а когда спал, у него были кошмары. Он ел достаточно для того, чтобы лишь поддерживать себя, говорил, что внезапно еда стала на вкус, как картон. Он сломался. Он отказывался отвечать на письма из дома, даже в те чрезвычайно редкие случаи, когда нам разрешалось это делать, скрывая фактическую правду о том, что мы делали и в какой точке мира находились в любой момент времени. Он просто закрылся.

Брок провалил очередное психологическое освидетельствование и был отправлен домой. Именно тогда я решил, что с меня хватит. Мы с моим лучшим другом завершили операцию, а затем я также демобилизовался. Оба были под страхом смертной казни, если когда-нибудь заговорим о вещах, которые делали, о секретах, которые мы держали, о жизнях, которые забрали.

Я немедленно открыл агентство. Приятный момент — будучи военным в том, что когда ты молод и плохо с деньгами, то тебя не бывает дома, чтобы потратить их на глупости. Таким образом, они накапливались на счету в течение долгого времени. Их было более, чем достаточно, чтобы купить здание, сделать ремонт и заплатить Мардж за работу на меня. В итоге, дела пошли в гору, и я нанял Тига.

Между тем Брок исчез на некоторое время. Он пил, трахался, валялся и смотрел безмозглые передачи.

Я упустил это, потому что был занят примерно... год. Потом я пошёл к нему и вылил воду со льдом на него, спящего на диване в три часа дня. Мы подрались. Затем поговорили. Потом он решил взять себя в руки.

С тех пор он вернулся к Броку, которого я всегда знал. Он засветился. Его тепло вернулось.

Но тогда и сейчас бывали моменты, когда дела и клиенты снова возвращали эту холодность.

Наблюдая за ним, рассматривающим её файлы, я увидел пустоту в его глазах

— Брок?

— Подумай об этом, — сказал он, смотря на меня своим глубоким насыщенным взглядом. — Нам не настолько повезло с незнанием. Мы знаем о том дерьме, что они

делали. Они занимались делами, похожими на это, всё время.

— Брок, я не уверен, что это правительственный тайный заг...

— Это не теория тайного заговора, Сойер. Мы, чёрт побери, видели, что они проводят эксперименты, подобные этому.

— Послушай...

— Я не утверждаю, что это они, — рассуждал он, качая головой, подводя к чему-то. — Я говорю, чтобы ты не отметал эту версию. Кто ещё мог похитить человека и сделать так, чтобы никто его не искал? Кто ещё мог выбросить его, спустя чёртов год без следов, где он был и без памяти? Учти это. Если зацепки поведут тебя в этом направлении, не исключай их, потому что ты думаешь, что это звучит как тайный заговор. Это дерьмо случается. Ты сам это знаешь.

Он не был неправ.

Никто не хочет думать, что их правительство делает такое с собственным народом. Но факт остаётся фактом, они делают это. Каждое правительство, в каждой стране по всему миру.

Это случилось в тюрьмах Сан-Квентино в 1913-1951 гг., когда доктора проводили незаконные операции на заключённых.

Это происходило вплоть до 70-х, когда крупные компании платили тюремной системе, чтобы вводить диоксин<sup>[13]</sup> в заключённых.

Это случалось в 60-х и 70-х гг. с бедными чернокожими, которым заражали радиацией всё тело, без объяснений, что с ними было проделано.

Это случалось в начале 2000-х, когда людям во всех Соединённых штатах была тайно введена искусственная кровь, тем самым невольно увеличивая вероятность сердечных приступов и смерти.

«МК-Ультра»<sup>[14]</sup>.

Проект «Синяя птица»<sup>[15]</sup>.

Проект «Чаттер»<sup>[16]</sup>.

И это лишь те, с которых сняли секретность, и они были выведены на свет. Были десятки, если не сотни других.

Брок не помешан на теории тайных заговоров. Он просто видел достаточно преступлений и неэтичных происков правительства, чтобы понимать, что такое вполне может случиться снова.

Вернуть моё внимание к этому, нравится мне это или нет, это хорошо. Я должен быть открыт для всех вероятностей, в таком странном деле, как у Рии. Как бы сильно я не сомневался в том, что это может быть правительственный эксперимент, должен признать, в этом есть шанс.

Особенно учитывая то, как это происходило.

Идеально.

Она не помнит, что с ней было на протяжении всего пропущенного года. Таким образом, когда она окажется у копов или в больнице, они просто подумают, что у неё поехала крыша. Никто не поверит ей после того, как в её карту будет сделана запись, даже если со временем она начнёт вспоминать, что же случилось.

Всегда будет запись о том, что она не в себе.

Это безупречный план.

Если уж в чём-то правительство и было хорошо, так это в уборке мусора за собой.

— Я не буду исключать этого, — заверил я его, видя, как последнее напряжение покинуло Брока. — А сейчас у меня куча работы. Мне понадобятся все результаты тестов и файл Баррета, чтобы знать, куда мне направляться. Мне нужно проведать её бывших коллег. Нужно вернуться назад и поговорить с её домовладельцем наедине. И мне нужно отследить её бывших и людей, которых она считала друзьями. У меня к ним много вопросов.

— Начнёшь с того, почему никто не заявил о пропаже человека, — сказал Брок, кивнув.

— Точно. Именно потому, что она показала себя, как надёжный и лёгкий в общении человек, почему никто не подумал, что это странно для неё пропасть с лица Земли?

— Если понадобится какая-нибудь помощь, я в деле. И это не только из-за того, что я считаю её самой привлекательной женщиной в этом городе.

— Приятно поработать над сложным делом, — понимающе, кивком согласился я. — Буду держать в курсе. Иди домой. Отдохни немного, — сказал я ему.

— Отдых? — спросил Брок, ухмыляясь. — Последнее, что я планировал сделать, это отдохнуть.

— Уже другая женщина?

— Не -а. Та же самая, — сказал Брок, пожав плечами.

— Та самая, что выгнала тебя без всего и накричала на тебя? — спросил я, приподняв брови. Мои губы дернулись.

— Что я могу сказать... Мне нравятся женщины с характером. Нет ничего лучше страстной женщины.

Я покачал головой.

— Увидимся завтра, Брок.

— Эй, — проговорил он, останавливаясь и развернувшись в дверном проёме.

— Да?

— Рия в твоём доме... — он замолчал.

— Чисто профессиональные отношения.

— Ага, — сказал он, усмехнувшись. — Даю на это ещё два дня сверху.

Он мог бы выиграть это пари.

# Глава 8

## Рия — 1,5 дня

Моё тело подтолкнули, ощущение скорее странное, чем знакомое. Меня приподняли только на несколько секунд, а затем появилось давление под коленями и в верхней части спины. Боком я прижалась к чему-то сильному и тёплому. Повернув лицо, я встретила ткань и слабый запах пряного одеколona и просто... мужского мускуса.

Я потёрлась щекой и вздохнула, медленно прокладывая путь к осознанию, мой мозг и тело возражали, но я всё равно постепенно просыпалась.

— Не думал, что ты из тех, кто любит обниматься, — произнёс Сойер более низким голосом, чем обычно, как будто он пытался не напугать меня.

— Сойер? — пробормотала я, когда его тело начало двигаться.

— Ш-ш-ш. Засыпай.

— Почему ты несёшь меня? — спросила я вместо этого, широко распахнув глаза. Моя голова наклонилась, и я заглянула в его глубокие зелёные глаза.

— Ты выглядишь так, словно тебе неудобно, — сказал он, внезапно остановившись.

В моих уставших глазах он выглядел совершенно по-другому, немного мягче, но в то же время и грубее. На его лице щетина, волосы растрёпаны.

Мне нравится этот беспорядок.

— Осторожно, — странно произнёс он.

— Хм? — вопросительно воскликнула я, слегка сонным голосом.

— Продолжишь так на меня смотреть, и у нас возникнет проблема.

— Что за проблема?

— Та, где я теряю остатки своего самоконтроля.

— И что ты сделаешь?

— То, что твои глаза говорят мне, что ты хочешь, чтобы я сделал, — проговорил он слегка жестким голосом.

— Ты хочешь поцеловать меня? — спросила я, всегда относясь к тому типу людей, который любит всё прояснять.

— Я хочу сделать намного больше, чем просто поцеловать тебя, детка. Но это плохая идея.

Даже наполовину проснувшись, я поняла, что он имеет в виду.

Это никогда не было хорошей идеей — смешивать дело с удовольствием.

Но, как уже было сказано, я была не в состоянии рационально мыслить. Мой мир перевернулся с ног на голову. Я была сбита с толку, потеряна и, да, напугана. И одинока. Я была так одинока. Я просто хотела почувствовать что-то другое, нежели эти негативные перемены. Мне нужен был перерыв от всего этого.

Моя рука заскользила вверх по его груди, скользнула по шее и прошлась по щетине. Короткие волоски царапали мою ладонь, когда я прижала её к челюсти Сойера. Мои глаза нашли его прикрытые и тёплые глаза.

— Рия...

— Больше ни слова, — произнесла я, притягивая его прямо к себе.

Сойер не возражал и даже не мешкал.

Он склонил голову.

Руки Сойера сильнее сжались вокруг меня, прижимая моё тело, когда его губы обрушились на мои.

С таким всё контролирующим мужчиной, как он, я ожидала сдержанный, точный поцелуй.

Но его губы были на удивление голодными, дикими, требовательными, полностью лишёнными сдержанности.

Я захныкала у его рта, одной рукой обхватив голову мужчины, удерживая его, а другой рукой впиалась в его плечо.

Его рука слегка пошевелилась, потому что двинулась вниз, чтобы ухватить меня снизу, придавливая, пока я не поняла, что он хочет, чтобы я сменила расположение ног. Мои руки скрестились на плечах Сойера, когда я позволила ему помочь расположить мои ноги по обеим сторонам его тела, обхватывая его. Его руки так и оставались на моей заднице, когда он сделал пару шагов.

Спиной я ударилась о стену в коридоре.

Он убрал руки с моей попы и обеими руками потянулся вверх, чтобы обхватить моё лицо, он почти до синяков надавил пальцами, когда его язык толкнулся вперёд и встретился с моим.

Из меня вырвался низкий мучительный стон, когда мои ноги инстинктивно сжались вокруг него. Желание, подобно искрящемуся заряду, прошло сквозь меня, заставляя приподняться мою грудь, моё сердце забиться, а мою кожу стать почти угрожающе чувствительной, делая мой сексуальный захват сильнее, когда появившаяся влага дошла до моих трусиков...

Грохочущий, рычащий рокот раздался в груди Сойера, отозвавшись в моей собственной груди. Когда он передвинул бёдра, я смогла ощутить насколько он твёрдый. Сойер прижимался к моему телу так сильно, что заставил меня пошатнуться от неожиданного контакта.

Мои ягодицы снова напряглись, а бёдра снова опускались и поднимались, бесстыдно скользя по нему, не заботясь о том, что мы встретились недавно, что он работал со мной, что я живу в его доме, и это всё только усложнит, что я, вероятнее всего, делаю это только потому, что я эмоционально нестабильна.

Всё, что имело значение, — это только разрывающая потребность внутри меня.

Сойер взял верх, его бёдра жестко толкались, опускаясь и поднимаясь, прижимаясь там, где я больше всего в этом нуждалась. Я прикусила его нижнюю губу, и он снова издал утробный рёв.

Его член скользнул вверх, сильно прижимаясь к моему клитору, вынуждая меня толкнуться, после чего я издала громкий гортанный стон.

Потом я ощутила его руки на своих тазовых костях, удерживая меня напротив стены. Сойер грубо вырвался из моих объятий, заставляя мои ноги отпустить его талию и опуститься. Через секунду они очутились на полу, и он отпустил меня.

— Бл\*дь, — зашипел Сойер, уходя в свою спальню и закрыв за собой дверь с характерным щелчком.

Совершенно не готовая к внезапной необходимости стоять на ногах, я медленно сползла вниз по стене, пока моя попа не приземлилась на пол, а колени не прижались к груди. Я пыталась глубоко дышать, чтобы успокоить скачущее сердцебиение.

— Бл\*дь, — тихо согласилась я.

Ошибка.

Это была огромная, эпическая, глупая ошибка.

О чём я думала?

Что с того, что я проснулась в сильных руках парня, который сделал мою катастрофическую ситуацию терпимой? Что с того, что он смотрел на меня своими сексуальными глазами, и его голос был так сексуально груб? Что с того, что я привлекательна для него?

Я же взрослая, чёрт побери, женщина.

Я должна была быть способной контролировать себя.

Я определённо не должна была таять в его руках, притягивать его лицо и требовать поцелуя, или же тереться об него.

Боже.

Я ведь, несомненно, тёрлась об него.

А он тёрся об меня в ответ.

Пока так внезапно не остановился, оставив меня заведённой и нервной. Или, выражаясь буквально, разбитой и влажной.

Я, честно, очень сожалею.

Одно дело, когда что-то выходит из-под контроля, и вы оба понимаете это посреди момента, отталкиваете друг друга и, смеясь, отмахиваетесь от происходящего, после чего идёте дальше. И совершенно другое дело, когда ты готов к происходящему, но партнёр даёт задний ход, а затем сбегает.

Это не из-за того, что я почувствовала себя отвергнутой. Я не была отвергнутой. Я чувствовала то, как сильно он меня хочет. И скажем прямо... Сойеру было что предложить. А потому, что он добрался до своих чувств первым, оставил меня, выглядящей более слабой и менее контролирующей себя.

Мне это не нравится.

Я положила локти на колени и руками обхватила голову, пытаюсь не задумываться над этим и пытаюсь не волноваться о последствиях.

— Эй, — произнёс Сойер, удивив меня достаточно для того, чтобы я откинулась назад и ударила головой о стену. — На самом деле, — сказал он, когда я посмотрела вверх, его губы дёрнулись, — я действительно не думаю, что тебе нужно ещё большая потеря памяти. Так что осторожней со своей головой.

— Чего ты хочешь, Сойер? — выдохнула я.

— Ладно, — сказал он, присаживаясь на корточки передо мной. — Ну, ты не знаешь меня, но я не из тех парней, кто прячется или избегает столкновений. Так что, когда случается дерьмо — это надо обсудить, неважно, насколько это некомфортно, я всё равно обсуждаю это. Так как мы целовались...

— Но здесь не о чем разговаривать. Мы оба взрослые люди. Мы целовались, но это ничего не значит. Мы можем двигаться дальше.

— Поцелуй почти всегда что-то значат. Особенно, если это не какой-то случайный пьяный поцелуй. Так что давай будем взрослыми и честно признаемся, что между нами есть, по крайней мере, небольшое притяжение.

— Отлично, — сказала я, немного скованно кивнув, прилагая все усилия, чтобы выпрямиться. Так я бы выглядела менее похожей на ту, которая пытается собраться, чтобы не развалиться на части.

— Ну же. Надень на себя трусики большой девочки и скажи это, — проговорил он, и у меня появилось ощущение, что он намеренно пытается спровоцировать меня.

— Ладно. Меня влечёт к тебе.

— Ну, естественно, — сказал он, дерзко улыбаясь. — Меня тоже влечёт к тебе. Но как уже было сказано, мы оба видим, что поддаться этому — плохая идея.

— Ага, — согласилась я.

— Хорошо. Значит, мы можем двигаться дальше, — сказал Сойер, тут же встав и протянув мне руку.

Возможно, это могло показаться немного мелочным с моей стороны, но я отказалась, поднимаясь на ноги без чьей-либо помощи. Это не было каким-то там дерьмом, чтобы что-то доказать. Просто я подумала, что правда не лучшая идея, — дотрагиваться до него, когда мои губы до сих пор покалывает от его губ, и я всё ещё буквально ощущаю его член, трущийся об меня.

— У нас ведь не будет из-за этого недопонимания? — спросил он, когда я перешагнула через Слима и направилась в гостевую комнату.

— Совсем нет, — сказала я, посылая ему самую широкую фальшивую улыбку, которую он наверняка видел насквозь. — Спокойной ночи, Сойер.

Я закрыла дверь, но слышала, что он тоже пожелал мне спокойной ночи, и, если я не ошибаюсь, в его голосе звучали забавные нотки.

Я направилась к кровати, ощущая, что моя одежда отяжелела и колется на сверхчувствительной коже. Безропотно вздохнув, я разделась и забралась под одеяло в одних только трусиках. Свернувшись калачиком, я плотно закрыла глаза и попыталась игнорировать почти болезненную настойчивую пульсацию между бёдер.

Но это оказалось невозможным.

И, ну, иногда девушка должна сделать то, что должна сделать, чтобы быть способной здраво мыслить.

Моя рука заскользила вниз по телу, устремившись в трусики, поглаживая себя быстрыми круговыми движениями, не желая откладывать, а просто нуждаясь в освобождении. Таким образом, я могла бы перестать фантазировать о том, чтобы вернуться обратно в холл и сказать ему, что эти последствия могут катиться к чёрту, и закончить то, что мы начали.

Реальность такова, что для моего разума прошло всего лишь пару месяцев с тех пор, как ко мне прикасался мужчина. Но в действительности, для моего тела прошёл год и несколько месяцев.

Поэтому, когда мои пальцы дотронулись до клитора, прошло несколько коротких минут, прежде чем неожиданно быстрый оргазм прошёл сквозь меня, заставляя издать низкий стон, что было так нехарактерно для меня, когда я занималась этим сольно.

Так же быстро я пришла в себя, всегда считая, самоудовлетворение немного неискренним, совсем чуть-чуть смахивающим на похоть, которую нужно спешно удовлетворить вместо того, чтобы воспользоваться опытом, которым для меня всегда являлся секс.

Вот главная причина, почему я, практически через пару секунд, как кончила, услышала в коридоре едва слышимый голос Сойера, прямо возле моей комнаты.

— Пойдём, Слим, вставай.

Я услышала, как щёлкнул замок на ошейнике Слима. Потом я услышала, как перезвон

его жетонов продвигается в коридоре в гостиную и мимо кухни. Наконец, я услышала, как хлопнула входная дверь.

— О, Боже! — простонала я, свернувшись и зарываясь лицом в подушку.

Потому что тут, правда, не было никакой возможности отрицать то, что Сойер услышал меня. И будучи очень привлекательным и, вероятнее всего, вполне сексуально опытным мужчиной, не было и шанса, что он мог ошибиться в том, какой именно звук я издала.

Превосходно.

Просто прекрасно.

Я выпрыгнула из кровати, оделась и побежала в ванную, чтобы подготовиться ко сну. Я проскользнула обратно в комнату, примерно за пару минут до возвращения Сойера и Слима.

Я слушала, как Сойер, пройдя в свою комнату, готовится ко сну. Понимая, что вряд ли уже усну после всего случившегося, я слышала, как он проснулся перед восходом солнца, погулял со Слимом, сделал кофе и отлучился, как я предположила, на пробежку. Вернувшись, он принял душ, сделал завтрак и ушёл на работу.

Я подождала целых 20 минут, прежде чем выйти, и обнаружила Слима в коридоре, наблюдающим за моей дверью так, словно он с нетерпением ждал меня. Когда я прошла на кухню, я нашла не только свежий кофе, но и тарелку с поджаренным ржаным тостом и яичницей.

Но это было не всё.

О, нет.

Что я нашла на охранной панели управления дверью, так это мои трусики, которые должно быть я оставила в сушилке, и записку, в которой говорилось: «Трусики большой девочки».

Ублюдок.

Он знал, что я избегаю его.

Хуже всего в этой ситуации то, что он прав. Избегать его — это так по-детски. Мне нужно собраться.

Если нам предстоит работать вместе, мы должны быть в состоянии, по крайней мере, находиться в одной комнате так, чтобы я не растеклась в лужу от стыда.

Я сделала глубокий вдох, схватила трусики, но записку оставила.

Я хотела, чтобы он знал, что я надела их.

И возможно маленькая, мелочная часть меня хотела, чтобы он точно знал, как выглядят те трусики, чтобы представлять меня в них.

Что в свою очередь полностью доказывает, что необходимые мне чисто профессиональные отношения совершенно не работают.

# Глава 9

## Со́йер

Услышать её стон, когда я вышел в коридор, чтобы забрать Слива на прогулку, — было подобно удару по яйцам. Должен добавить, прогулку, которая должна была выветрить скопившуюся сексуальную энергию, проходившую через всё моё тело, после наших с ней поцелуев. Когда я потянулся, чтобы почесать Слива за ухом, я услышал низкий, гортанный стон, раздавшийся прямо за её дверью. А я ведь знал, что она не способна просто выкинуть это из головы и пойти спать. Ей нужно было освобождение. Освобождение, которое я хотел ей дать намного больше, чем мне следовало. Но я правильно сделал, что ушёл. Также как был прав, обсудив с ней сложившуюся ситуацию. Ничего хорошего не произойдёт, если пустить всё на самотёк. И нет ничего хорошего в том, чтобы связываться с кем-то, на кого ты не только работаешь, но и кто ещё временно проживает в твоём доме. Если всё станет плохо, а вероятнее всего так и будет, я не смогу сказать ей, чтобы она ушла, потому что ей некуда пойти.

Это была безвыигрышная ситуация.

Хотя я ничего не мог с собой поделаться и поддразнил её, когда убедился в том, что она избегает меня. Её трусики были всего лишь моим способом напомнить ей, что мы договорились двигаться дальше после наших поцелуев. Хотя мне и пришлось взять эту проблему в свои руки. В первый раз, прошлой ночью, второй раз, сегодня утром, и это всё ещё не выходило у меня из головы.

Это неважно.

Когда я запрыгнул в машину и направился в Навесинский центр планирования семьи, я напомнил себе, что работа превыше всего. Клиника находилась в здании, которое я проезжал бесчисленное количество раз, но в действительности никогда не замечал его. Это было одноэтажное белое здание с тёмными окнами, окруженное кустарниками и с маленькой парковочной зоной позади. Припарковавшись, я вылез из машины и, достав блокнот, отправился внутрь.

Всё внутри кричало, что это медицинское помещение. Там была небольшая П-образная зона отдыха с креслами, на которых располагались ужасные сиреневые подушки, и большой журнальный столик с разбросанными на нем журналами о воспитании. И всего один выпуск журнала с обзором гольфа... только для разнообразия. Стены были покрыты какими-то текстурированными обоями серо-жёлтого цвета, полы деревянные, блестящие. Приёмная была Г-образной формы, установленная лицом к зоне ожидания и коридору, который вёл в несколько смотровых кабинетов.

Женщина за стойкой ресепшена одетая в светло-розовый медицинский костюм, её блестящие, длинные, волнистые волосы ниспадали с плеч и отражали искусственный свет, горевший над головой. Ей около тридцати, симпатичная, с немного круглым лицом, большими голубыми глазами и соблазнительной фигурой, что-то среднее между средним и полным телосложением.

— Здравствуйте, — сказала она, тепло улыбаясь мне, что запросто могло быть признаком хорошего настроения или просто частью её работы. — Я могу вам помочь?

— Вообще-то, да, — сказал я, тоже улыбнувшись. — Я здесь по поводу Рии Суини.

Она ошутимо отпрянула назад, губы приоткрылись.

— Рии?

— Как я понимаю, она работала здесь.

— Э-э-э, — проговорила она, на секунду смущённо оглянувшись через плечо, — Прошу прощения, а вы кто?

— Меня зовут Соьер Андерсон, — сказал я, потянувшись к карману, чтобы показать ей лицензию частного детектива.

— Частный детектив?

— Да. Я работаю на мисс Суини. Можете назвать своё имя?

— Ах, да. Джинни. Джинни Майер.

— Хорошо, Джинни Майер, — проговорил я, записывая это. — Что вы можете рассказать мне и Рие?

— Пойдите, — сказала она, сведя брови вместе. — Вы же сказали, что работаете на Рию?

— Да.

— Тогда почему вы спрашиваете о ней?

— Всего лишь пытаюсь выяснить, почему никто не заявил о её пропаже.

— Я не... Я имею в виду, мне казалось, что это не моё дело. Я думала, она ушла или что-то в этом роде.

— Это было похоже на то, что она могла бы сделать?

— Ну ... нет. Она работала здесь целую вечность. Вообще-то, это она обучала меня, — сказала она, улыбаясь, предавшись хорошим воспоминаниям.

— Кто-нибудь пытался связаться с ней?

— Да. В смысле, Марианна звонила ей около десятка раз, но её телефон перестал работать...

— Марианна — управляющая, — предположил я. — Она здесь? Я могу с ней поговорить?

— А-а, я пойду, проверю, — сказала она, выходя из-за стойки и направляясь в коридор, она постучала в первую дверь слева и зашла внутрь, а затем вернулась обратно мгновение спустя.

— Вы можете зайти, — сказала она, быстро оглядев меня. В её глазах появился безошибочный огонёк, который предполагал, что если бы я, как и она, был не против...

Я должен был быть не против. Она была милой. Дружелюбной. Она, чёрт возьми, не нанимала меня, чтобы выяснить, куда делся год её жизни.

Но я ничего не чувствовал.

Поэтому я вошёл в кабинет, закрыл дверь и даже не попытался продолжить это.

Я поговорил с Марианной. Мне рассказали об идеальной работе Рии и как много они потеряли с её уходом. Ведь она заправляла всем большую часть времени.

Когда я спросил, почему тогда никто не заявил о её исчезновении, я уверен, что она напряглась, а её тон стал более оборонительным.

— Мы просто решили, что она захотела перемен и уехала.

На этом она закончила.

Но этого было недостаточно.

Значит, мне нужно будет кое-что ещё, что должен будет проверить Баррет, — людей в Навесинском центре планирования семьи. Потому что, по крайней мере, Марианна скрывала что-то. И я хочу знать что это.

Я вернулся обратно в машину и сделал несколько записей, затем ввёл следующий адрес в навигатор.

Её первый парень, тот, что со старшей школы, Эрик О'Нил не требует проверки. Он закончил колледж в Калифорнии, затем навсегда перебрался туда, женился, завёл двоих детей и теперь работает на какой-то скучной средненькой должности в пиар-компании. От потворства своим желанием, от отсутствия командной куртки и тренировок, которые поддерживали бы его в форме, он растолстел и облысел.

Можно сказать, его понесло после разрыва их отношений.

Но вот к следующему её долгосрочному парню следовало присмотреться. Не только потому, что это были самые длительные её отношения, которые длились два года, но также потому, что он остался в округе, устроившись на работу в соседнем городе, в бар, в качестве вышибалы.

Дерек Джеймс бросил местный колледж после полутора лет учёбы, за 6 месяцев до выпускного. После этого он слонялся по работам в различных ресторанах и магазинах, пока не устроился вышибалой. Также у него имеется пара жалких арестов за пьянку и беспорядки и один арест за нападение, обвинение в котором не было предъявлено. Но всё же, это была жестокость, из-за которой он достоин проверки.

Он живёт в арендованном вместе с братом доме в приличном районе, за что они заплатили, видимо, кучу денег, чтобы остаться там.

— Чем могу помочь? — дверь открыла женщина, приподняв брови и постукивая ногой, будто ей не терпелось вернуться к тому, от чего я её отвлёл.

— Я Сойер Андерсон. Можно мне поговорить с Дерекком Джеймсом?

— Дерек! — крикнула она через плечо. — Дверь! — добавила она, тяжело посмотрев на меня, и ушла.

У Дерекка Джеймса было идеальное тело для вышибалы. В нём было внушительных (6 футов 3 дюйма<sup>[17]</sup>, с широкими плечами и бицепсами шире, чем у некоторых мужчин бедра. Его белая футболка очерчивала сильную грудь и пресс, из горловины виднелся край чёрной татуировки. Его тёмные волосы были коротко подстрижены, а карие глаза быстро осмотрели меня.

— Вы коп?

— Частный детектив, — поправил я.

— Значит, частный детектив? — спросил он, кладя руку на дверной косяк, однозначно давая понять, что я не приглашён внутрь. — Зачем вы здесь?

— Рия Суини...

— Рия? — прервал Дерек, его тело напряглось. — Она в порядке?

— Сейчас с ней всё хорошо.

— Сейчас? Что с ней случилось? — спросил он заинтересованно, с любопытством.

Что бы с ней ни случилось, он был не при чём.

— Это то, что я пытаюсь выяснить.

— Я не видел Рию... чёрт, я не знаю... три года? И даже прошлая наша встреча была только потому, что мы оказались в спортзале в одно время. Никогда не видел её после этого. Полагаю, она не хотела видеть меня снова.

— Есть какая-то веская причина?

Он покачал головой, на секунду посмотрев вниз.

— Я облажался. Будучи молодым и глупым, думал, она будет любить меня, независимо

от того, что я сделаю.

— И что же вы сделали?

— Вы видели Джоди? — сказал он, кивнув в сторону женщины, которая находилась в доме.

— Да, она, правда, милая, — согласился я, губы слегка дёрнулись.

— Ага, ну, она залетела, пока я ещё был с Рией.

— Должно быть, она была в бешенстве.

— Нее, мужик. Рия не приходит в бешенство. Рия злится, а потом становится холодной. Она сказала мне, что надеется, что у меня будет дочь и я пойму, как дерьмово поступил с ней, — он ненадолго замолчал. — У меня дочь, и я выпотрошу любого, кто поступит с моей маленькой девочкой так же, как я с Рией, — сказал он, кивнув. — Хотя, мы бы расстались в любом случае.

— Почему же? — спросил я, когда к мужчине подошла маленькая девочка и улыbnулась.

— Потому что я хотел этого, — сказал он, поднимая девочку на руки.

— Рия не хотела детей?

— Рия перевязала маточные трубы в ту же неделю, когда ей исполнилось 18. Она хотела детей, но хотела приёмных. Я хотел своих.

— Ладно, — сказал я, выдыхая. — Спасибо, что уделили мне время, — проговорил я, зная, что это была напрасная трата времени для обеих сторон.

Он кивнул.

— Надеюсь, вы найдёте ответы, которые нужны Рие. Она хорошая девушка. Надеюсь, ничего плохого не случилось.

Сказав это, он развернулся и закрыл за собой дверь.

Я вернулся обратно в свою машину и вычеркнул его имя, переворачивая лист, чтобы посмотреть имя следующего парня в списке.

Тимир Л и занимался маркетингом, делая огромные деньги. Он проживал в городе в одном из особняков, что стоили миллионы. Чёртов особняк. Тимир водил отличную машину и отдыхал в прекрасных местах.

Он и Рия встречались целый год, когда ей было 23. Практически сразу после того, как закончились её отношения с Дерекком.

Тимир был на десять лет старше Рии.

Я подъехал к его офису и дожидался в холле, пока не увидел, что он прервался на ланч. Тимир Л и был высоким и худым, его дорогой костюм сидел на нём отлично, полный образ довершал чёртов платок. У него были неопределённые корни, похожие на те, что были у Рии, но казалось, более вероятными были индийские, восточные, но точно не местные. Его тёмные волосы были опрятными и блестящими, как от какого-то средства. Он был довольно привлекателен, имел уверенный вид и успех.

— Тимир Ли, — позвал я, ровняясь с ним.

— Я на обеде. Запишитесь на приём.

О, он был очарователен.

— Я здесь по поводу Рии Суини, — сказал я, когда он вышел в переднюю дверь.

— Рии? — спросил он, внезапно развернувшись на тротуаре.

— Вижу, что завладел вашим вниманием, — сказал я, кивнув.

— Кто вы?

— Соьер Андерсон. Я частный детектив мисс Суини.

— Её частный детектив... её преследуют или что-то ещё?

— Что-то ещё, — согласился я.

— Она в порядке?

— Да.

— Зачем вы здесь?

— Мне нужно знать о ваших с Рией отношениях.

— Хорошо, — сказал он, кивнув. — Конечно. Что бы вы хотели узнать?

— Ну, вы встречались около года...

— На неделю меньше, — согласился мужчина.

— Взаимно или...

— Рия была молода. Она только что закончила отношения, в которых мужчина предал её, будто она была заменяемой другой женщиной. Ей не нравилось то, как часто мне приходилось отсутствовать по делам, она недоверчиво относилась к тому, что я был верен ей.

— А вы были верны?

— Мне было 33, мистер Андерсон. Я давно уже перерос свою потребность, укладывать в кровать любую привлекательную женщину, которую встречал. Я искал что-то серьёзное.

— С женщиной, на 10 лет младше вас?

— Это может прозвучать банально, но Рия действительно была взрослой не по годам. Она знала, чего хочет от жизни, и я думал, она хочет этого со мной.

— Это она порвала с вами?

— В ночь, когда я вернулся из деловой поездки в столицу, я обнаружил её в гостиной с кучей её коробок с вещами. Она устала быть одной и переживала из-за этого. Поэтому она ушла. Рия даже не понимала, что у меня в кармане было кольцо, купленное у «Тиффани». Это была практически точная копия кольца, которое её отец подарил её матери.

— Вау, — сказал я, несомненно, впечатлённый. — Вы встречались после этого?

— Не буду лгать, я пытался с ней встретиться раз или два. Я не хотел её отпускать. Но она наконец-то стала счастлива, обретя свою жизнь, встав на ноги, не полагаясь на мужчин. Она не искала обязательств, а я всё-таки искал. Что-нибудь из этого вам помогло?

Это охренительно бы помогло, если бы он составил личностную характеристику Рии. Она по всем показателям была отличным человеком. Мужчины, которых она любила, говорили о ней только хорошее, даже после стольких лет.

— Не особо. Но, по крайней мере, я могу исключить вас из списка.

Кивнув на эти слова, он достал из кармана завибрировавший телефон. Посмотрев на экран, Тимир вздохнул.

— Надеюсь, вы найдёте то, что ищите, мистер Андерсон, — сказал он, кивнув мне, и отправился к ожидающей его машине.

О, к трём машинам.

По двум другим именам в списке потребуется больше времени, чтобы сузить поиск.

Или я мог бы обратиться к источнику и спросить у неё.

Ей это не понравится, но ей придётся переступить через это.

Когда я вернулся в квартиру поздним вечером, то обнаружил, что её нет. Также, как и моей собаки. Я почувствовал, будто внутри всё скрутило в узел, но потом я увидел записку на стойке.

Подойдя, я увидел, что трусики исчезли, а под моим посланием было её, более эксцентричное и женское:

«Я решила, что раз уж я надела трусики большой девочки, то могу взять Слима на вечернюю прогулку».

Я улыбнулся и скомкал записку. Сделал заказ и стал ждать.

И ждать.

И, чёрт возьми, ждать.

К тому времени, как я услышал скулёж Слима на лестнице и перезвон его жетонов, я ходил по комнате туда и обратно уже минут 15.

— Какого чёрта? — выдал я, когда она зашла внутрь. Её щёки слегка порозовели, волосы были убраны назад, на ней были надеты леггинсы с изображением черепов, в стиле калавера<sup>[18]</sup>, и в моей чёрной толстовке, которую я отдал ей.

— Какого чёрта, что? — спросила она невинно и немного прохладно, наклонившись, чтобы отстегнуть Слима, который немедленно пошёл пить, его язык болтался.

— Я дома уже около 40 минут, а ты ушла ещё до моего появления.

— Твой пёс разминал лапы, Соьер, — сказала она, пройдя на кухню, чтобы взять бутылку воды из холодильника.

— Ладно, но прогулка с ним занимает 5 минут, не 40.

— Он же ленивый и толстый, — сказала Рия, сделав большой глоток. — Мы прогулялись по главной улице и обратно. Дважды. Нет ничего хорошего в переборе веса для таких больших собак.

Я сделал глубокий вдох и медленно выдохнул.

— Рия, мы не знаем, что с тобой случилось. Ты не должна выходить туда...

— И жить? — спросила она, подняв бровь. — Я должна... что? Сидеть тут, как Рапунцель, и ждать, пока ты позволишь мне покинуть башню? Экстренная новость, Соьер, — хоть я и была вовлечена кем-то в ситуацию, которую не могла контролировать, это не делает меня какой-то девицей в беде. Мне не нужно, чтобы меня спасали и защищали, — Рия не приходит в бешенство. Она злится и становится холодной.

Так сказал Дерек.

И женщина на моей кухне была холодна как лёд.

К сожалению, от этого мне только больше захотелось согреть её.

Я направился на кухню, схватив пиво из холодильника, приблизился к ней достаточно близко, чтобы почувствовать её тепло.

— Тебе не повредило бы меньше пользоваться своими духами.

— Я не пользуюсь духами.

— Уверен, что пользуешься. Думаю, они называются : «О, да отвалите от меня».

Я достаточно быстро взглянул на её лицо и успел увидеть усилие Рии, чтобы сдержать губы от улыбки.

— Видимо, мне нужно пойти нанести побольше парфюма, — сказала она, приподняв бровь, потому что я переместился и прислонился к стойке прямо рядом с ней, наши бёдра соприкоснулись. Но будь она проклята, если отойдёт первой.

— Так, сегодня я посетил несколько мест. Побывал на твоей старой работе. Поговорил с Джинни и Марианной. У меня возникло странное предчувствие на счёт босса, но, кажется

ничего зловещего. А затем я посетил кое-какой дом и работу, поговорив с Дерекком и Тимиром.

— Ты... что? — практически завопила она, отскакивая от стойки так, чтобы полностью меня видеть. — Что? Почему? Почему ты это сделал?

— Чтобы убедиться, что они не причастны к тому, что с тобой произошло.

— Я могла бы сказать тебе, что Дерек и Тимир не заинтересованы в причинении мне вреда.

— А я мог бы сказать тебе, что не все хорошо разбираются в людях, поэтому я не смог бы принять твои слова на веру... Встречалась с разными парнями, да? Вышибала и какой-то преуспевающий маркетинговый парень.

— Они были хорошими людьми. Ну... — сказала она, закатив глаза, — по большей части они были хорошими. Дерек не смог удержать свой член в штанах.

— А Тимир?

Она пожала плечами.

— Он был действительно хорош во всём. Но я встретила его в неподходящее время, и у нас не срослось.

— Он собирался сделать тебе предложение, — указал я, по причинам, которые не хотел бы выяснять.

— Он что?

— Когда он вернулся из последней поездки, прямо перед тем, как ты бросила его. Он сказал, что у него было кольцо в кармане.

Она остановилась, осознавая услышанное, а я наблюдал, как на её лице появилось удивление. Она не жалела и не грустила.

— Интересно.

— И всё? Мужчина практически сделала тебе предложение и это просто интересно?

— Прошли годы. Он был мне не безразличен, но я была чересчур недоверчива и ещё незрелая, чтобы действительно любить его. Уверена, я многое потеряла.

— На самом деле, у меня к тебе пара вопросов.

— По поводу?

— Крис Миллер, — сказал я, снимая этим все вопросы с имени, которое, как решил Баррет, было интрижкой на одну ночь.

— Ох, — произнесла она, фыркнув. — Крис.

— Кем был Крис? Твоим парнем?

— Боже, нет, — сказала она, широко улыбаясь. — Нет. Он был... э-э, ну, тут иначе не скажешь. Он был бабником. Тусовался поблизости. Он был горяч и очарователен, а я впервые со времён старшей школы была одинока и думала, что мне не мешает интрижка, чтобы отвлечься от двух неудавшихся подряд отношений.

— И?

— И всё, после работы он приезжал ко мне, мы весело проводили время, и он уходил. Это длилось пару месяцев, прежде чем я поняла, что это не для меня.

— И как он это воспринял?

— Оу, он действительно был разбит этим, — сказала она, криво усмехаясь. — Он начал трахаться с девушкой, живущей этажом ниже две ночи спустя. Мы здоровались в коридорах, пока она тоже не избавилась от него, и больше я его не видела. Он не может быть подозреваемым, Сойер. Я уверена, что он бы даже не смог меня вспомнить, если бы это

потребовалось.

— Ладно, — сказал я, согласившись с этим. — А что на счёт Майкла Робинсона? — спросил я и увидел, как она напряглась, прямо перед тем, как раздался звонок домофона.

Вздыхнув, я прошёл за бумажником и направился к двери.

Кем бы ни был Майкл Робинсон, он был большой темой.

И у меня было ощущение, что ей нисколько не понравится, если я надавлю на неё.

# Глава 10

## Рия — 2 дня

Я не хочу говорить о Майке.

Если Эрик был моей «первой сладкой любовной» историей, а Дерек был моей первой «сделавшей мне плохо» историей, Тимир был моей «не в том месте, не в то время» историей, то Майк был моей «о чём, чёрт побери, ты только думала» историей.

У каждой женщины есть, по крайней мере, одна такая история.

И ни одна из них не захочет когда-либо обсуждать их. И уж точно не с женщиной, с которым она обжималась, и чьё уважение она хотела бы получить.

Потому что никто не захочет признать, что он был достаточно глуп, чтобы совершить такую огромную ошибку.

Которую сделала я.

Майк был ошибкой всей моей жизни.

Самое худшее из всего этого, что мне не было 18, и я не была глупой. Я не была пьяной, меня не обманывали и не принуждали к этому. Я, честно говоря, точно знала, во что ввязывалась, но я всё равно взяла и нырнула в это.

И к этому времени мне было 27 лет.

— Так как я понятия не имел, любишь ли ты суши, я заказал достаточное количество для двоих, включая немного овощных ролов, на случай, если ты не любишь рыбу.

— Рыба — это хорошо, — сказала я, проходя на кухню, когда Соьер потянулся к сумке и начал вытаскивать поднос за подносом с роллами и один контейнер с морскими водорослями.

— Налетай, — предложил он, вручив мне палочки для еды, которые я использовала, чтобы смешать немного васаби с моим соевым соусом. — Ладно, — сказал он, съев первый кусочек, в то время как мой рот был всё ещё полон. — Расскажи мне о нём, Рия.

Я прожевала и помотала головой, устремив свой взгляд вниз на стойку.

Соьер замолчал на долгое время, что мне уже начало казаться, что он отпустил эту тему.

— Когда я только вернулся из армии и впервые за столько лет ступил на американскую землю, что мне страшно признаться в этом, но я перебирался из кровати в кровать, стараясь наверстать упущенное время или пытаюсь найти немного нежности, после стольких лет жестокости. Чёрт, если бы я знал, почему именно. Я рос с одним парнем, Мэттом. Он поступил на службу вместе со мной и Брокком, но он отправился домой намного раньше, чем мы, и начал свою жизнь сначала. Одной пьяной ночью в баре я приударил за его младшей сестрёнкой. Я привёл её к себе домой. У нас была всего одна ночь. Никто из нас не хотел ничего большего. Она — потому что знала, что я не готов остепениться. Я — потому что, когда протрезвел, то понял, что чертовски сильно облажался. Мэтт узнал. И по сей день он всё ещё не разговаривает со мной.

Наши взгляды встретились где-то посередине истории, мои брови нахмурились.

— Зачем ты рассказываешь мне это?

— Мы все лажаем, детка. Мы делаем глупые вещи. Особенно, когда дело касается противоположного пола. Это случается. Всё кончено. Прекрати страдать из-за этого. Что произошло с Майком?

Прекрати страдать из-за этого.

Это звучит намного проще, чем есть на самом деле.

Выдохнув, я потрясла головой.

— Я влюбилась в него.

— И это плохо, потому что...

— Потому что он был женат, — призналась я, стыд заставил меня вновь опустить свой взгляд, щёки гореть, а внутри всё перевернуться, достаточно для того, чтобы я отложила палочки, потому что была уверена, что больше не смогу есть.

— Ладно...

— Сначала я не знала, — поспешила добавить я. Для меня это было важно. Это не делало то, что последовало за этим, хоть немного более прощительным, но я ощущала, что это, по крайней мере, уберёт маленькое пятнышко от ужаса в этой истории.

— Но ты, в конце концов, узнала. Вот почему сейчас ты не смотришь мне в глаза, — предположил он.

В Майке много чего было — умный, успешный, обаятельный, привлекательный, воспитанный, забавный, и он хорошо готовил. В действительности, полный пакет. Я должна была знать, что такие люди практически никогда не бывают свободными.

— Как ты узнала?

— Мы встречались около 4-х месяцев, когда остановились у продуктового магазинчика, потому что он собирался приготовить какое-то обалденное блюдо по семейному рецепту. Это, по-видимому, было для него чем-то значимым, чтобы сделать это для меня. Я схватила зелёный лук, который он забыл, и возвращалась назад, когда увидела его, целующего в щёку симпатичную блондинку. Затем я наблюдала, как он кладёт продукты в её тележку, и как эта женщина радостно льнёт к нему. Именно тогда некоторые нестыковки начали приобретать смысл. Он был женат. Это его жена.

— Что случилось после?

Я фыркнула.

— Он ушёл из магазина вместе с ней. Я наблюдала за ним. Он поймал мой взгляд на выходе, понурил голову и просто продолжил идти. Я оставила свой кошелек дома, поэтому у меня не было денег, чтобы вызвать такси. Мне пришлось идти домой пешком, — я вспомнила, как взбесилась та часть меня. Не только из-за того, что он грёбаный изменщик, не только из-за того, что он променял меня на другую женщину, но и из-за того, что он даже не побеспокоился о том, доберусь ли я домой в целости и сохранности.

— Но это не всё.

— Прошло довольно долгое время. Однажды ночью Майк явился с двумя большими чемоданами. Сказал, что он ушёл от жены, что хочет начать всё заново со мной, что он был огромной, не стоящей прощения задницей, но он надеется, что я прощу его.

— И ты простила.

— Я любила его. Я была глупа, но полагаю, в этой ситуации мало что можно контролировать. Он поселился у меня. Всё шло хорошо, примерно две недели.

— Пока... — подтолкнул меня Сойер, отложив палочки и широко расставив руки на стойке.

— Пока я не проснулась одна в постели и не пошла искать его. Когда я проходила мимо ванной, то услышала, как он говорил по телефону. Он говорил своей жене какую-то чушь о пребывании на конференции и что он скоро вернётся домой. Что он скучает и любит её и...

ага. Всё закончилось, — я замолчала, помотав головой. — Я, правда, должна была знать. Такие, как он, никогда не оставляют своих жён.

— Это правда, — согласился Сойер и, полагаю, он многое об этом знает по чередке своих дел. — Что произошло после?

— Я нашла его жену и рассказала всё ей. Я позволила ей накричать на меня, потому что считаю, что заслужила это. Затем я помогла женщине выяснить всю ложь, что он скармливал ей, так чтобы она смогла найти лазейку в их брачном договоре, если бы захотела. И тогда... всё было кончено, — сказала я, мотая головой.

— Эй, — произнёс он, внезапно оказавшись не через стойку, а совсем рядом со мной. Когда я подняла голову, то посмотрела в его насыщено-зелёные глаза, он слегка наклонил голову, так, чтобы мы смогли смотреть в глаза друг другу.

— Три вещи, — начал он, немного улыбаясь. — Во-первых, ты не знала этого вначале. Это не делает тебя «плохим парнем», а делает плохим парнем его. Во-вторых, когда ты узнала, всё тут же было кончено. Поэтому, когда он снова появился в твоей жизни, ты поверила ему. Это случается, когда любишь и доверяешь. Ты не можешь любить кого-то и всё время подозревать их в чём-то, сомневаться в том, что они говорят, когда их слова и действия указывают на то, что они честны.

Я сделала глубокий вдох, поняв, что задержала дыхание, ожидая осуждения. Я действительно беспокоилась о том, что он будет хуже думать обо мне. Я не была уверена, почему это было так важно для меня. Но так и было.

— А в-третьих? — спросила я, когда он не продолжил.

— В-третьих, всё просто, — сказал он, потянувшись ко мне, и положив палец под мой подбородок, поднимая его вверх. — Эрик, Дерек, Крис и Майкл были чёртовыми идиотами. У них у всех была ты, и они все облажались. Тимира мы не будем брать в расчёт, раз уж он хотел посадить тебя под замок, тут облажалась ты, — добавил он с усмешкой, и я почувствовала, что улыбаюсь этим словам. — Ты не можешь начать сомневаться в том, что ты хороший человек, потому что другие люди предавали тебя.

Его большой палец сместился, чтобы погладить мою щёку, и мелкая дрожь прошла по моему телу от этой нежности.

Пока я сидела тут с человеком, который во всех отношениях был для меня кем угодно, кроме как незнакомцем, я поняла, что он на самом деле знал меня лучше, чем все вышеупомянутые мужчины. Было странно оказаться в такой ситуации. Обычно с кем-нибудь это занимает недели, месяцы или даже годы, чтобы выяснились все глубоко спрятанные, тёмные или грязные секреты. Сойер же узнал их все за несколько дней. Это было действительно уникальное обстоятельство, чтобы оказаться в такой ситуации, и это заставило меня почувствовать себя практически подавляюще-уязвимой рядом с ним.

— Ну вот, опять этот взгляд, — сказал он, понизив голос, указывая на взгляд, которым я смотрю на него. Тот, в результате которого он поцеловал меня в прошлый раз.

— Ничего не могу с этим поделать, — призналась я.

— Я знаю, — произнёс мужчина передо мной, уголок его губ приподнялся, но веселье не достигло его глаз. — Я просто чертовски неотразимый, — я издала неожиданное фырканье, что превратило его полуулыбку в полноценную. — Ага, это хорошо для моего самолюбия.

— Цель моей жизни — бить по самолюбию дерзких мужчин.

— Два слова в предложении, которые бы мне больше всего хотелось услышать вместе,

— поддразнил он, а в его глазах снова появился жар.

— Прекрати, — сказала я, помотав головой.

— Что прекратить?

— Смотреть на меня так, будто ты знаешь...

— Что на тебе тёмно-синие кружевные трусики, которые наполовину открывают твои ягодички? — спросил Сойер и был прав. Его тело подвинулось немного ближе, а палец медленно перемещался вниз по моему горлу, ключице, затем вниз по груди. — Хотелось бы мне знать, в тон ли твой бюстгальтер, — размышлял он, его пристальный взгляд следовал за пальцем, когда тот прошёлся по выпуклости моей груди, на которой совсем не было бюстгалтера, закрывающего её. Кончиком пальца он скользнул по затвердевшей горошинке моего соска, заставляя мою спину выгнуться, поскольку я глубоко вздохнула. Воздух покинул Сойера, когда его рука передвинулась, кончики пальцев устремились в стороны, когда большим пальцем он начал мягко обводить мой сосок по кругу.

Низкий, едва слышимый стон сорвался с моих губ, но глаза Сойера округлились, услышав его, взгляд отяжелел, пока он наблюдал за мной, взяв сосок большим и указательным пальцами и крутя его, от чего моя рука упёрлась в стойку, чтобы удержаться на ногах в порыве почти подавляющего желания.

Но звук, эхом отразившийся в пустом, тихом пространстве, похоже, привёл Сойера в чувства. Его голова слегка дёрнулась назад, когда его пальцы отпустили мой сосок. Рука всё ещё оставалась на моей груди в течение долгого времени, прежде чем соскользнуть по моей талии и остановиться на моих ягодицах. Его пальцы крепко сжали их.

Он протяжно выдохнул, звук, устрашающе напоминающий вздох.

— В тебе слишком много искушения, Рия, — произнёс он, всё ещё сексуально хрипловатым голосом. Затем он отпустил меня и обошёл стойку вокруг, взял свои палочки и положил кусочек суши в рот. Он жевал его примерно минуту, молча обдумывая что-то.

— Так ты работала в клинике за ресепшеном?

— Точно, — согласилась я.

Он кивнул, прожёвывая, обдумывая.

— Возможно, есть работа для тебя.

Я вскинула голову, настойчивая пульсация моего желания между бёдрами отступила от мысли о наличии некоторого подобия жизни.

— Правда?

— Ага. Мой брат, ну, здесь по-другому не скажешь, чёртов лентяй. А его офис — позорище. Ты бы могла вытащить моего брата из-под его беспорядка, я скажу ему, заплатить тебе. Пока что неофициально, так как прямо сейчас, ты, похоже, не существуешь. Но думаю, мы в любом случае решим эту проблему к середине недели. Полагаю, ты уже начинаешь сходить с ума от сидения здесь целыми днями.

— Это верно, — согласилась я. — Твой брат похож на тебя?

— Имеешь в виду, незаслуженно красив, очарователен и... — начал он, но замолчал, когда я рассмеялась. — Ты должна делать так чаще.

— Что? Смеяться?

— Да, — согласился он, кивнув. — И улыбаться.

— Буду иметь в виду. Нет. Ты дерзкий, склонный к противостоянию и...

— Баррет, — он немного улыбнулся, на его лице отразилась смесь братской любви и тревоги за младшего брата. — Баррет слишком часто погружён в свои собственные мысли.

Это делает его отличным в том, чем он занимается, но это делает его слегка беспомощным в вопросах общения. А это значит, что у него постоянно не менее 10 использованных кружек из-под кофе на столе, обычно почти забрызганные бесконечные груды документов, разложенные по всей поверхности стола, — Сойер остановился, чтобы пододвинуть мне тарелку, а я потянулась за своими палочками, чтобы положить кусочек в рот. — Оу, тебе, вероятнее всего, придётся выучить основы польского.

— Полировки?<sup>[19]</sup> — проямлила я с забитым ртом, уверенная, что ослышалась.

— Ну, это тоже. Но нет, детка. Польского. Языка.

— Он не говорит по-английски? — спросила я, нахмутив брови. В речи Сойера не было и намёка на акцент.

— О, он говорит по-английски. У него тенденция использовать вычурные слова и всё такое дерьмо. Нет. Он делает это в качестве меры предосторожности, таким образом, никто не может прочесть его файлы. Но тебе нужно быть способной прочесть хотя бы тему, чтобы знать, куда определить файл.

— Баррет тоже был в армии?

Сойер захихикал низким, глубоким голосом и слишком отдающим сексуальностью.

— Боже, нет. Нееет. Баррет повёрнут на своих компьютерах, правдивых криминальных историях и, очевидно, выучил некоторые славянские языки.

— Чем он занимается?

— Он тоже частный детектив.

— Что? Правда? — удивлённо спросила я.

— Ага, он начинал работать на меня, но это ему не слишком нравилось, поэтому он открыл своё дело.

— Не могу себе представить, что кто-то не захочет работать с тобой! — выдала я, подшучивая над ним, и он улыбнулся этому.

— Баррет не тренированный. Не так, как я и Брок или даже Тиг. Он должен был разрабатывать операции, отслеживать что-либо, при этом, не подставляя свою шею. Ему не нравилось, что я хотел держать его в офисе всё время, так что однажды я пришёл, а его нет. Когда я выследил его, то узнал, что он открыл эту коморку и принимал клиентов.

— Он хорош?

— Он чертовски феноменален. В своей специализации. Это его я попросил составить досье на тебя. Я мог бы заняться этим сам, но это было бы в два раза дольше и вероятно было бы не настолько полным. Он наиболее хорош в том, что касается соц. сетей. Я был за рубежом, когда это дерьмо стало популярным. У меня до сих пор нет профиля на «Фейсбуке».

— Что? В смысле, ты не репостишь кучу кошачьих мемов и псевдо-научных статей? Не может быть.

— Думаешь, я высокомерен, да? — спросил он.

— Я не говорила этого.

— Нет, но подозревала. Считаешь, что я думаю, что слишком хорош для кошачьих мемов.

— Никто не может быть слишком хорошо для кошачьих мемов, — утверждала я.

— Я больше предпочитаю собак, детка, — сказал он, мотнув головой в сторону своего огромного зверя, снова спящего лапами вверх.

— Собачьи мемы тоже забавны.

— Никогда не дождётся этого, хитруля. Мне насрать, во что превратились люди, с которыми я ходил в школу. Они не нравились мне тогда и я уверен, что мне плевать, с кем они поженились или на кого похожи их дети. И также чертовски уверен, что не хочу смотреть на фотки того, что они едят на обед.

— Ты такой циничный, — сказала я, но всё же улыбнулась.

— И тебе это нравится во мне.

— Ну, меня это не отталкивает, — подстраховалась я, не желая признавать, что к этому времени не нашла слишком много того, что мне не нравилось бы в нём. Сойер не был мистером Конгениальность. Он был угрюмым, ворчливым и зачастую терялся в своих собственных мыслях. А когда он не был таким, он был агрессивным, любопытным, саркастичным и почти грубым. Но каким-то образом всё перемешалось, и получился хороший человек. Интересно, кто сделала его таким?

— Что? — спросил он, как будто почувствовал ход моих мыслей.

— У тебя есть другие члены семьи? Кроме брата.

— Наш старик где-то недалеко. Время от времени он появляется в городе, перебрасывается с нами парой стаканчиков и отправляется обратно.

— А мама?

— Она святая. Правда. Я был немного мудаком, настоящей занозой в заднице, пока рос.

— Не может быть.

На секунду он улыбнулся мне глазами и пожал плечами.

— Неважно, сколько раз моя задница оказывалась в кабинете директора или как много раз сосед грозился вызвать копов, потому что мы с Брокком выбивали дерьмо друг из друга. Она просто отмахивалась и говорила, что мы будем хорошими людьми, если мы дадим выход всем этим дурным штучкам, пока молоды.

Я улыбнулась, находя в этом немного логики.

— Она умерла?

— На третьем году моей службы. Я даже не брал увольнительную, чтобы приехать на похороны.

— Это... ужасно, — сказала я, покачав головой и вспомнив похороны своей мамы. Я уверена, что в тот день похоронила вместе с ней огромный кусок себя.

— Я не очень-то верю во все эти церемонии со смертью, детка. Так же, как и моя мама. Если бы она узнала, что кто-то стоит рядом с дыркой в земле и плачет, пока её опускают вниз, она бы с того света вернулась, чтобы просто выбить всё это любящее дерьмо из нас за то, что были таким глупыми.

— Я так понимаю, ты во многом похож на свою маму.

— Взял понемногу от обоих родителей. Мамин цинизм и отцовскую стойкость. Он тоже служил.

— Вы близки с братом?

— Это зависит от дня. В большинстве случаев мы как масло и вода, но мы любим друг друга. В праздники он приходит сюда, и мы занимаемся всеми этими праздничными вещами, едим еду, что оставляет Мардж, потому что беспокоится о нас, — он остановился, и я почувствовала, как он наблюдает за мной. — Что такое?

Я посмотрела вверх, почитав, что должна поделиться этим, не заботясь о том, что ещё больше открываюсь ему, хотя вероятно это плохая идея.

— Скучаю по Рождеству, — призналась я. — И по Дню Благодарения, Новому Году,

моему Дню Рождения и Дню Святого Валентина... — остановилась я, делая глубокий вдох, чтобы остановить слёзы, которые уже начали жечь глаза.

— У меня не осталось семьи, но моя мама прививала мне любовь к традициям каждого праздника. Хотя я и была одна, но для Дня Благодарения я готовила маленькую индейку, смотрела парад, ела, а потом отправлялась спать. На Рождество я доставала ёлку и украшала её, пока слушала назойливую рождественскую музыку и вдыхала аромат выпечки. Я делал пряничный домик, украшала гирляндой окна квартиры. На новый Год я открывала шампанское, и наблюдала за падением шара<sup>[20]</sup>. На День Рождения я тратилась на что-нибудь показное, потому что мама учила меня, что важно иногда себя баловать...

— А на День св. Валентина? — подтолкнул он, когда я остановилась.

Я немного улыбнулась.

— Ну, на последнем я была одна. Но в любом случае, я не особо любила выходить куда-нибудь. Мне нравится съесть тонну шоколада и смотреть кино, развалившись на диване и...

— И? — спросил он, чертовски хорошо зная, что за этим последует.

Но я подняла взгляд и встретила его.

— И заниматься сексом или любовью, или трахаться, пока День св. Валентина не закончится.

— Основательный способ отпраздновать.

— Как ты обычно празднуешь?

— Я работаю, — сказал он, фыркнув.

— Ты никогда не был с кем-то в День св. Валентина?

— Я не шлюха, Рия, но также я и не отношусь к остепенившемуся виду. Так что я не обещаю женщинам то, на что, как я думаю, я не способен.

— Верность? — предположила я, задаваясь вопросом, относится ли это ко всему мужскому полу, их неспособность к этому.

— Не верность, — сказал он, закатив глаза. — Я могу удержать свой член в штанах. Я не какой-то подросток с высоким уровнем тестостерона.

— Тогда что?

— Постоянные встречи. Плечо для сна на каждую ночь. Гарантия, что мне не придётся сбегать с каких-то семейных посиделок, потому что что-то произошло.

— Значит, ты просто не относишься к остепенившемуся типу.

— Я думаю, что так или иначе все оседают. Но моя работа не с 9-ти до 5-ти. Иногда мне приходится поднимать свою задницу в 3 утра по воскресеньям, чтобы вытащить какого-нибудь наркомана из первоклассного притона и отправить его задницу на реабилитацию. Иногда мне приходится следовать за каким-нибудь членоголовым бизнесменом по стране, чтобы поймать его с любовницей. Или, более вероятно, проституткой. Многие женщины не согласятся на это.

— Особенно, если есть дети, — согласилась я.

— Кстати, говоря, об этом, — сказал он, капаясь в салате с морскими водорослями. — Ты перевязала маточные трубы в 18?

Я пожала плечами.

— Знаю. Так все реагируют. Обычно это сопровождается словами «какой шарлатан провёл эту процедуру на ком-то столь молодом».

— Ты не хочешь иметь детей?

— Я действительно не хочу иметь детей, — сказала я, подняв подбородок и стараясь

держат свой голос ровным. Эти разговоры о детях были у меня столько, сколько я себя помню. Удивительно, как много людей считают, что у них есть право обсуждать мой репродуктивный выбор.

Но кто позаботится о тебе, когда ты постареешь?

Вероятно, кто-то с бланками на рецепты.

Ты поменяешь своё мнение, когда встретишь правильного мужчину.

Найти «правильного» мужчину, значит найти того, кто будет уважать мой выбор не рожать детей.

Это так эгоистично.

Не создавать больше детей, когда в мире уже столько нелюбимых детей.

— У тебя было много практики говорить это, да?

— Сказать, что ты не хочешь иметь детей в нашем современном мире, похоже является эквивалентом тому, чтобы сказать, что ты не хочешь замуж. Вы выглядите как какая-то странная одержимая кошками старая дева без сердца.

— Но ты хочешь взять приёмного ?

— Когда-нибудь. Когда я обустроюсь, да. И только взрослого ребёнка. Я была взрослой, когда меня удочерили. Мои родители были в возрасте, когда взяли меня, — я остановилась, пожав плечами. — Я просто считаю, что это не логично думать, что ты не можешь любить приёмных детей так, как ты мог бы любить тех, у кого твоя ДНК. Думать таким образом — это бессердечно.

— Думаю, что где-то 40% рождённых в мире детей не запланированы или нежеланны. И большинство этих детей растут с дерьмовыми родителями, правда, уважаю то, что ты делаешь и придерживаешься своего решения, детка. Это многое говорит о том, что ты способна сделать это.

И прямо здесь и сейчас мне пришлось сжать свои губы, чтобы моя нижняя губа не дрожала, явный признак того, что я сломаюсь, если не удержу их вместе.

Иногда, и это бывает действительно редко, ты встречаешь кого-то, кто просто... понимает.

Сойер понимает.

И есть в этом что-то, что затронуло меня где-то глубоко внутри.

— Рия? — спросил он, обращаясь к моей макушке, потому что мой взгляд был снова устремлён на стойку. Я покачала головой, стараясь проморгаться. — Эй, — сказал мужчина, опускаясь руками на стойку, чтобы быть где-то на дюйм ниже меня, и смотря мне в лицо. — Почему ты всегда прячешь свои эмоции?

— Может быть потому, что мои эмоции просто не твоё дело.

— Вероятно, но они в любом случае прямо передо мной.

— Я пойду... — проговорила я, развернувшись и пытаюсь сбежать в свою комнату.

Сойер схватил меня сзади за предплечье, потянул и развернул лицом к себе. Рука Сойера так и осталась на предплечье; другая рука обхватила моё лицо, приподнимая, чтобы встретить его глубокий взгляд.

Мы стояли так довольно долго, и моё сердце начало бешено колотиться в груди, зная, что вот он этот момент. Это произошло, когда мы прекратили сражаться, это произошло, когда мы оба сдались.

— Спасибо, что прогулялась со Слимом, — вместо этого сказал он, заставив меня раза четыре моргнуть, прежде чем я полностью поняла его слова.

Спасибо, что прогулялась со Слимом?

— И ещё, ты работаешь завтра. Будь готова в 7, чтобы я мог подбросить тебя и вернуться обратно, для занятия своими делами.

На этом он отпустил обе руки и вернулся обратно на кухню.

Хорошо, что он стоял ко мне спиной, когда потянулся за выпивкой в шкафчик, потому что, откровенно говоря, я стояла как вкопанная на том месте в течение долгой минуты, прежде чем пришла в себя и отправилась в свою комнату.

Затем я провела остаток ночи, усердно пытаюсь не думать о том, как Сойер пробежался рукой по моей груди и заигрывал с моим соском; о том, как практически постоянно я ощущаю себя сексуально неудовлетворённой; о том, какую сексуальную связь я ощущаю с мужчиной, которого знаю всего лишь несколько дней; о том, как это абсурдно выглядит.

Но я думала об этом.

Также я думала о том, как интуитивно и внимательно с его стороны было предложить мне работу. Я не была глупой. Я понимала, что офис его брата вероятно уже годы прибывал похожим на свинарник и возможно мог оставаться таким же ещё долгое время. Но он знал, что мне нужно сосредоточиться на чём-то. Он знал, что я накручу себя вопросами о пропущенном годе, если у меня не будет чего-то, чем я могла бы занять своё время.

Так же это пойдёт ему во благо.

Если бы он смог оставить меня в покое, занять чем-то, чтобы я не сидела в его квартире требующая, чтобы меня развлекали, тогда он мог бы сосредоточиться на работе и наконец-то выяснить все загадки, чтобы я могла вернуться к прежней жизни.

И поскольку я медленно провалилась в сон, то я проигнорировала маленькое, незначительное чувство внутри, которое слегка ощущалось как разочарование.

# Глава 11

## Со́йер

Нужно сделать несколько вещей.

Во-первых, мне нужно занять Рию. Откровенно говоря, даже просто зная, что она сидит в моей квартире весь день и ночь, прикасается к моим шмоткам, находится голая в моём душе, трогает себя в моей гостевой кровати, ага, это проблематично. Я едва могу сфокусироваться на других делах более, чем на 10 минут, ровно до того момента, как мысли о ней возникают в моей голове.

По крайней мере, знание того, что она у Баррета, уменьшит для меня возможность сказать работе «к чёрту всё», метнуться наверх и взять её стоя у кухонной стойки, нагнуть на подлокотнике дивана, в ванной проникнуть глубоко в её рот, наблюдать как она жёстко и быстро трахает меня, как её сиськи подпрыгивают, когда она объезжает меня.

— Бл\*дь, — застонал я, спускаясь по лестнице, зная, что она всё ещё в паре минут от меня. Баррет на самом деле не особо нуждается в секретаре или уборщице, или кем бы, чёрт возьми, Рия не закончила там заниматься. Но мне нужно, чтобы она была в безопасности, хоть у Баррета и не было обширных тренировок, как у меня или Брока, но он был резок и у него были хорошие рефлексы. Поэтому в его крошечном офисе она будет по колено в пролитом кофе, старых файлах и куче ерунды.

А я буду способен разобраться с некоторым дерьмом.

Включая поиск Майкла Робинсона.

Честно говоря, он был тёмной лошадкой. Ни один из других не представлял угрозы, но тот факт, что он делал некоторое дерьмо, например, лгал своей жене о некой конференции и при этом несколько недель оставался с Рией, ага... это не то дерьмо, что делают нормальные парни. Это большой риск. Он ходил на грани, его могли разоблачить одна или обе женщины. Нормальны парни не рисковали бы сразу двумя хорошими женщинами.

Но сначала мне хотелось бы вернуться обратно в клинику и поговорить с какими-нибудь другими работниками. То, как вела себя Марианна, не укладывается у меня в голове. И так уж случилось, что сегодня у неё выходной.

Подъехав к клинике, я припарковался и вылез, снова встретился с Джини и спросил, есть ли кто-нибудь ещё, с кем можно поговорить.

— А, конечно. Тэмми и Джейк здесь.

— А Тэмми и Джейк — это...

— Оу, доктор Тэмми Уотсон и Джейк Шелтон. Джейк лаборант. Я только проверю, свободны ли они, — предложила она, направляясь по коридору.

— Привет, — сказал я, кивнув головой темноволосому уборщику среднего возраста, когда он проходил мимо, делая мысленную отметку, поговорить с ним, если ничего не удастся выяснить у доктора и лаборанта. Иногда, когда профессионалы ничем не могут помочь, нужно отправиться к «синим воротничкам». Люди особо не задумываются, что говорят перед горничными и уборщиками или людьми из доставки. Они были богаты множеством секретов.

— Мистер Андерсон, — позвал милый голос Джинни, я повернулся и последовал за ней по коридору.

— Доктор Уотсон свободна, — сказала она, протягивая руку, чтобы открыть дверь.

Доктор Уотсон, относительно молодая, привлекательная блондинка с резкими кошачьими чертами и пронзительно светло-серыми глазами, держала руки в карманах своего докторского халата, что делало её образ почти нервным.

— Мистер Андерсон, — сказала она, сильно трясая руку, пожимая её. — Слышала, у вас есть какие-то вопросы ко мне.

— Да, — проговорил я, беря стульчик на колёсиках, на который она указала, когда брала себе один из основных стульев. — По поводу Рии Суини.

— Оу, — сказала она, практически разочарованно. — Ну, не знаю, насколько смогу быть в этом полезной.

— Почему?

— Похоже, она была действительно милой и компетентной. Каждый бредил о ней. Но меня перевели сюда, ну, не знаю... за неделю перед тем, как она ушла. Я заменила доктора Робинсона.

БИН-чёртов-ГО.

В той истории Рия не учла огромную ключевую деталь. А это было слишком важным, слишком видимым фактором, чтобы это просто вылетело из головы. Она сознательно пропустила это.

Мне не нравится это дерьмо.

И у нас точно будет разговор па этому поводу.

— О, правда? И куда этот доктор подевался?

— О, м-м-м... — сказала она, посмотрев немного вбок, пытаюсь вспомнить.

— Пенсильвания, — сказал уборщик, доставая мешок из урны. — Чтобы во всём разобраться со своей женой.

— Точно, — сказала доктор Уотсон, кивнув. — Простите, я говорила, что не особо могу помочь. Если хотите, можете подождать Джейка, он просто занят с клиентом...

— Вообще-то, доктор Уотсон, вы дали мне всё, что нужно. Спасибо, — сказал я, пожимая её руку. — И вы тоже, — сказал я уборщику, который кивнул мне в ответ.

Это точно не сузило поиски. Если у нас куча Майклов Робинсонов в Нью-Джерси, то скорее всего, в Пенсильвании их будет ещё больше. Но, к слову сказать, знание, что он доктор и что он работал в этой клинике, будет немаловажным фактом для Баррета, чтобы капнуть поглубже. Если понадобится, он взломает из записи, найдёт соц. сети, проследит его через транспортное управление и достанет мне адрес.

На этой ноте я отправил Баррету смс о новой работе для него и напомнил ему не быть мудаком с Рией, что ей и без того хватает подобного дерьма. Кроме того, мне не нужно, чтобы она была ледяной, когда я приду домой, чтобы расспросить её крупном упущении в её истории.

Возможно, в свою защиту, она скажет, что думала, Майк не такой парень, который мог бы причинить ей вред. Но если она так думает, она чертовски недооценивает, насколько дерьмовыми могут быть брошенные мужчины. Факт остаётся фактом, треть всех женщин, убитых в Соединённых Штатах, убиты своими партнёрами или бывшими партнёрами. Это огромное число невинных женщин, которые ничего не сделали, кроме того, что любили кого-то. И это равное число, казалось бы, нормальных на вид мужчин, у которых сносило крышу по мелочам. Никогда не следует преуменьшать то, на что способны разгневанные или расстроенные мужчины.

— Она всё трогает, — позвонив в ответ, пробурчал Баррет.

— Ага, это её работа, — сказал я, улыбаясь тому факту, что она сводит его с ума.

— И она говорит мне, прекратить ныть и позволить ей уничтожить мои собранные записи.

— Ты имеешь в виду полностью бесполезные старые записи, которые на самом деле являются просто мусором?

— Тебе нравится это, — обвинил он меня и знал, что я прав.

— Да, точно.

— Ты мог бы пристроить её на работу к себе.

— Мардж забьёт ей голову всякой фигнёй, которую ей не нужно знать, и ты знаешь об этом. Кроме того, ты не можешь продолжать принимать клиентов в этой чёртовой дыре. Ты получил моё смс?

— Да, я занимаюсь им. Нет. Нет. Не это, — сказал он, и я мог услышать, как он хватается за бумагу, отчего одна из бесконечного множества его выпитых чашек кофе падает на пол и разбивается.

— О, ради Бога! — застонала Рия расстроенным голосом. — А я ещё считала, что твой брат невыносим. Но ты забираешь все лавры.

От этого я улыбнулся, мне нравилось, что я мог вывести её из себя.

— Я занимаюсь этим, Сойер. Но я отправлю её домой в 5, минута в минуту, чтобы я смог сосредоточиться на работе.

— Делай всё, что нужно, — согласился я, зная, что буду ждать её там.

Нам нужно обсудить кое-какую фигню.

Я думала, Сойер преувеличивал.

Я должна была знать лучше, что он не из тех людей.

Но я полагала, что никто не может вести дела в свинарнике.

Я ошибалась.

Баррет Андерсон мог и делал это.

Сойер также не преувеличивал о размерах трагедии. Это крошечное помещение с тёмным столом, стеллажами у одной стены и примерно с сотней листов бумаги, прикреплённых к другой стене. Ну и, конечно же, беспорядок. И да, я имею в виду настоящий бардак. А также полную неразбериху, горы папок, лежащих повсюду. Но по правде говоря, я была более обеспокоена его бесконечными кофейными чашками и контейнерами от еды на вынос и ужасалась возможности появления из-за них крыс, тараканов или каких-нибудь личинок.

Баррет хоть и был внешне похож на брата, но не имел с ним ничего общего. Сойер, как правило, следил за своими волосами, глядя на его брата, можно было подумать, будто он лишь проводит по ним рукой, чтобы причесать. Также щетина на лице, словно он забыл побриться, и большие, а-ля хипстерские, очки на носу. В то время, как Сойер обычно предпочитал джинсы и футболку, у его брата был какой-то стариковский свитер с заплатками на локтях. Да, с заплатками. Также в Баррете была похожая отстранённость, но у меня такое впечатление, что у Сойера это из-за тёмного прошлого в армии и его частной практики, а у Баррета, чувствую, это явилось следствием его блестящего интеллекта.

— Только не это, — предупредил он с десятков раз, когда я бралась за то, что была уверена, было случайными клочками бумаг, запылёнными в забытый угол.

— Ничего не получится, если ты на самом деле не разрешишь мне ничего убрать, — сказала я, закатив глаза, когда взглянула на всё это. Сойер был честен на счёт польского, но он или намеренно не учёл, или забыл сказать мне, что всё было не только на польском языке, но и зашифровано. У меня в кармане имелся клочок бумаги, который предстояло расшифровать. На нём было записано около десяти слов на польском, которые я заметила в этот день.

— Ты можешь прибрать кофейные чашки, — предложил он, не отрывая взгляда от того, что пишет.

— Все семнадцать чашек сохнут на стойке в ванной.

Да, семнадцать.

У меня возникло стойкое ощущение, что когда заканчиваются чистые чашки, он просто покупает новые, вместо того, чтобы просто вымыть старые.

— Тогда, может быть, ты можешь зарегистрировать файлы...

— Да, но чтобы заниматься регистрацией, нужно чтобы фактические документы были разобраны по файлам, — известила я его напряжённым голосом, который родители используют в разговоре со своими детьми.

Тогда он посмотрел на меня, сжав губы, а взгляд стал таким знакомым, что внезапно мне захотелось увидеть, как Сойер делает это снова.

— Осторожно, — продолжил Баррет, его глаза засияли. — Это войдёт в твою трудовую

характеристику.

Я рассмеялась, уверенная, что на это он и рассчитывал.

За эти часы мы проделали долгий путь. Ранее мы чуть не дошли до воплей из-за каких-то дурацких пометок, которые были так стары, что записи наполовину исчезли, но Баррет не хотел, чтобы я их выбросила по той или иной причине. Разбили одну кофейную кружку. Он жаловался на меня по телефону, я так полагаю, своему брату и угрожал отправить меня домой ровно в пять часов вечера.

Но вот уже пять тридцать, а в дверях внезапно появился разносчик. Когда я взглянула на Баррета, поднявшись, он пожал плечами, отдал мужчине деньги и взял еду.

— Нам нужно поесть. Плюс тебе будет что ещё убрать, — объявил он, ставя еду на свой обновлённый, практически прибранный стол. — Я знаю, как тебе это нравится.

— О да, я живу для того, чтобы относить коробки из-под еды в мусорный контейнер. Так что ты взял? — спросила я, пересекая комнату, мой живот заурчал от того факта, что похоже Баррет отказался от ланча, вследствие чего, мне тоже пришлось отказаться.

— Пицца пепперони, горячие крылышки, картошка фри и палочки из моцареллы, — когда мои губы растянулись в улыбке, а брови поднялись, он улыбнулся в ответ. — Сыр и что пожирнее — в большинстве случаев моё предпочтительное меню.

Вы никогда не узнаете об этом, просто взглянув на него. И хотя у него нет такого крепкого, бойцовского телосложения, он казался в достаточной степени в форме под своим стариковским свитером.

— Твоему сердцу, должно быть, это нравится, — сказала я, забирая крышку контейнера с крылышками, которую Баррет вручил мне в качестве тарелки, и кладя на неё всего понемногу. В тоже время, в отличие от него, я не могу постоянно питаться подобным образом и ожидать, что у меня не вырастет огромная попа, не появятся дряблые руки и округлившийся живот, поэтому я лишь время от времени могла потакать своим желаниям.

— Ага, если моё сердце и даст сбой когда-нибудь, то это произойдёт из-за кофеина, который я употребляю. Ох, смотрите кто... — сказал он, и я ещё долгую секунду не понимала, о чём идёт речь, потому что, когда я посмотрела на дверь, там никого не было. Но затем дверь открылась, и вошёл Сойер.

— Как ты... — начала спрашивать я, разинув рот.

— Этот странный тип знает шум двигателя моей машины, — ответил Сойер за него, войдя внутрь, его совершенное тело сделало это со своего рода лёгкой самоуверенностью.

Определение «отрада для глаз» пришло мне на ум, что мне пришлось незамедлительно прервать это, смутившись тем, что я пусть на секунду, но подумала об этом.

Сойер прошёл прямо к тому месту, где я прислонилась бедром к столу Баррета, взяв палочку моцареллы с моей импровизированной тарелки и откусив её.

— Помещение выглядит хорошо, — сказал он, кивая, пока осматривался. Странное тёплое чувство наполнило мою грудь при похвале, и я была несколько сбита с толку тем, насколько это, оказалось, значимо для меня. — Всего лишь одна чашка кофе. Бл\*дь, — сказал он, улыбнувшись брату. — Помнишь бесконечный поток ругани Мардж, которым она одаривала тебя, когда ей приходилось прибираться за тобой чашки, в конце каждого рабочего дня?

— Она думала, одноразовые стаканчики помогут, — сказал Баррет, кивая.

— За исключением того, что они будут стоять тут и прилипать к бумагам, над которыми ты работаешь. Ли, при случае, ты мог бы немного позабавиться с ними и начать складывать

из них, как из пивных банок, что-то вроде пирамиды.

— Её было забавно раздражать.

Сойер помотал головой, беря кусок пиццы и откусив от него.

— Знаешь, это было моё, — сказала я, приподняв бровь. В ответ Сойер лишь пожал плечами и поднёс пиццу к моему рту. И, если я не ошибаюсь, в его глазах был вызов. Как будто он проверял, пойду ли я на попятную. И, ну, я слегка наклонилась вперёд, открыла рот и откусила здоровенный кусок. Кажется, от этого его глаза засветились.

— Нашёл что-нибудь для меня, — спросил он брата.

— Уже отправил. Хотя это не то, чего ты ожидал.

На что Сойер кивнул и, схватив немного картошки, положил её на НАШУ тарелку. Он продолжил есть, когда достал свой телефон и, как я думаю, просматривал файл, отправленный Барретом.

Спустя минуту или около того, Сойер тяжело вздохнул, на что Баррет кивнул.

— Ага.

— Ладно, — сказал Сойер, забрав тарелку из моих рук и накладывая в неё всего. — Пойдём, — проговорил он, внезапно заторопившись.

— Почему мы не можем закончить...

— Нам кое-что нужно обсудить, и я не думаю, что этот разговор ты хотела бы вести перед своим новым боссом.

Я поборолла желание сказать ему, что, видя, как Баррет очевидно поработал над этим делом, что он уже в курсе, и просто встала. Одно дело, что он знал некоторые детали моей жизни и совсем другое, что он выкопал их из потайных мест, передал их, а затем пожелал узнать каждую деталь подробно.

— Увидимся завтра, Баррет, — сказала я, сдержанно улыбаясь ему.

— Я бы сказал, что буду с нетерпением ждать... — ответил он, так же улыбаясь.

— Но ты не хочешь мне врать, — продолжила я, когда повернулась и вышла наружу.

— Ты возвёл грубость на новый уровень, — уведомила я Сойера, когда забрала у него тарелку и забралась в машину, дверь которой он держал для меня открытой.

Он хлопнул дверью и обошёл машину, залез внутрь, закрыв за собой дверь. В то время, как я ожидала, что он развернёт машину и поедет, он просто потянулся за тарелкой и положил её на приборную панель, затем полностью развернулся ко мне.

— Потрудись объяснить мне, почему ты не упомянула одну очень важную деталь о Майкле Робинсоне в своём рассказе о тех событиях?

Я почувствовала, как у меня скрутило живот.

Я должна была знать, что это всё равно выплывет наружу. Полагаю, что у меня было ложное чувство безопасности, пока Сойер не нарыл информацию о Майкле и моей работе.

— Рия, — произнёс он, его голос стал немного мягче. Когда я не повернулась к нему лицом, он большим и указательным пальцем схватил мой подбородок и повернул сам. — Почему ты не упомянула об этом? Ты же уже рассказала мне неприятные детали.

— Вот именно. Так почему это так важно, что я работала с ним?

— Потому что сразу, как только ты выставила его завравшуюся изменяющую задницу к его жене, то он сразу ушёл. Мне надо знать почему.

Я немного дёрнулась, это воспоминание ещё свежо для меня, потому что для меня не прошло года, это будто бы было всего пару недель назад.

— Его жена пришла на работу и закатила истерику после того, как я рассказала ей, что

случилось. Она сильно смутила его на глазах у всех сотрудников, которые должны уважать его. Он... — я затаила дыхание. — Он плохо справлялся с разрывом, как таковым, а потом ещё его жена создала шумиху вокруг его...

— Постой, — оборвал меня Сойер. — Вернись к «плохо справлялся с разрывом». Объясни мне это подробнее. Что он делал?

— Ну, ничего такого. Просто пытался поймать меня на работе, когда я находилась одна, и поговорить со мной. Или распускал руки, будто у него всё ещё были на это права. Мелочи...

— Мужчина прикасался к тебе, не получив на это разрешения, — это не мелочи, это вопервых. Во-вторых, его выгнали за это?

— Нет. Нет. Его жена поставила Майкла в неловкое положение, и тем вечером он написал заявление об уходе. Он, м-м-м, уехал с ней из штатов, чтобы во всём разобраться или что-то в этом роде.

— Нет, не уехал, — удивил меня Сойер. — Судя по всему, его жена всё ещё в их старом доме. Но Майкла Робинсона с ней нет, и ни один из них не покидал штатов. Он снимает квартиру.

— А-а-а, — сказала я, сведя вместе брови. На самом деле это не удивило меня. Когда мужчина лжёт тебе о своём браке, лжёт о переезде, который на самом деле был недолгим.

— Эта квартира прямо через улицу от твоей старой квартиры, детка.

Высказывание «сердце ушло в пятки» в тот момент приобрело больший смысл. Моё сердце действительно будто бросили в ноги.

Как это возможно?

— Согласно записям он всё ещё там. Не думаю, что должен говорить тебе, как подозрительно это выглядит.

Я не хотела осознавать этого.

Правда, мой мозг просто битком наполнился всякими мерзостями.

Я не хотела думать о том, что мужчина, которого я когда-то любила, с которым когда-то делила своё тело и о котором я когда-то думала, что тот любит меня, способен сделать со мной что-то, из-за чего я потеряла целый год своей жизни.

— Он доктор, — добавил Сойер, заставляя меня закрыть глаза. Ага, та ещё добавочка, не так ли? — В твоей крови был Пентобарбитал. У кого, чёрт побери, ещё есть доступ к нему, кроме доктора? — это был ещё один довольно сильный гвоздь в гроб Майкла. — Эй, — позвал Сойер, когда я не повернулась обратно к нему. — Рия...

Я выдохнула так сильно, что, кажется, потемнело в глазах.

— Мы можем просто поехать домой? — спросила я, мотая головой. — Я просто... Я больше не могу.

Проклятые слёзы снова начали жалить глаза, и я сморгнула их прочь так быстро, как смогла. Но Сойер заметил. Он всё замечает.

Его изумрудные глаза смягчились, а рука переместилась на моё плечо, и он решительно надавил, прежде чем притянуть меня вперёд. Тело выгнулось над центральной панелью, его руки скользнули к верхней части моей спины, заключая меня в объятия.

— Иногда я забываю, что прошло всего лишь несколько дней. Ты всё ещё привыкаешь.

— Буквально всё изменилось вокруг меня, — согласилась я, делая глубокий вдох, закрыв глаза из-за намёка на резкий одеколон на его шее.

— Знаешь, когда мы с Бромом вернулись домой, всё было другим. Все магазины и

рестораны, люди, наши семьи выглядели не так как, когда мы уходили. Я понимаю, как это дезориентирует. Ты думала, что всё останется прежним, в то время, как всё поменялось без тебя. Это странно, и ты чувствуешь, будто тебе морочат голову, но прежде чем ты осознаешь это, всё встанет на свои места. Ты будешь меньше ощущать, словно играешь в догонялки.

**Больше книг на сайте - [Knigoed.net](http://Knigoed.net)**

Это было именно то.

Я никогда не думала об этом так, будто не была единственной, кто прошёл через подобное. Есть же люди, которые выходили из комы, люди с амнезией или выборочной потерей памяти. И есть люди, которые просто долгое время находились далеко, и жизнь менялась без них. Мужчины вроде Сойера и Брока, кто был в спец. войсках.

Каким-то образом мне стало намного легче, зная, что теперь я не одна, что есть и другие, которые могут меня понять.

Особенно, когда один из таких людей обнимает меня своими сильными руками, прижав моё лицо под своим подбородком, и я слышу его устойчивое сердцебиение.

Я почувствовала, как мелкая дрожь прошла через всё моё тело.

— Поехали, отвезём тебя домой и согреем, — сказал Сойер, отпуская меня, неверно истолковав мою дрожь. Это совершенно не было связано с холодом, а только с тем фактом, что я поняла, за долгое-долгое время не было ничего такого, что бы ощущалось так уютно, так безопасно, как находиться в его руках.

— Верно, — согласилась я, когда села обратно на сидение и взяла тарелку, которую Сойер вручил мне, чтобы он смог тронуться с места.

Мы приехали домой, я проигнорировала тот факт, что действительно начинаю видеть это место своим домом. Сойер и я поели в безмолвной тишине, посмотрели ТВ, затем оба отправились спать.

Ничего не произошло.

Я нырнула в свою постель и свернулась калачиком, пытаюсь убедить себя, что это к лучшему.

На следующий день я отправилась на свою новую работу, медленно, но уверенно разбирая беспорядок Баррета, и изучая то, как много общего у него с братом. Даже тот факт, что хотя они ни в какой степени и не были белыми и пушистыми, их отстранённость и нахальность каким-то образом всё ещё больше нравилась вам. После работы Баррет подбросил меня домой. После ужина Сойер и я вместе мыли посуду и обсуждали, как прошёл день.

Это было чертовски по-семейному, что ощущалось практически естественно.

На следующий день Сойер показался у Баррета с коробочкой в руках, выглядя, словно ребёнок в Рождественское утро, раскачиваясь на пятках, пока протягивал мне её.

Сдвинув брови, я подошла и взяла у него коробочку.

Открыв крышку, я обнаружила внутри свои водительские права.

— Поехали, детка, вернём некоторые кусочки твоей жизни назад.

# Глава 13

## Со́йер

Это не были её настоящие водительские права.

По сути, они совсем не были настоящими.

В то время, как я обычно предпочитаю действовать в шаге от нарушения закона, я достаточно знаю об этом мире, чтобы понимать, что иногда нужно срезать путь.

Вот поэтому я и направился в отстойнейшее здание в округе, владельцем которого является мой друг. Он сознательно держит здание в ужаснейшем состоянии, чтобы помочь его арендаторам оставаться неприметными, выглядящими, словно группа бездельников, живущих в дерьмовом здании, со стороны кажущимися обречёнными. Но на самом деле, это здание заполнено торговцами наркотиками, владельцами незаконной экзотики, и причина, по которой я направился сюда, к изготовителям фальшивых документов.

Барни был старой закалки, он был в зарождавшемся бизнесе ещё до того, как всё усложнилось, но даже так он был лучшим в своём деле. По крайней мере, в нашем округе. Мне не нужен такой документ, удостоверяющий личность, который могут отсканировать для департамента транспортных средств или у копов. Мне нужен документ, выглядящий достаточно настоящим, чтобы пройти визуальную проверку в банке. Когда она получит своё свидетельство о рождении, то сможет получить остальные свои документы, обратившись в госдепартамент, и вновь получит сама свои водительские права. Это был первый шаг в долгом процессе.

Но, оценивая то, как настроение Рии до сих пор моментально меняется с кажущегося нормальным до, в основном, подавленного или тревожного, ей действительно необходимо вернуть хоть что-то нормальное для себя. Возвращение её водительских прав и документов может заставить её почувствовать, что у неё снова есть какая-то власть над своей жизнью. Я понимаю весь этот ужас, я так же никогда не был тем, кто может отдать хоть какую-то власть над собственной жизнью.

У неё всё отлично складывается с Барретом. На самом деле, когда я говорил с ним о Рие, он перешёл с некоторого раздражения и недовольства в первый день к, по-видимому, настоящей симпатии, когда бы я не заговорил с ним после. Баррет не может долго находиться со многими людьми. Он слишком часто теряется в своей голове, он слишком умный, поэтому, как правило, его социальные навыки, как у дикой кошки. Это много говорит о Рие, что она расположила его к себе. Видно, что она была решительной, непреклонной, терпеливой и способной увидеть некий юмор в его неразумных и иррациональных привычках.

Хоть она и получит назад все свои документы, я слышал, как Баррет говорил с ней о работе на него с полной занятостью. Это поможет его бизнесу. Он ужасно отвечает на сообщения и электронную почту. А когда отвечает, то, как правило, выглядит снисходительным или отсутствующим. Его бизнес может быть не такой обширный и успешный, как мой, но он справляется. Если он захочет и постарается, дела могли бы пойти намного лучше.

Рия могла помочь ему в этом.

Если потребуется, мне придётся поговорить с несколько невежественным Барретом о предложении ей этой работы.

Я пытался убедить себя, что это не имеет ничего общего с моим желанием держать Рию ближе к себе.

Я не был глупым.

Рия получает деньги от Баррета, и вскоре она получит доступ к своим деньгам и, возможно, возьмёт себе машину. Это просто вопрос времени, когда она покинет мой дом.

И абсолютно точно, я привык, что она находится рядом.

Я не проводил много времени, анализируя, почему дело обстоит именно так, потому что знал, что ответы не принесут спокойствия тому, кто привык к независимости и отношениям без обязательств, такому как я. Всё, что я знал, это то, что после паршивого дня, делая дурацкие снимки или просиживая у квартиры её бывшего, безуспешно поджидая его, было хорошо забрать Рию с работы. Вдохнуть её аромат или войти в свою квартиру и увидеть, как она на моей кухне готовит еду, или варит кофе, или сидит на диване со Слимом, вот то, что правильно. Хотя я ясно дал ей понять, что ему не позволено находиться на диване, потому что он любит жевать подлокотник, чем он и занимался в то время. Это было указание, которое она проигнорировала, и у неё хватило смелости поднять одну бровь, когда я одарил её взглядом очень похожим на «рискни сказать что-нибудь».

Мне нравится эта чертовщина.

И так же очень странно, что мне нравится видеть её девчачий шампунь и кондиционер, и маски, и гель для душа в моей душевой. Мне так же понравилось, когда я обнаружил, что она украла вторую полку в моём шкафике в ванной и заставила её принадлежностями для макияжа и по уходу за волосами. Я, чёрт возьми, улыбаюсь всякий раз, когда вижу её проклятую чёрную резинку для волос у раковины или на кофейном столике, или на кухонной стойке. Она, очевидно, распускала свои волосы, где попало. Я заходил в гостиную каждое утро и обнаруживал белое вязаное одеяло на спинке дивана, пробежался по нему рукой, чувствуя нежнейшую пряжу, какую когда-либо ощущал.

Она освоилась.

И мне нравится это.

Но я не могу держать её в клетке с подрезанными крыльями только потому, что мне нравится, что она находится рядом.

Поэтому, я дам ей ключи от свободы и посмотрю, что она будет делать с этим.

Я не был от этого в восторге. Не знаю, насколько это было бы безопасным, если она съедет. Если её бывший был тем, кто как-то выкинул Рию на год из её жизни. Он был, очевидно, ужасно невменяемым. И опасным. Проблема в том, что ни один из нас, ни Брок, ни Тиг, не поймали его, покидающим свою квартиру, пока мы сменяли друг друга там, откуда вели наблюдение.

Пришло время снова стереть границы законности.

Видите ли, бывает время и место, когда можно сидеть сложа руки и ждать, когда это дерьмо само попадёт к тебе в руки. Например, это единственный способ поймать изменщиков. Но когда есть кто-то, о ком ты заботишься и с кем пытаешься связать вместе жизни, существует человек, который может угрожать этой жизни, да, наступает время взять всё в свои руки и сломать ими, если понадобится, несколько костей. И, считая, что этот выродок был ублюдком задолго до того, как вероятно похитил свою бывшую, я был слегка взбудоражен идеей причинить ему немного боли. Он заслужил это. Так что это был распорядок на следующий день.

Моей первоочередной задачей было забрать Рию с работы и отдать ей документ,

удостоверяющий личность. Когда она открыла коробочку, вид чистейшего облегчения на её лице стал доказательством того, что я сделал всё правильно.

— Они ненастоящие, — сказал я ей, когда мы сели в машину, отчего она резко повернула голову, а её губы приоткрылись. — Я не творю чудес, детка. Но я знаю парня, который делает подобные документы, десятилетиями обводя вокруг пальца власти в этом округе. Это поможет тебе попасть в твою депозитную ячейку и тогда у тебя будет всё, что нужно, чтобы начать делать всё законным способом.

— Ты... ты подделал государственные документы ради меня?

— Звучит намного зловеще и опасней, чем это было на самом деле. Я просто сидел и пил грёбанный травяной чай из чашки с настоящей золотой ручкой с женщиной по имени Герти, пока её муж ламинировал эту штуку, а затем отдал мне.

Её губы изогнулись в улыбке, вероятно просто от мысли, что я держал в руках такую чайную чашку.

— Как бы там ни было, я верну тебе деньги за это.

Это стоило довольно дорого.

И нет, она не станет этого делать.

— Могу ли я знать, каким образом ты узнал, какой именно банк предоставил мне ячейку? — спросила она, когда мы припарковались перед ним.

— Тем же способом, каким я узнал, что твой кредитный рейтинг был 7018 до того, как ты исчезла, и твою машину забрали за долги. Баррет, — сказал я, выйдя из машины и хлопнув дверью.

— Баррет в курсе моего кредитного рейтинга? — замешкалась она, остановившись посреди тротуара, широко раскрыв глаза. — Он же мой босс!

Я сопротивлялся желанию сказать ей, что в наше время многие должности во многих компаниях проверяются на кредитоспособность, и пожал плечами.

— Рия, вся эта мерзость находится на задворках его разума наряду с его кодами от шкафчика в средней школе и спряжением глаголов на корейском языке. Кроме того, — сказал я, придерживая для неё дверь, — у него он фактически отсутствует. Чудак платит за всё наличными. Ему наплевать, какой у тебя кредитный рейтинг, 700 или 175.

Мы зашли внутрь и отправились в зал ожидания. Не оглянувшись, чтобы посмотреть на меня, Рия схватила меня за запястье своей длинной рукой в сильном захвате и потащила меня за собой.

И, как и всё остальное, что я смог узнать о ней за последние несколько дней, я отметил, что мне это так же нравится.

Права, удостоверяющие личность, сработали, и она получила все свои документы, также как и новую кредитку.

Когда мы вернулись обратно в машину, она села, смотря на приборную панель. Всё в ней было напряжено.

— Что такое?

— Теперь всё изменится, да? — спросила она, повернув голову и посмотрев на меня.

Если не ошибаюсь, а я, бл\*дь, не ошибаюсь, в её глазах были грусть и страх.

— Послушай, — начал я, немного наклонив голову вперёд, — поменяется лишь то, что ты захочешь поменять. И даже эти вещи могут проходить в том темпе, который будет удобен для тебя.

— Не могу же я и дальше продолжать занимать твою гостевую комнату, как какая-то...

— Не заканчивай это предложение, — сказал я, трясая головой. Я положил руку ей на бедро и сжал его. — Я знаю, что ты очень независимая и сама справлялась со своими проблемами до того, как это всё случилось с тобой. Но никто, и даже ты, не может ожидать, что ты соберёшь все кусочки своей жизни воедино за неделю, Рия. Ты сильная, но ты не супер женщина. И тебе больше некуда переезжать. Ты можешь оставаться в гостевой комнате столько, сколько потребуется времени на то, чтобы спокойно переехать. Кроме того, вероятно, что на данный момент это так же безопасней.

Она протяжно выдохнула, напряжённые плечи расслабились.

— Я действительно ценю это, Сойер.

Я вздрогнул от этих слов.

— Понимаю, что ты чувствуешь, будто ты одна в этом мире с тех пор, как твои родители умерли, а парень, с которым ты встречалась, оказался ненадёжным. Но ты больше не одна, Рия. У тебя есть я. И Баррет. И хотя ты не видишь их, потому что они работают под прикрытием, у тебя также есть Брок и Тиг. И от того, что на некоторое время пришлось положиться на нас, это не означает, что ты слабая.

— Я буду, ну не знаю, платить кое-какую арендную плату или помогать...

— Ты не будешь платить никакую грёбаную арендную плату. Во-первых, потому что это здание полностью принадлежит мне, и это было бы глупо. И во-вторых, потому что ты просто ... чёрт побери, не будешь и всё.

— Знаешь, у вас с братом есть интересная черта...

— Быть чертовски обаятельными и привлекательными? — спросил я, улыбаясь, потому что знал, что не было ни одной очаровательной частицы ни в одном из наших тел.

Она тоже улыбнулась, и это стёрло часть отчаяния из её глаз, заставив меня понять, что как только появится возможность, я должен найти способ стереть это из её взгляда навсегда.

Это стало моей новой целью в жизни, сразу после обеспечения её безопасности.

— Это... не знаю, это трудно объяснить. Вы оба... сложные, непреклонные, вас действительно... ну...

— Говори уже, детка. У меня толстая кожа, ты не заденешь моих чувств.

— Вас действительно сложно полюбить, — сказала она, с небольшой улыбкой, которая должна была смягчить удар от её слов. Но, зная людей так, как я, и делая ту работу, что должен делать, я назывался словами и намного хуже, чем «сложно полюбить».

— Но, — подтолкнул я.

— Но ты мне всё равно нравишься.

От этого как-то всё сжалось в груди. Я поспешно пытался проигнорировать это, потянувшись за прядью её волос.

— Значит, я тебе нравлюсь, да?

Она закатила глаза, отмахиваясь от моей руки.

— Ты знаешь, о чём я.

— Я знаю, — сказал я, кладя руку сбоку на её шею, наблюдая, как её глаза слегка затуманиваются, а губы немного приоткрываются.

Я хорошо себя вёл.

Я, чёрт возьми, стал святым с тех пор, как облапал её на кухне.

Не сказал бы, что это было просто. Я бы сказал, что у меня возникали мысли ворваться в её комнату и заняться с ней тем, чего мы оба хотели, по крайней мере, раз 5 за день. Но это было необходимо. Она адаптировалась, приспособилась. И, оставив прошлые действия в

стороне, я был хорошим человеком. Я не пользуюсь уязвимостью в своих интересах. Это для ленивых, беспринципных говнюков, которые не могут получить киску никаким другим способом.

Но бывали моменты, когда она не грустила и не была ранимой, и у неё был этот чёртов взгляд... и да, я был уверен, что потребуется некая сверхчеловеческая сила, чтобы удержать меня подальше от неё.

Или звонок, я понял это, когда в моём кармане зазвонил телефон.

Я вздохнул и потянулся за ним.

— Да?

— Отличные телефонные манеры, Андерсон, — сказал плавный голос на том конце.

— Лука, — ответил я, переключая внимание на лобовое стекло.

Лука Грацци, так же как и его брат, Маттео, и их отец, Энтони, был владельцем «Семейного». Это итальянский ресторан, расположенный на сваях у воды. Итальянский, а не с морской едой, потому что Грацци были итальянскими итальянцами. В смысле, они были мафиози и управляли домиками.

Я звонил Луке несколько дней назад, зная, что раз они связаны с мафией, то были повернуты на безопасности. Это значит, что у них не только хорошо натренированные дворецкие, вышибалы и прочие, но ещё и камеры, напичканные повсюду.

То, что Рию подбросили именно туда, говорит о том, что люди не представляли, кому принадлежит ресторан. Вероятно, они лишь выяснили, что «Семейный» никогда не открывается до ланча и что персонала не бывает до 2-х или 3-х часов дня и, следовательно, парковка будет пуста от вездесущих газ.

Если мне повезёт, они не стёрли видеозапись после просмотра. Я надеялся, что они слишком умны для такого любительского дерьма.

— Я получил твой звонок. Извини, что это заняло так много времени. Чтобы перезвонить тебе. Много шлака свалилось в последнее время. Но я отправил Тони, получить видеозапись с внешнего дисковода и прислать её тебе.

— Вы не стёрли её?

Последовала короткая пауза.

— Ты должен знать нас лучше. Мы никогда ничего не стираем. Сейчас стало намного удобнее. У нас есть собственный сервер для хранения таких вещей.

— Я действительно оценил это, Лука.

— Не стоит благодарности. Отец в ярости, что кто-то посмел подбросить женщину к нашим мусорным контейнерам. Когда ты выяснишь, кто это, у него может возникнуть необходимость тоже навестить его. Она в порядке?

Я посмотрел на Рию, просматривающую документы, между ее бровей образовалась складочка.

— Да.

— Но ей станет лучше, когда ты выяснишь, кто это сделал с ней, — предположил он. — Приведи её как-нибудь на ужин к нам в «Семейный». В смысле, — проговорил он, когда понял, о чём сказал, — если это место теперь не вызывает у неё плохих воспоминаний.

— Она сильнее этого, — сказал я. — Спасибо, — добавил, заканчивая разговор.

— Кто сильнее этого? — спросила Рия, немного отстранённо.

— Мардж, — сымпровизировал я. — Она может сдвинуть чёртов внедорожник, когда находится в настроении, — пожал я плечами, понимая, что ложь прозвучала слегка

натянута. И сразу после этого мой телефон снова стал звонить.

— Ты сегодня популярен, — сказала она, потянувшись к обогревателю.

— Привет, Мардж. Только что тебя вспоминали, — ответил я.

— Надеюсь, что только хорошее, — сказала она, и что-то грохнуло на другой стороне телефона. — Послушай, мийо, я привезу всё в твою квартиру завтра к четырём. Но ты должен убедиться, что вы будете там не позднее пяти, иначе всё начнёт портиться, — известила она.

— Понял, Мардж. И ещё раз спасибо.

Вся моя команда помогает мне разыскать кое-какие вещи для сюрприза, который я собираюсь устроить Рие завтра. Что-то, что ей нужно.

— Нет, нет, — отмахнулась она от благодарностей, так же как и всегда, несмотря на то, что это было намного большей услугой, чем я обычно прошу. — Это делает моё сердце таким счастливым, что в твоей жизни наконец-то появилась женщина.

— Мардж, — сказал я, предупреждающим тоном. — Это не для этого.

— Конечно, конечно нет, мийо. Как бы то ни было, она мне нравится намного больше других твоих женщин.

— Мардж...

— Мать может помечтать, — сказала она, разъединяясь.

— О чём речь? — спросила Рия, наблюдая за мной насторожившись. — Ты улыбаешься.

— Мардж помогает мне в одном особенном проекте. И каким-то образом она убеждена, что я её сын, нуждающийся в совете.

— Всё же это так мило, что она у тебя есть, — сказала Рия, немного печали промелькнуло в её голосе, вероятно, она вспомнила слишком короткое время, проведённое с её приёмной мамой.

Ещё одно напоминание, почему ей нужно то, что я планирую.

И в то время, пока она будет завтра работать, я всё устрою.

Я игнорировал то, что Мардж была в некотором смысле права, это не было чем-то, что человек просто обычно делал для любой женщины. Но Рия не была любой женщиной. Она прошла через ад и держала себя в руках намного лучше, чем кто-либо мог ожидать. Она заслуживает всю ту работу, что потребуется для этого.

И я просто притворялся, что не был немного больше заинтересован в том, чтобы увидеть её счастливой, чем должен быть с другим клиентом.

# Глава 14

## Рия — 6 дней

Барретт был странным.

А учитывая, что Барретт всегда был немного странный, это означало, что он был суперстранным. Я почти выкинула это из головы, когда он подвёз меня до дома и проводил до задней двери, ввёл код, хотя я уже знала его, и по какой-то причине, последовал за мной вверх до двери.

— Сойер ждёт тебя? — спросила я, когда он просто стоял, засунув руки в карманы, отчего стал выглядеть совсем по-мальчишески.

Как будто в ответ на это, он потянулся и постучал в дверь несколько раз, от чего мои брови сошлись вместе, поскольку дверь открылась.

— Повеселись, Рия, — сказал Барретт, одарив брата, стоящего в дверях, сногсшибательной улыбкой, а затем спустился по лестнице практически бегом.

— Что с ним происходит... — начала я, посмотрев на Сойера, у которого была та же странная улыбка на лице. — Ладно, что творится с вами обоими?

— Я приготовил кое-что для тебя, — ответил он, от чего острое чувство надежды и укол беспокойства прошли через меня. Надежда, потому что, ну, мне нужны ответы; мне нужно знать, что случилось со мной. Беспокойство, потому что я не была уверена, как это может сказаться не только на ситуации с Сойером, но и с моей работой, и жизнью, в общем.

Но затем Сойер отступил из дверного проёма и вытянул руку, указывая на что-то внутри, и я отбросила это беспокойство в сторону, чтобы разобраться с ним после.

Я сделала шаг вперёд, входя в помещение, которое привыкла видеть, как квартиру Сойера.

Но там, где всё всегда было опрятно и разложено по местам, сейчас находились вещи, которых там никогда не было. Слева в комнате раскладной столик, увенчанный полиэтиленовой скатертью с маленькими ведьмовскими шляпками по всей его протяжённости. В центре стояла миска, наполненная декоративными тыковками, и две гигантские тыквы по обе стороны фонарика в виде тыквы, полные леденцов.

По всей кухне расставлены бесконечные подносы, прикрытые сверху, запах фаршированной индейки и обычной нарезки витал в воздухе. Рог изобилия расположился на стойке, взрываясь фруктами посреди сервированного по-осеннему стола на двух человек.

В гостиной было ... ну, было Рождество. Там стояла неукрашенная искусственная ёлка с дюжиной коробок гирлянд и украшений, сложенных около неё, и несколько обернутых подарков под ней. Рядом был маленький раскладной столик с двумя стульями. Шампанское в ведерке со льдом, два бокала и большие, отвратительные праздничные колпаки, на которых написано «Счастливого Нового Года».

На его столе, который обычно был заполнен всяким хламом, была ещё одна гора подарков, но обернутых в бумагу для Дня Рождения.

И наконец, лепестки роз, которые вели в коридор.

Я почувствовала, как сердце замерло в груди, когда я поняла, что это было.

Это Сойер вернул мне мой потерянный год.

Я ощутила тяжесть, свалившуюся на меня, отчего слёзы начали жалить глаза, а моё сердце делало странные, разрастающиеся штуки в моей груди.

Когда я посмотрела на Сойера, то обнаружила, что он наблюдает, как я воспринимаю всё это.

— Сойер...— проговорила я тихим голосом, чувствуя себя почти тревожно потрясённой.

— Знаю, это не тоже самое, — сказал он, слегка передёрнув плечом. — Но, по крайней мере, у тебя будут какие-то воспоминания праздников, которые ты пропустила.

Я смотрела на него целую минуту, не видя ничего, кроме доброты и искренности в его глазах.

И на этот раз я не раздумывала, не взвешивала все за и против. Я сделала то, что чувствовала, что хотела сделать.

Я налетела на него, побуждая его при столкновении сделать шаг, руки крепко сжались на его спине, а головой уткнулась в его шею.

— Эй, — сказал он, его руки скользнули вокруг меня, прижав еще крепче, его лицо повернулось так, что я почувствовала его губы сбоку от своей головы. И тогда из меня вырвался этот странный, задыхающийся всхлип. — Ш-ш-ш, — пробормотал он, и я ощутила, как его губы, прижимаются с легким поцелуем к моему виску. — Если ты сейчас расклеишься, то еда остынет, — сказал он мне, отчего я издала смешок. — Пойдём, нам ещё нужно вырезать тыкву, — сказал он, на мгновение пробежавшись вверх по моей спине, прежде чем отпустить, оставляя меня в недоумении, когда он подошел к столу на Хеллоуин и открыл там ноутбук.

— Что ты делаешь?

— Нам нужна определенная атмосфера. Какую отраву выбираешь: «Семейка Адамсов», «Практическая магия», «Фокус-покус» или что-то страшное ?

— Эм, «Фокус-покус». Да, — сказала я, направляясь прямо к нему, когда он несколько секунд пролистывал фильмы онлайн, прежде чем я услышала, как начинались вступительные титры.

— Ладно. Так, я купил все эти трафареты и прочую фигню, так что ты можешь приложить их...

— Это что за дилетантство?— спросила я, отчего его глаза засветились. — Дай мне нож, и я вырежу её по-старинке.

— Уважаю это, — согласился он, сорвав бумагу, чтобы не мешалась, и открыл коробки с приспособлениями для карвинга<sup>[21]</sup>.

Затем мы сняли верхнюю часть тыквы и вытащили мякоть,

— Тебе повезло, что в это время года растут тыквы,— сказала я, захватив горстку мягкой мякоти, немного улыбаясь, когда бросила её в Сойера. Я засмеялась, попав ему по щеке, заставив Сойера повернуться ко мне с поднятой бровью и небольшой улыбкой, мякотью и семенами, стекающими по его рубашке.

— Ох, детка. Ты ещё пожалеешь об этом, — сказал он, потянувшись к огромной отвратительной куче на тарелке между нашими тыквами.

И, конечно же, кто будет просто стоять и ждать возмездия? Я развернулась и попыталась сбежать.

Только, чтобы обнаружить себя пойманной, с его руками, обёрнутыми вокруг моего живота, и поднятой вверх, когда я закричала и попыталась вырваться. Его занятая мякотью тыквы рука поднялась и сбросила их мне на макушку, размазывая.

— Гадость! — засмеялась я и брыкнула ногами так сильно, что сбила Сойера с ног,

отчего мы оба повалились назад. У меня так сильно сжались мышцы, когда его рука сильнее напряглась на моем животе, а другая прижала мой череп к его груди, так что при ударе мои зубы не щелкнули вместе.

— Бл\*дь, — проворчал он, когда я почувствовала толчок, поскольку его тело врезалось в твёрдый пол.

Я потянулась и повернулась, расположив руки по обе стороны от него, чтобы взять на себя немного веса, затем посмотрела на него.

— Ты в порядке? — спросила я, фыркнув от нелепости всего происходящего, когда немного тыквенных внутренностей соскользнуло с моей макушки и приземлилось на его голову.

— Могу придумать позиции и похуже, чем эта, — сказал он, злобно ухмыляясь, когда его руки двинулись вниз по моей спине и обосновались на моей попе, комично сжав каждую половинку.

Моя грудь была прижата к его. Мои бёдра были на одном уровне сего. А его губы были всего лишь в нескольких сантиметрах от моих.

И Соьер устроил мне год воспоминаний за одну ночь.

Никогда прежде я не чувствовала кого-то ещё ближе.

Как будто видя смену от игривых поддразниваний до чего-то большего, его руки сильнее сжали мою попу, дыхание стало немного глубже, его взгляд потерял свою легкость и в нём разрастался жар.

Среагировав на его реакцию, я ощутила, как моя прижатая грудь стала тяжелее, соски превратились в горошинки, между ног всё сжалось, заставляя меня сопротивляться желанию потереться бёдрами о его, чтобы посмотреть, хочет ли он меня так же сильно, как я хочу его.

— Ладно. Вставай. Нам всё ещё нужно пережить множество праздников.

Я слегка кивнула и оттолкнулась вверх, откинувшись на пятки, а он выскользнул из-под меня и поднялся на ноги, когда я сделала пару глубоких вдохов, чтобы успокоить своё либидо и затем сделать тоже самое. Я вернулась к своей тыкве, когда Соьер прошёл на кухню, ненадолго включив воду. Вернувшись, он остановился за мной, и я ощутила, как что-то мокрое упало на мою голову, поскольку он счищал с меня мякоть тыквы. Мне пришлось полностью сосредоточиться на том, что делали мои руки, чтобы не порезать себе палец. Потому что его тёплое, твердое тело находилось за мной, и желание откинуться к нему спиной было настолько ошеломляющим.

— Ладно. Уже лучше, — заявил он, уходя на кухню, а я быстро закончила вырезать острый зуб и переключилась на глаза, сделав их так быстро и так осторожно, как только это было возможно.

— Классика, — заявил Соьер, когда вернулся назад посмотреть на вырезанные мной треугольные глаза и широкий рот с острыми зубами. Когда я поглядела на Соьера, то обнаружила его тыквенную голову, выглядящую так, будто он зарабатывал себе на жизнь, вырезая их. Улыбка приподнималась вверх к смотрящим с прищуром, зловещим глазам, и с каждой стороны рот был полон острых, прямых зубов. Я издала отвратительный звук.

— Есть хоть что-то, в чём ты не потрясающий? — он огляделся, скривив губы.

— Ни черта такого нет, — уверенно заявил он, и я обнаружила, что смеюсь. — Ладно, сюда, — сказал он, дотянувшись до декоративной свечки и поместив её в мою тыкву, зажигая её, и поставив верхушку обратно. — Подними, — заявил он, делая пару шагов назад.

— Зачем? — спросила я, когда он вытащил телефон из кармана.

— Сфотографирую тебя, — проинформировал он, и я почувствовала себя некомфортно. Я была в джинсах и кофейного цвета свитере, который слегка износился по низу. Мой макияж не поправлялся с самого утра и мои волосы всё ещё ощущались влажными там, где он счищал с них мяготь. У меня точно не было настроения сниматься. — Прекрати быть такой девчонкой по этому поводу и подними чертову тыкву, — объявил он и каким-то образом, его обычная грубость прогнала мою глупую неуверенность.

Я подняла тыкву и удержала её, слегка улыбаясь, когда камера дважды издала щелкающие звуки.

— Отлично, — заявил он, посмотрев на снимок, и я почувствовала легкую дрожь в животе, когда положила тыкву обратно на стол и потянулась за конфеткой. — Ешь быстрее. У нас сейчас ужин в честь Дня Благодарения.

— Ты готовил? — спросила я, следуя за ним на кухню, пока разворачивала свой «Милки Вей», и положила его в рот.

Он улыбнулся мне и помотал головой.

— Я умею готовить. Но не умею организовывать праздничный стол. Это всё Мардж, — заявил он, когда достал тарелки и вручил одну мне. — Что ты обычно готовишь на День Благодарения? — спросил он, зная, что у меня нет семьи, к чьей помощи можно прибегнуть.

Я пожала плечами.

— Обычно готовлю самую крошечную индейку, делаю фаршировку из коробок, картофельное пюре и дело с концом.

— Ну, зная Мардж, тут нет ничего из коробок, — сказал он, снимая крышки с некоторых мисок и тарелок. — И индейка достаточно большая, чтобы накормить десятерых. Надеюсь, что тебе понравится, потому что мы будем есть её неделю, — сказал он мне, накладывая себе на тарелку, а я подошла за ним следом, чтобы сделать тоже самое. Он поставил тарелку с едой на своё место и вернулся назад взять ноутбук. «Фокус-Покус» был выключен, и он разместил ноут на стойке, когда я присела и увидела, как на экране внезапно появилась запись парада. Он на самом деле очень постарался для всего этого. Даже если готовила Мардж, он попросил её об этом. Он отыскал запись парада, достал тыквы и наборы для вырезки. Нашел ёлку и украшения, несмотря на то, что для магазинов было слишком рано продавать их. А затем он купил мне подарки. Подарки. Я была более чем немного взволнована, чтобы узнать, что он нашел такого, о чём подумал, что мне понравится. Я была чертовски уверена, что не была настолько взволнованной по поводу рождественских подарков с тех пор, как еще верила в Санту. От этого у меня внутри все прыгало, а кожа была наэлектризована.

— Ты притихла, — заявил он спустя долгое время, после того, как мы поели и посмотрели парад на ноутбуке, как пели различные исполнители, а дети танцевали, и платформы двигались по улице. Я посмотрела на Сойера, улыбнулась ему какой-то легкомысленной улыбкой и сказала правду.

— На самом деле я взволнована Рождеством.

Он тепло улыбнулся в ответ, теплее, чем я когда-либо видела его улыбку, и внутри у меня при виде этого, возможно, что-то расплавилось.

— Ну, тебе придётся сдержать своё любопытство, потому что нам ещё нужно нарядить ёлку, написать письма Санте и поесть печенье, прежде чем ты сможешь открыть свои подарки.

— Написать письма Санте? — спросила я, широко улыбаясь.

— Ага. Посмотрим, попала ли ты в список послушных девочек.

Я поборола желание съязвить что-нибудь о его шаловливом поведении, но вместо этого сказала притихшим голосом:

— Я ничего не приготовила для...

Он посмотрел на меня, брови Сойера сошлись вместе.

— Это всё не для меня, — объявил он, затем перевёл взгляд обратно на еду. Мы ели до тех пор, пока, клянусь, в меня уже больше ничего не лезло. А затем он принёс мне тыквенный пирог и, ну, вы никогда не откажетесь от тыквенного пирога, неважно насколько вы сыты.

— Ладно, вот держи. Переоденься в это, а я сделаю горячий шоколад, — заявил он, протягивая мне пакет.

Я скептически посмотрела на это.

— Там же не какое-нибудь прозрачное рождественское женское бельё?

— Я подумывал об этом, — сказал он с озорным огоньком в глазах.

Я взяла пакет и направилась в ванную. Когда я открыла его, то не нашла белья. О, нет!

Я нашла слитную пижаму с принтом в виде леденцов. Да, слитную! С длинными рукавами и штанами. Я посмеялась некоторое время, посмотрев вверх в зеркало и увидев на своём лице кое-что, что не видела там с тех пор, как выяснила, что Майкл был изменяющим ублюдком.

Счастье.

Я выглядела чертовски счастливой.

И за это мне нужно поблагодарить Сойера.

Так что я сняла свою одежду и залезла в эту пижаму, застёгивая спереди молнию, и повертелась, чтобы убедиться, что тут нет никаких дурацких кнопок на заднице или что-то в этом роде. Не обнаружив ничего такого, я направилась обратно, обнаружив Сойера, ожидающего меня в гостиной. Две чашки горячего шоколада, от которых шел пар, стояли на столике, ручки, бумага и конверты располагались у каждой чашки.

— Иди сюда, расскажи Санте, что ты хочешь на Рождество, — объявил он и, хотя я чувствовала себя довольно-таки глупо от одной только мысли писать письмо Санте, я подошла, улыбаясь, когда услышала играющую рождественскую музыку.

Я села на полу, скрестив ноги, и долго смотрела на бумагу, понимая, что есть только одна вещь, которую я бы хотела. Так что, зная, что это будет в конверте, я подошла и написала это: «Сойер».

Больше никакого отрицания, никакого притворства, что он был просто опорой, или что это некий вид посттравматического притяжения к первому человеку, который был мил со мной.

Это не было всем этим!

Он нравится мне. Он нравится мне настолько, что это, возможно, не так уж и хорошо, потому что я знаю, он не из желающих остепениться парней. Я обнаружила, что всё, что поначалу было сложно принять, — прямота, резкость, периодическая грубость и холодность стали в какой-то степени тем, что я больше всего ценю в нём. Он говорит то, что чувствует. Он ничего не приукрашивает. Он даже не задумывался о чем-то вроде того, чтобы изменить своё мнение, лишь бы не обидеть меня. И он всегда оставался рассудительным. Это замечательные качества. Сильные и самоуверенные черты.

Но сверх этого, я так же познала, что есть и другие черты. Он был наблюдательным.

Хорошим слушателем. Ему было не наплевать на людей, даже на тех, с которыми, казалось, у него были непростые отношения, к примеру, как с его братом.

И эта ночь подтвердила, он настолько тщательно всё продумал, что заткнёт за пояс всякого мужчину, которого я знаю или о ком слышала. Кто ещё бы додумался дать вам воспоминания о потерянном годе? Кто смог бы продумать каждую мельчайшую деталь от парада до горячего шоколада?

Он просто чертовски хорош.

И я хочу его. И не просто в сексуальном плане, хотя это определенно было частью этого желания. Я хочу его, потому что он был просто потрясающий.

— Ладно, запечатавай, — потребовал он, и я так и сделала, наклеив долбаный адресный ярлык на Северный Полюс и всё прочее. — Так... — объявил он, когда я взяла свой горячий шоколад, улыбнувшись, потому что в нём были маленькие зефирки и взбитые сливки, Сойер поднялся на ноги. — Что тебе нравится, белые или разноцветные огоньки?

— Эмм, все кто не использует цветные огоньки на своих Рождественских ёлках, просто высасывает весь дух из праздника.

— Хорошо, — сказал он, потянувшись к каким-то коробочкам, — тогда какое мигание нравится?

— Непрерывное, мигающее. Мне нравится мелькание, но только не такое, которое вызывает эпилептический удар.

— Окей, это можно устроить. Думаю, вся эта работа с огоньками исключительно для мужчин, верно? Затем женщины занимаются украшением.

— Звучит как план, — согласилась я, откидываясь назад и наблюдая, как он соединил огни вместе и развесил их по ёлке, придерживаясь пустых мест, пока всё дерево не было отлично освещено, некоторые огоньки мигали, но главным образом большинство непрерывно горели, таким образом, это было успокаивающе и не вызвало беспокойства.

— Порядок, теперь твоя очередь, детка, — заявил он, поднимая свой горячий шоколад и откидываясь на спинку дивана, чтобы понаблюдать, как я украшаю.

Его телефон выскользнул из кармана и, когда я прикрепила первое украшение, маленький веночек с датой прошлого года на нём, я услышала щелчок его камеры. На протяжении всего процесса украшения я периодически слышала срабатывание камеры.

— Чем твоя семья обычно занималась на Рождество? — спросил он, когда я улыбнулась маленькому украшению Макса из «Гринч похититель Рождества».

— В Сочельник мы ходили в приют для животных, чтобы накормить их, и клали подарки под ёлку в церкви, для малоимущих. Затем, потому что я бывала слишком возбуждена, чтобы спать, из-за прихода Санты, они отводили меня посмотреть на Рождественские огоньки, до тех пор, пока я не вырубалась. Потом я просыпалась Рождественским утром, находила родителей забравшимися на диван, пьющих кофе и ожидающих меня. Затем мы все открывали подарки. После этого моя мама начинала готовить праздничный ужин, который мы все съедали. Мы брали Рождественские фильмы и смотрели до тех пор, пока все не вырубались.

— Какие фильмы вы обычно смотрели?

— Только лучшие, — сказала я, улыбаясь от воспоминаний, пока продолжала наряжать ёлку. — «Белое Рождество», «Санта Клаус», «Рождественские каникулы»...

— «Рождественская История»?

— Нет. Её крутят все 24 часа в Сочельник. Поэтому к Рождеству нам уже дурно от неё

становилось.

— Ты до сих пор придерживаешься этих традиций? — спросил он, очень внимательно слушая.

— В большей степени, да. Но я больше не смотрю тех фильмов. Я обнаружила, что это немного болезненно.

— Тогда что ты смотришь теперь?

— Те, что не смотрела: «Рождество с Кренками», «Эльф», «Реальная любовь», «Буду дома к Рождеству», «Пока ты спал», «Привет Семье»...

На мгновение он позволил мне потеряться в своих воспоминаниях.

— Отлично выглядит, детка, — сказал он, и я почувствовала, как внутри всё всколыхнулось. Это ощущалось таким правильным, что он повесил гирлянду и болтал со мной, пока я развешивала шары. — Так, к какому типу относишься ты, предпочитаешь ангела или звезду?

— Только звёзды, — сказала я утвердительно. У меня до сих пор осталась одна с родительской ёлки. Она сломалась и не работала уже годы, но я всё равно украшала её верхушку ёлки каждый декабрь.

— Ладно, — сказал он, поднявшись и порывшись в коробке, затем вытащив оттуда звезду для меня. Я соединила её с гирляндой, и она загорелась полудюжиной цветов, а я поднялась на носочки, стараясь установить её наверх. — Вот, — проговорил он после моей третьей попытки, чуть ли не опрокинув ёлку в процессе. Соьер встал позади меня, руки обхватили меня за живот и удержали, когда он забрал звезду и расположил её на ёлке. — Идеально, — сказал он после установки.

Я вытянула шею, отчего мой затылок оказался на его плече. Он был прав. Идеально.

Он наклонил голову и слегка повернул её, поцеловав мою шею, отчего по моему телу пробежали мурашки.

— Подарки, детка, — пробормотал он тяжелым голосом, соответствующим моменту.

— Хорошо, — согласилась я, собираясь отойти, но его рука крепче сжала меня, он снова поднял другую руку, но уже с телефоном, не со звездой. И я увидела наши лица на экране. Буквально идеальная картинка. Он нажал на снимок, экран замер на секунду. А затем он отпустил меня и отошел. Мне пришлось сдерживать вырывающееся хныканье, когда я последовала за ним, чтобы сесть на пол перед ёлкой.

— Открывай, — потребовал он, и я почувствовала прорывающуюся неловкость, когда потянулась за ближайшей коробкой. Тонкая, прямоугольная, про которую годы детских исследований подсказали мне, что там абсолютно точно некоторая форма одежды.

На секунду я засмотрелась на обёртку, крупные пушистые колпаки Санты. Ни один из подарков не был похож на другой, у каждого подарка либо яркая и современная с рисунками упаковка, либо классическая, в винтажном стиле бумага.

— Должно быть, это займет весь гребаный день, если открывать подарки, как в детстве, — саркастично заметил он, и я начала срывать обёртку, когда услышала щелчок камеры.

Я сняла крышку и сдвинула ярко-красную тканевую бумагу в сторону. И там был потрясающий шелковый лоскутный халат. Я тут же вытащила его, удерживая с улыбкой. Красивый. Он потрясающий. Снова раздался щелчок и я замотала головой.

— Он великолепен.

— Подумал, он соответствует твоему экзотическому виду.

— Ты сам его выбирал? — спросила я, убирая обратно в коробку.

— Звучит удивленно. Я выбирал всё, Рия.

Я не могла решить, нравится мне этот факт или нет. Было бы проще принять подарки, если, скажем, их выбирала Мардж. Или, чёрт побери, даже Брок, Барретт или Тиг. Но Соьер выделил время в своём и так загруженном графике, чтобы выбрать подарки для меня. Это на самом деле что-то да значит.

И я не была уверена, могла ли справиться с тем, что он значил для меня больше, чем уже есть. Особенно, когда мы не знали друг друга так долго.

— Давай же. У нас остались и другие праздники. Ты сможешь поразмышлять о моём изумительном вкусе позже.

Я посмеялась над этим и потянулась к следующей коробке, поменьше, с винтажным рисунком сосен. Развернув её, я обнаружила большую, тяжелую, голубую с бежевым керамическую кружку. И, вновь, я старалась не заикливаться на этом. Но он приобрёл для меня кружку. Чтобы поставить в свой шкафчик. В другой коробке был комплект дорогой соли для ванн. В ещё одной имелся набор для смешивания девчачьих коктейлей. Потом в огромной коробке я нашла холст с масляной живописью, воссоздавший моё старое семейное фото, меня и моих родителей, сидящих перед нашей Рождественской ёлкой. Мне, наверное, было лет двенадцать в то время, и я как раз проходила через неловкую фазу роста волос, а так же у меня были густые брови. Но я прямо-таки сияла.

— Как ты... — проговорила я, мотая головой.

— Барретт наткнулся на фотографию, когда взламывал твой аккаунт на «Фейсбуке». Я подумал, она отлично подойдет к этому моменту.

В этот раз, когда появились слёзы, я не стала их сдерживать. И когда желание побудило подползти к нему и обнять, я так и сделала.

И не было никакого замешательства, когда его руки обернулись вокруг меня. И когда слёзы счастья и печали заскользили вниз по его шее, его руки погладили вверх и вниз по моей спине, запутавшись в моих волосах. Я получила множество подарков за свою жизнь. Хотя изрядное количество тех подарков было от бойфрендов, но ни один подарок не был когда-либо столь же обдуманым как тот, что подарил мне Соьер.

— Ладно, детка, — сказал он, немного сильнее сжав. — Остался последний, — сказал он, передвинувшись, поскольку, как я понимаю, он схватил подарок. Я вытерла глаза и слегка откинулась назад, но оставила ноги возле его бёдер, внешняя сторона моих бёдер напротив внутренней стороны его. Он так же не стал отодвигаться, кладя маленькую ювелирную коробочку в мои руки. Мои брови сошлись вместе, когда я посмотрела вниз, понимая, что украшение — слишком личный подарок. Мужчины не дарят украшения подругам.

Но он наблюдал за мной, поэтому у меня не было времени обдумать эту мысль. Я сняла крышку и нашла там подвеску. Она была на изящной серебряной цепочке, очень простая, очень в стиле Соьера, украшение двух перекрещенных кругов. Один был больше и был серебряным; другой был меньше и сделан из золота. И в нём был смысл, который, я не была уверена, что он понимал, но я была чертовски уверена, что понимала.

Это была подвеска символизирующая отношения.

— Она красивая, — сказала я, это и имея в виду, зная, что это тут же станет моим любимым украшением. В действительности, появилось сильное желание взять её и надеть, так что я так и поступила. — Как смотрится? — спросила я, подняв подбородок вверх и в сторону так, чтобы он мог посмотреть. Но его глаза смотрели в мои, а пальцы схватили мой

подбородок и повернули обратно.

— Красиво, — сказал он, и в животе у меня всё перевернулось. Он смотрел долгие секунды, прежде чем опустить руку. — Далее, Новый Год, — заявил он, внезапно уходя и направляясь к шампанскому. — У тебя есть какие-нибудь решения, над которыми ты раздумывала, прежде чем всё случится?

Я фыркнула, когда он вынул пробку с шампанского и наполнил оба бокала.

— Больше не встречаться с придурками, — предложила я, смеясь.

— Должно быть, это ежегодное решение каждой женщины. Хотя в последнее время, похоже, что придурки и козлы превышают численностью достойных парней.

Я взяла бокал и подняла его для тоста.

— Я знаю нескольких, — предложила я. Его улыбка смягчилась, когда он отсалютовал мне в ответ и сделал глоток.

— Далее... День Рождения.

— Правда, здесь слишком много подарков, — указала я, мотая головой.

— Ш-ш, — произнёс он, подойдя к столу с украшениями ко Дню Рождения и указывая на грудку подарков. Так что потом я открыла подарки ко Дню Рождения.

Я обнаружила два новых платья, только немного более облегающие, чем я обычно покупаю для себя. Там же была пара туфель. И еще были билеты на комедийное шоу, в кинотеатр и местный спа-салон.

— Время выбраться и начинать снова делать всякую чушь, Рия. Снова наслаждаться жизнью.

Я кивнула, признавая правду.

— Это, правда, мило с твоей стороны, Соьер. Спасибо тебе огр...

— Мы не закончили, детка, — сказал он, и я взглянула назад на стол, чтобы посмотреть, не упустила ли я что-нибудь.

— Я не вижу...

— Ну, ты так же пропустила Пасху, 4 июля и еще пару дурацких праздников, но есть ещё один большой праздник, который ты забыла и который ты, вероятно, не собиралась праздновать, раз уж твой бывший оказался козлом и ты, наверное, застряла в режиме «к черту мужиков». Но ты пропустила это, и я также его восполню.

Верно.

— Розы, — сказала я, посмотрев назад в коридор.

— Розы, — согласился он, слегка кивнув.

— Розы — это немного...

— Чересчур? — предложил он. — Ага, — согласился Соьер, не похоже, что он хоть немного смутился этим фактом.

— Я никогда не подозревала, что ты любитель таких банальностей.

— Я никогда не встречал никого настолько циничного как ты, кто бы принял что-то традиционно романтическое за банальность.

Чёрт, да.

Он подловил меня в этом.

Я никогда не была такой девушкой. До Майкла, я таяла, если приходила домой после паршивого дня и находила одиночную розу на подушке или коробку шоколадных конфет. Я была размазней во всех смыслах. Я плакала на свадьбах, и у меня появлялись бабочки в животе при просмотре романтических комедий.

— Ладно, хорошо. Это мило, — я двинулась, улыбнувшись ему. — Но если я последую за этими лепестками и обнаружу ужасно-откровенное нижнее белье, я буду чертовски разочарована.

— Правда? — спросил он, следуя за мной, пока я шла по дорожке из лепестков. — Тогда мне, вероятно, не следовало покупать тебе различные дилдо и вибраторы, да? — спросил он, отчего я захихикала, когда обнаружила, что след из роз прекратился перед закрытой дверью в мою комнату. В двери был зажат маленький красный конверт, и я потянулась за ним с улыбкой, поскольку Сойер наблюдал за мной.

Внутри я нашла карточку с изображением бутылки «Sunny D» и надписью с обратной стороны «ты хочешь D». Смех удивления обернулся приступом смеха, и я услышала щелчок камеры, тогда я знала, что картинка, где я так сильно смеюсь, должна быть удалена, как только мы закончим.

— Ну, это закончилось на хорошей ноте, — сказала я, мотая головой.

— Ты еще не закончила, — сказал он, кивнув на дверь.

— Сойер, это уже слишком.

— Входи, — приказал он.

С этими словами я зашла внутрь и обнаружила, что на моей кровати расположилась огромная корзина. Я направилась вперед, улыбаясь ему через плечо. Корзина была вызывающе красного и розового цветов и выглядела в основном так, словно любовь вырвало на всё это сверху. Но мне понравилась каждая частичка этого: букет лилий (потому что я не была фанатом роз, кое-кто из них откопал эту информацию обо мне), огромная коробка шоколадных конфет, клубники в шоколаде с красным и розовым дождиком леденцов с изображением купидона на них, гора банальных романтических комедий и красный пушистый мишка Теди.

— Ты сделал это? — спросила я, хватая мишку и прижимая его к груди.

— Ага.

— И ты не советовался с Мардж или с кем-то ещё?

— Советовался ли я с женщиной, чей муж скупает ей целый магазин шоколадок каждый день Святого Валентина на протяжении последних 15 лет, и которая считает, что это самая романтическая вещь в мире? Нет, детка. Я ни с кем не советовался.

— На самом деле ты сентиментальный, — поддразнила я. — Признайся, — сказала я, потянувшись к диску «Вам Письмо»<sup>[22]</sup> и махнув им на него, — ты купил его, потому что на самом деле сам хотел посмотреть.

— Подловила, — сказал он с улыбкой. Я положила кино обратно в корзину, веселье по большому счету ушло, и я ощутила немного печали от того, что ночь закончилась. — Пригласи меня на просмотр фильма с тобой, Рия, — сказал он приглушенным голосом. Я оглянулась и обнаружила, что он наблюдает за мной, голова наклонена в сторону.

— Хочешь посмотреть со мной, как Мэг Райан и Том Хэнкс каким-то непостижимым образом влюбляются без какой-либо сексуальной химии? — спросила я, снова доставая диск и вручая ему. Пока он загружал его в проигрыватель, я убрала корзину с кровати на пол, но перед этим выудила оттуда шоколадки. И, ну, так же сохранила у себя мишку Тедди, когда забралась в кровать и уселась напротив у изголовья. Сойер загрузил DVD, схватил пульт, скинул свою обувь и направился к пустующей стороне кровати. Его большое тело заняло больше половины кровати, его плечо прижималось к моему, наши тела соприкасались от плеч и до лодыжек. Он выбрал главное меню и нажал «проиграть», затем потянулся туда, где

коробка шоколадных конфет лежала на моих коленях, и взял ту противную с фруктовой начинкой, чтобы съесть. Майкл и я обычно сражались за те, что с нугой или с карамелью. Я вспомнила, когда спросила маму, как она узнала, что отец — тот самый, единственный, она сказала, что это произошло, когда она поняла, что ему нравятся огурцы, в то время как она ненавидела их. Так что, когда она получала овощной салат на ужин, он забирал у неё «противные» огурцы.

Очевидно, она не была серьёзна, но в этом имелся смысл. Она знала, что поймет это, когда найдёт кого-то, кто сделает всю картину полной, кого-то, кто будет сильным там, где она слабой, у кого был бы недостаток там, где она превосходна. Поэтому я старалась так сильно, как могла, не искать много скрытого смысла, но всё же я делала это.

— Помнишь когда «Америка он-лайн»<sup>[23]</sup> была популярна? — спросил он, мотнув головой на ТВ.

— Хорошие старые деньки, — кивнув, согласилась я, вспоминая, как мама умоляла меня выйти из сети, чтобы она могла воспользоваться телефоном. — Хотя, — добавила я, легонько подтолкнув его, — сегодня так же был по-настоящему хороший день.

— Да? — спросил он, его руки двинулись и обвили вокруг моих плеч.

И, да, я растаяла прямо в его руках, голова опустилась к нему на грудь, моя рука разместилась на его животе.

— Да.

— Хорошо. Так и было задумано. Тебе нужен хороший день.

— Беру свои слова обратно, — сказала я, глубоко вздохнув, вдыхая его еле ощутимый пряный аромат. — Это не было хорошим днём.

— Нет? — спросил он, его пальцы проследовали вверх по моей руке.

— Нет, — согласилась я, кивнув. — У меня был отличный день. Спасибо тебе, Соьер. — сказала я, слегка сжав его. А затем, хорошие чувства так сильно нахлынули на меня, что мне показалось, что я могу взорваться. Я запрокинула голову вверх, чтобы взглянуть на него. Он наклонил голову вниз. И мы встретились взглядами.

— Я знаю, как сделать его ещё лучше, — высказалась я, слова вылетели до того, как я успела их обдумать.

— Неужели? — спросил он, рука двинулась по моему плечу и остановилась на шее, его большой палец поглаживал мою щеку. — Почему бы тебе не показать мне? — предложил он.

Я улыбнулась, подтянулась вверх и устроила свои ноги по обеим сторонам от него, обхватывая его лицо руками.

А затем показала ему.

# Глава 15

## Рия — 6/7 день

— Рия, — произнёс он, в голосе слышалось предупреждение, а его руки обосновались на моих бёдрах.

— Плохая идея, — сказала я, слегка кивнув. — Знаю. Мне всё равно, — добавила я, когда наклонила своё лицо к его.

Мои губы поймали у его рта небольшой вздох, понимая, что это было тем самым. Я собиралась получить то, что хотела ещё с первой нашей встречи, когда познакомилась с ним. Я не собираюсь бороться с этим. Я не собираюсь раздумывать над этим. Я просто собираюсь испытать это. Подумать можно будет и после. Он позволил мне установить темп и давление, в течение долгих нескольких минут, давая мне неспешность и позволяя исследовать его так, как мне хотелось, когда всё, даже фильм, звучащий громко в этой комнате, казалось бы, унеслось далеко прочь. Его руки обхватили меня за спину, когда он сел прямо. Мои руки упали с его лица, обернувшись вокруг плеч, как только он взял верх, создавая больше давления, его зубы впились в мою нижнюю губу довольно сильно, отчего я захныкала. Он едва держался за свой контроль. Мне нравится это. Мне нравится знать, что кто-то настолько всё контролирующей, как он, терял этот контроль со мной, из-за меня. Потом он отклонил меня немного назад, его рука поспешила к моему затылку, удерживая меня на месте, поскольку его губы требовали мои сильнее, чуть ли не до кровоподтёков. Я застонала и прижалась грудью к его груди, усаживаясь бёдрами ему на колени, ощущая, что он уже твёрд. Его зубы вновь прикусили мою нижнюю губу, сильнее, заставляя мои губы приоткрыться, я задыхаюсь от удивления. Он воспользовался возможностью и языком проник внутрь, чтобы заявить свои права на меня. Это было в точности так, как я ощущала этот момент — он заявлял права. И я обожаю каждую секунду этого. Он наклонил меня назад, отчего моя спина коснулась матраса, мой вес оказался полностью на лодыжках. Самая настоящая позиция йоги, которую я бы никогда не смогла повторить в обычных обстоятельствах. Но всё моё тело может думать только о том, чтобы быть удовлетворенным. Больше. Всем.

Сойер старался удерживать свой вес не на мне, когда его губы поглощали мои. Его рука скользнула между нами, схватив язычок молнии на моей пижаме, и потянула его к низу живота. Его рука, слегка касаясь, поднялась вверх по моему животу, рёбрам, затем обхватила грудь, сильно сжимая её. Моя спина выгнулась ещё больше, прося о большем.

Его губы оторвались от моих, проследовали ниже по шее и прижались в месте, где чувствуется пульс, в то время как его рука скользнула вверх под чашечку моего бюстгалтера, где большим и указательным пальцем он схватил мой сосок и покрутил его. Я повернула голову в сторону, давая ему больший доступ. Но он хотел не этого. Он двинулся ниже. Его рука стянула мой бюстгалтер ниже и его губы накрыли мой сосок, сильно всасывая, заставляя всё моё тело вздрогнуть от неожиданной волны желания.

— О, мой Бог, — застонала я, моя рука заскользила в волосы Сойера, удерживая его у меня.

Он всосал сильнее, прежде чем отпустить мою затвердевшую горошинку, сделал вдох, отчего холодный воздух накрыл мой влажный сосок. Он высунул язык и продолжил мучения, пока мои трусики не промокли, а киска сжалась так сильно, что было на самом деле

болезненно. Пульсирующая, ужасающая вещь, требующая внимания, требующая удовлетворения. Его голова переместилась и занялась другим соском, заставляя меня извиваться, и быть нетерпеливой.

— Сойер, мне нужно ... — начала я, всасывая воздух, поскольку его зубы сильно прикусили мой сосок.

— Ш -ш -щ, — произнёс он, язык проследовал по чувствительной горошинке. — Я знаю, как касаться тебя, детка, — сказал он и от его слов мой живот восхитительно задрожал.

Его губы поцелуями пересекли чувствительную часть моей груди, затем в центре, прокладывая путь вниз моего живота. Одна из его рук скользнула под моё колено, потянув, пока оно не было освобождено от моего веса. Он сделал тоже самое с другим, после чего я легла на матрас. Его зубы прикусили язычок молнии и потянули его вниз туда, где она заканчивается, прямо по центру моих трусиков. Я даже не понимала намерений Сойера, до того, как ощутила его рот на моих трусиках. Его язык сдвинул их в сторону, чтобы скользнуть между губами и заклеить мой клитор, двигаясь быстро и жестко по кругу, пока мои руки не сжались в его волосах, а мои бёдра приподнялись, чтобы встретить его рот. Я почувствовала признаки напряжённости, всё моё тело напряглось, ожидая освобождения. Но его рот оставил меня прямо в тот самый момент, чтобы предотвратить мой оргазм. Он расположился подбородком у меня на животе и улыбнулся мне, когда из меня вырвалось громкое ворчание.

— Нет, пока ты не закричишь, — проинформировал он меня, двигаясь вверх приподнимая меня за талию. Он потянулся вниз, стягивая ткань с моих плеч, и я немного перевернулась на бок, чтобы освободить руку, затем другую, скинул мой бюстгальтер, оставляя меня обнаженной до бёдер, соски затвердели. Взгляд Сойера оставался на моём лице, веки отяжелели. — Ты чертовски красива, — пробормотал он, и моё сердце словно увеличилось в моей груди. — В ту же секунду, как я тебя увидел, понял, что мог бы прожить тысячу лет и не найти женщины хоть наполовину такой же прекрасной, как ты.

— Сойер, — сказала я, слегка качая головой, чувствуя себя неудобно.

— Нет уж, — проговорил он, наклоняясь и целуя ложбинку между грудями. — Ты будешь слушать. Мне плевать, что твои щёки покраснеют, в животе будет ощущаться странно, и ты захочешь спрятать своё лицо и никогда не взглянуть на меня снова. Ты выслушаешь, — сообщил он, его язык проследовал вверх по моей шее, затем по ушной раковине. Следующие слова были тёплым дыханием на моем ухе, отчего я задрожала. — Я хотел тебя прямо тогда и там. Хотел больше, чем любую другую женщину за долгое время. Потребовался каждый кусочек моей силы воли, детка, а её у меня до хрена, чтобы удержать свой член от стояка, как у озабоченного подростка, поскольку я думал о том, чтобы нагнуть тебя над моим столом и взять тебя сзади.

— Прошу...

— М -м -м, — пробормотал он, прикусывая мочку моего уха. — Будет ещё много времени для того, чтобы просить, но прямо сейчас говорю я, — сообщил он, голосом немного глубже, прерывистой, чем обычно. — Твои глаза — самые сексуальные глаза, которые я когда-либо видел, — сказал он мне, его губы прижались к краешку моего глаза рядом с виском. — А эти губы так и просят, чтобы их целовали и кусали и чтобы они скользнули вокруг моего члена, — он переместился и пробежался языком по моей нижней губе. — Эти волосы, которые позже я обовью вокруг своего кулака, — его пальцы нежно

заправили прядь за моё ухо. — Эти сиськи, — продолжил он, потершись своей щетиной по одной из них, заставляя мой сосок снова затвердеть, вызывая ещё один прилив влаги встретится с моими трусиками. — Не слишком маленькие, не слишком большие, просто чертовски правильные. И такие чувствительные, — сказал он мне, кружа языком по моему соску, когда мое дыхание с шипением покинуло меня. — Видишь?

Он оттолкнулся вверх и снова оказался на лодыжках, схватил мою пижаму и потянул, заставляя меня приподнять мои бёдра так, чтобы он мог стянуть материал по ногам. Он скинул пижаму на пол и прикусил сбоку мою лодыжку, прежде чем развести мои ноги шире и прижать вниз на матрасе.

— Эти ноги. Длятся вечность, — размышлял он, наблюдая, как его пальцы двинулись вверх по внутренней стороне бедра, заставляя мои ноги инстинктивно дёрнуться, вжимаясь в матрас. — Затем, — сказал он, злобно улыбаясь, поскольку внезапно потянулся вниз и перевернул меня на живот, — эта задница.

Его пальцы, слегка касаясь, проследовали по моему позвоночнику прямо на ягодицы. Потом он оказался надо мной сзади, его бёдра прижались к моей заднице, отчего его твёрдый член достал меня в том месте, где я больше всего нуждалась.

— Прошу, — снова потребовала я, мои руки сжались на покрывале на кровати, моя задница бесстыдно ёрзала напротив его бёдер. Он вынуждал меня, потерявшись своим твёрдым членом, заставляя меня издать громкий стон.

— Еще рано, — сказал он мне. — Ты только усложняешь всё для себя, — добавил он, но мне было всё равно. Я была слишком далека от того, чтобы думать о чём-то, кроме того, как сильно мне нужно кончить, почувствовать, как он достигает моего клитора в тот самый идеальный момент или скользит внутрь меня. Мне нужно это так же, как нужен мой следующий вдох. Чёрт, может быть даже и больше. Он подтолкнул свой член ко мне вновь, в этот раз, шевеля из стороны в сторону, когда мой голос подскочил.

— О, мой ...

— Не-а, — сказал он, убрав его.

Сойер усмехнулся, когда я захныкала, падая обратно, чувствуя себя побеждённой. Затем его язык скользнул вниз по моему позвоночнику: от задней стороны шеи до пояса моих трусиков. Я ощутила его зубы, когда он прикусил ткань по центру трусиков и начал стягивать их вниз. Я слегка приподнялась на коленях так, чтобы он смог стянуть их с моей попы и бедер, пока он не снял их с моих ног. В течение долгой секунды ничего не происходило. Затем последовало движение на постели, и я ощутила, как его зубы сильно кусают меня за левую ягодицу. Но у меня даже не было шанса осознать тот жалящий укус, прежде чем я почувствовала его руки, сжимающие мои бёдра, и его язык, скользкий вниз по моей щели к клитору, сильно всасывая его к себе в рот. Шокированный писк сорвался с моих губ, когда внутренняя часть бедер слегка задрожала. Я засунула руку под себя и попыталась перевернуться, желая лежать на спине, чтобы смотреть на него сверху вниз. Он приподнял мои бёдра, когда я сделала это, закидывая их к себе на плечи, со всеми этими движениями его рот так и не оторвался от моего клитора. Как только я расположилась, моя рука отправилась к нему в волосы, бёдра приподнялись навстречу к нему, его зубы легонько прикусили чувствительный бутон, жаля достаточно сильно, чтобы мои ноги дёрнулись, а рука хлопнула прямо ему по голове. Но его губы прижались там с поцелуем, и сладость этого заставила меня быстро взволнованно выдохнуть, когда его язык спустился в моё лоно. Затем он скрутил язык и скользнул им внутрь меня. Его глаза открылись в этой позиции, наблюдая

за мной, когда его язык начал двигаться —входить и выходить из меня, подражая трению, которое мне действительно нужно.

Его рука двинулась вверх, большой палец надавил на мой клитор, пока он продолжал трахать меня своим ртом, и я была чертовски уверена, что начала забываться от нужды. Мои стёночки начали напрягаться вокруг его языка , и я растворилась в этом удовольствии, как я и подозревала, что так поведу себя.

— Я и предположить не мог, что твоя киска будет такой сладкой, — проговорил он, прижимаясь губами ко мне, его язык тут же скользнул внутрь, чтобы поделиться вкусом со мной. Но только на короткую минуту, прежде чем он снова сел на свои лодыжки и наконец-то потянулся за своей футболкой, стягивая её без всяких церемоний. Мои глаза двинулись по нему, охватывая каждую линию, каждое сокращение мышц груди и брюшного пресса, рассматривая, возможно слишком долго, мышцы по бокам его бёдер, которые наполовину исчезали в его джинсах. Словно почувствовав ход моих мыслей, его руки оказались на пуговице и расстегнули молнию на них , оставляя великолепный V-образный вырез в течение минуты, прежде чем он захватил ткань джинсов на бёдрах и сдёрнул их вниз, оставляя себя в обтягивающих черных коротких боксерах, его твердый член напрягся под материалом. С ними он так же не терял времени , подхватив за резинку и стянув их вниз, пока его член не предстал передо мной в своём полном величественном виде.

Есть два типа женщин: одни те, кто считают, что член — это отвратительно, и другие, которые считают, что когда ты действительно хочешь кого-то, это самая впечатляющая вещь в мире.

И ну, я действительно хотела Сойера. Его член был длинным и толстым, головка идеально плавная, только немного розовее, чем остальной ствол. Маленькая капелька смазки собралась там бисеринкой , и я ужасно хотела попробовать его на вкус. Мои руки потянулись и схватили его за бёдра, притягивая его. Он поднял брови, в глазах появился жар.

— Вот так? — спросил он, звуча удивлённо.

— Вот так, — согласилась я, никогда не используя голову в такой позиции. Хотя, судя по порно, что я видела, это определенно была любимая позиция всех мужчин — трахнуть женский рот. Я даже не думала об этом, как о грязном или новом, или как о чём бы то ни было. Всё, о чем я думала, — то, что хочу его в свой рот, я хотела, чтобы он снова потерял свой контроль.

Его тело приподнялось , и бёдра накренились, член прижался к моим губам , и я открыла их для него, облизывая головку, пробуя его семя со стоном, когда он скользнул внутрь.

Раньше я всегда контролировала всё, что касалось головы. В сегда задавала темп, глубину и движения.

Каким-то образом член Сойера скользнул глубже, заставив меня поперхнуться, потом остановился, пока мои рефлексy не расслабились, и скользнул полностью, пока я не ощутила, как его член прижимается к задней стенке моего горла, каким-то образом я стала ещё более возбужденной, чем это вообще возможно.

Мои руки обхватили его, схватив за задницу , когда его руки расположились на краю кровати , и он стал медленно вытаскивать свой член назад. Только наполовину, затем так же медленно возвращаясь. Я услышала свой стон в ответ, мои бёдра сжались вместе, и , откликнувшись, он издал рычащий звук.

— Бл\*дь, — зашипел он, наконец-то потеряв контроль, поскольку начал входить в мой

рот быстрее, сильнее, его смазка покрыла мой язык и скользнула вниз по горлу. — Бл \*дь, — сказал он снова, потянувшись назад. И я знала, что он вытаскивает свой член совсем, поэтому я сильнее сжала свой рот вокруг него, так что его член оставил мои губы с небольшим хлопком, из-за чего ему пришлось сделать глубокий вдох и выдох, на секунду глядя в потолок, в поисках своего потерянного контроля. К тому времени как его взгляд снова опустился, я поняла, что он нашел его.

— Иисус грёбанный Христос, детка, — сказал он. — Я чуть было не кончил тебе в рот, — сказал он мне, трясая головой.

— Всё в порядке, — сказала я в ответ, слизывая каплю его вкуса с нижней губы.

— Когда-нибудь, да. Я буду, чёрт побери, наслаждаться тем, что кончу тебе в рот, зная, что моя сперма проскользнёт внутрь тебя. Но не этой ночью. Это ночью, ты всё ещё должна мне некоторые мольбы.

— Соьер, пожалуйста, — сказала я, мотая головой.

— Да, как эта. Но более отчаянней, — сказал он с маленькой дьявольской улыбкой, когда он двинулся назад ко мне, его обнаженная грудь прижалась ко мне. И мои предательские соски затвердели, вжимаясь в него, от чего его веки стали тяжелее, когда он наполовину оттолкнулся, перенося весь свой вес так, чтобы освободить свою руку. Он двинулся ей вниз по моему горлу, ключице, груди, ребрам, боку. Это было мило, нежно, любя. В одну минуту он трахал мой рот жестко и грубо, в следующую — трогал меня так, будто поражался каждой мурашке, вызванной им. Возможно так и было. Добавьте это к списку приблизительно тысячи причин, указывающих, что Соьер лучший мужчина, которого я знала.

— О-о-о, — зашипела я, удивившись, когда почувствовала, что его палец скользнул внутрь меня. Я даже не поняла, что Соьер прекратил изучать меня, пока не ощутила его внутри, пока его палец не проник туда полностью и остался там. Наши взгляды встретились, и он наблюдал за мной с близкого расстояния, когда медленно начал двигаться поступательными движениями. Другой палец скользнул внутрь, наблюдалась только небольшая болезненность и дискомфорт, поскольку моё тело не знало никакого рода вторжения более года. Как будто прочувствовав это, его пальцы лениво проталкивались внутрь в течение долгой минуты, прежде чем я ощутила их разводящимися внутри меня, слегка расширяя меня, делая это, чтобы я не зажалась, когда его член наконец-то скользнёт в меня. Его пальцы изогнулись, и он начал тереться ими о верхнюю стенку моего влагалища, попадая по моей точке G с меткостью эксперта.

— СоЙ... — начала я, когда у меня перехватило дыхание.

— М-м-м, — пробормотал он, целуя мой висок. — Почти ...

Мои бёдра прижались ближе друг к другу, поскольку я перевернулась на бок, закинув ногу к нему на бедро, лицом зарылась в его шею, зажмурился глаза, пока я вдыхала его, позволяя стонам свободно срывать с губ. Его пальцы оставались внутри меня, когда он перевернулся на спину, притягивая меня к себе на грудь, затем перешел в положение сидя, потом на колени, удерживая меня крепко, когда двинулся к подголовнику. Он нежно положил меня, его пальцы снова начали двигаться. Я снова начала напрягаться, и он поднял брови.

— Соьер, пожалуйста, — умоляла я с отчаяньем, просачивающимся в каждый слог.

— Вот так то, — сказал он, слегка улыбаясь, когда вытаскил свои пальцы из меня, потянулся к моей тумбочке и вытянул презерватив, который, я и понятия не имела, что

находился там.

Он откинулся назад и надел его, интенсивно наблюдая за мной, когда опустился ниже и разместился между моих ног. Его член прижался к моей щёлочке, и я обернула ноги вокруг Соьера, притягивая его ближе, мои руки двинулись вверх по мужской спине, чтобы разместиться у его плеч, притягивая его грудь к моей. Его бёдра зашевелились, и член придвинулся к входу, прижимаясь, что я закрыла глаза, когда издала удовлетворенный вздох. Я наконец-то получу то, в чём нуждаюсь.

— Открой глаза, Рия, — потребовал он, немного напряжённым голосом. — Я хочу видеть твои глаза, когда я скользну внутрь тебя в первый раз.

Моя киска сжалась, а глаза снова открылись. В ту же секунду его бёдра двинулись вперёд, и его член протолкнулся в меня — одним длинным, плотным движением на всю длину до основания.

— Чертовски идеально, — сказал он едва слышимым голосом.

Но я слышала. И согласилась. Идеально.

Ничто и никогда не ощущалось до этого так идеально.

— Нет, — скомандовал он тихо, когда я почувствовала, что мои глаза снова угрожают закрыться. — Смотри на меня, Рия, — сказал он, сдавая назад и плавно вновь толкаясь вперёд, заставляя мою грудь выгибаться, когда мои ноги прижимали его плотнее. — Я хочу видеть, как ты кончаешь, — сказал он мне, когда его движения стали немножечко быстрее, но не сильными, не грубыми. Это было...

Чёрт, для этого подходил только один термин. Это было занятие любовью. И прошло столько времени, с тех пор как я испытывала это чувство, что ощутила, как слёзы жалют мои глаза, когда киска сжалась, и я почувствовала первую напряжённую, сильную пульсацию.

— Так детка, — сказал он тихо. — Вот так. Отпусти это. Я держу тебя.

И я отпустила, мой взгляд оставался на нём. И я кончила сильнее, чем это было возможно. Всё моё тело стало невероятно напряжённым в течение долгой минуты, прежде чем дрожь прошла сквозь меня, мучительный крик его имени сорвался с моих губ, когда волны накрыли меня. Казалось бы, бесконечный поток удовольствия, который он разжигал во мне, продолжая двигаться, усиливая его. Затем, когда пульсация замедлилась, он зарылся глубже и кончил с моим именем на устах. Его тело опустилось на моё, голова рядом с моей. И как только его тело расслабилось, он переместил лицо и поцелуем прижался к моему виску, куда сбежала одна из слезинок.

Ну вот, опять.

Идеально.

Это было совершенно ужасающе.

И когда немного позже он выскользнул из меня, я нашла момент странным образом метафорическим. Потому что моему телу было больно от потери. Я могла только представлять, насколько сильно будет больно, когда я на самом деле потеряю его.

Он вернулся мгновением позже, наклонив голову в сторону, наблюдая за мной длительное время. Меня не заботило то, что надо было бы прикрыться. Какой смысл? Он уже видел и трогал каждый сантиметр моего тела. Что бы он ни обнаружил, это заставило его потрясти головой с небольшой улыбкой, когда он направился к кровати.

— Не позволяй страху задурманить тебе голову, Рия, — сказал он мне, когда сильно потянул за одеяло, так чтобы оно выскользнуло из-под меня. Мы оба свернулись под ним, и он удивил меня тем, что потянулся ко мне, притягивая меня на свою грудь, его руки плотно

обхватили меня. — Ты закончишь тем, что таким образом пропустишь самое хорошее.

Это были последние слова, произнесенные этой ночью. Он заснул примерно через десять минут, после написания кончиками пальцев на моей спине всякой всячины. Я старалась, как могла, но не смогла разобрать, какие там были слова. Впрочем, я не спала довольно-таки долго. Потому что он был прав, я была напугана. Я была невероятно напугана так, что, это было практически парализующе.

Видите ли, я знала мужчин раньше. Я встречалась с мужчинами достаточно долго для секса, колеблющегося от занятия любовью до траханья, странно граничащего и наоборот. Я думала, что испытала уже всё. Но это было другим. Весь опыт с Сойером был ошеломляющим. Он захватывал всё моё тело, разум, душу, моё всё. Я никогда не чувствовала себя настолько открытой и выставленной на показ, но каким -то образом в то же время защищенной. Я доверила ему позаботиться обо мне даже лёжа обнаженной буквально и метафорически.

И он так и сделал.

Конечно же , сделал , он со всех сторон был удивительным человеком. С тех пор как мы встретились, он не делал ничего кроме как присматривал за мной. Затем он пошел дальше и буквально дал мне лучшую ночь в моей жизни. Даже здесь, на его груди, под его спящей тяжелой рукой, моё тело, столь пресыщенное от секса, что чувствовалось слишком оцепенелым, чтобы двигаться, я снова почувствовала желание плакать. Я зажмурила глаза и, глубоко вздохнув, прогнала слёзы прочь. У меня была лучшая ночь и лучший секс с мужчиной, которого я знаю только неделю. В этом нет смысла. Лучший секс в твоей жизни и лучшая в твоей жизни ночь предположительно должны принадлежать человеку, с которым ты уже долгое время, который был бы любим твоей душе. Но этого невозможно было отрицать, это было лучшим в этих двух категориях для меня. Страх был похож на скрутившуюся гремучую змею в моём животе, готовую наброситься и нанести удар, трясущуюся от самой мысли о страхе быть рядом. Сойер был прав. У меня имелся горький опыт. Горький опыт, который был словно сорняк. Если вы позволите ему расти, он будет сопровождать вас куда угодно на протяжении всего пути.

И если я позволю сорняку обвиться вокруг моих лодыжек и отправить меня лицом к земле , Сойер вновь был прав, я буду всё упускать. Несколько часов спустя, так и не приблизившись ни к одному рациональному решению о том, как я должна себя вести , и как я должна себя чувствовать, я медленно погрузилась в сон с новой и оригинальной для меня мыслью. А новая мысль заключалась в том, что не думать обо всём этом вообще , просто вести себя и чувствовать так, как я делаю это в данный момент.

Знаю. Безумно, не так ли?

# Глава 16

## Рия — 7 дней

Я проснулась одна, место рядом со мной было ещё теплым, и мой мишка Тедди ко дню св. Валентина прислонен к подушке, на которой спал Соьер. Я потянулась за ним с улыбкой, жест милый и в какой-то степени банальный, притянула его к себе и на секунду сжала, прежде чем медленно выбраться из постели. Именно в тот момент я увидела свой новый халатик, который он мне купил, висящий на дверном крючке.

Я даже не пыталась бороться с улыбкой, которую ощутила, когда скользнула в него.

Я сделала быструю остановку в ванной, поспешно почистила зубы, услышав, как Соьер двигается по кухне. Был выходной и мне стало интересно, каково это провести целый день с ним после событий прошлой ночи.

Пройдя на кухню, где он заваривал две кружки кофе, я встала рядом с ним, чтобы забрать свою. Соьер отошёл к холодильнику за сливками и поставил их передо мной, наклонившись и прикусив моё плечо в том месте, откуда соскользнул шёлковый халат.

— Доброе утро, — сказал он полностью проснувшимся голосом.

— Доброе утро, — сказала я в ответ, опустил голову от странного чувства застенчивости, нахлынувшего на меня, что обычно мне совсем не свойственно.

— Он хорошо на тебе смотрится, — сообщил мне Соьер, его рука скользнула по прохладному материалу, прикрывающему мой живот. — И ничего под ним, верно? — спросил он, двинув руку вниз, поглаживая бедро, затем под ткань и вверх, раздвигая края, становясь всё ближе и ближе.

Но затем безошибочный звук того, что кто-то нажимает код на защитной панели, заставил его руки переместиться в более приличную позицию на моих бёдрах.

— Бл\*дь, — сказал он разочарованно.

— Мийо, как прошёл... о-о-о, — сказала Мардж, когда мы оба повернулись к ней. Синхронно, потому что он всё ещё удерживал меня. — Ну, вижу, — сказала она, улыбаясь всезнающей улыбкой.

Было неудобно, хотя Соьер похоже наслаждался собой, улыбаясь за своей чашкой кофе, когда поднёс её к губам, я же решила попробовать сменить тему.

— Мардж, ужин на день Благодарения был восхитительным. У меня не было ничего подобного с тех пор, ну, когда моя мама была ещё жива. Было превосходно.

— О, в любое время если нужна праздничная или домашняя еда, у меня всегда найдётся на это время, Рия, — сказала она, засуетившись и направившись прямо к тарелкам на стойке. И тогда я поняла, что Соьер должно быть выскользнул из постели для того, чтобы прибраться, потому что её не было. Но он ничего не помыл.

— О, нет! — настаивала я, когда она начала заполнять раковину. — Нет, Мардж, пожалуйста. Давайте я помою. Правда, это...

— Не заморачивайся, — сказал Соьер, трясая головой, когда Мардж небрежно махнула рукой в мою сторону. — Она не захочет слышать о твоей помощи. Думаю, это свойственно мамочкам, — сказал он, чокаясь со мной. — Но, по крайней мере, у тебя будет какая-то компания.

— Компания? — спросила я, чувствуя, как моё сердце немного опустилось.

— Мне нужно встретиться с Барретом по поводу видео и с девушкой по имени Алекс по

поводу, м-м , не совсем легального взлома записей отдела транспортных средств, — произнёс Сойер.

— Я этого не слышала. Ни единого слова, — настояла Мардж, напевая, отчего улыбка Сойера стала еще больше.

— Это по поводу моего ...

— Да, детка. Я бы взял тебя, но не хочу вовлекать тебя ни во что незаконное. У тебя и так хватает сумасшедшего дома в жизни.

— Но ты...

— Не попадусь, обещаю. Алекс профессионал и я осторожен. Ты можешь расслабиться и посмотреть немного ТВ или воспользоваться той солью для ванн или объесться оставшейся едой и шоколадом. И не смотри так разочарованно, — сказал он, отводя меня на несколько шагов прочь и опускаясь губами к моему уху так, чтобы я одна могла слышать. — Обещаю затрахать тебя до потери пульса , когда вернусь, — сказал он, немного сжав мою попу. — Но мне нужно немного продвинуться по твоему делу, пока следы не остыли. О, и билеты на комедийное шоу на завтрашний вечер, но сперва мы отправимся в ресторан «Семейный». Вот для чего тебе новое платье и каблуки, — сообщил он, вручая мне свою кружку, поскольку направился к двери, и я вместе с ним, потому что он всё ещё держал меня. — Пойдём, скажешь мне «пока», — подтолкнул он.

Мои брови сошлись вместе.

— М-м-м... пока? — сказала я, мотая головой.

На что он усмехнулся.

— У меня было кое-что большее на уме, — сказал он, хватая меня за бёдра и притягивая к себе. Я широко раскинула руки, чтобы не разбрызгать кофе, поскольку он продолжительно и сильно меня поцеловал, пока пальцы на моих ногах не стали покалывать.

— Ну, — сказала я, когда он оторвался, высокомерно улыбнувшись. — Я бы так не смогла сделать.

— Почему нет? — спросил он, сведя брови.

— У меня руки заняты, — произнесла я с дразнящей улыбкой.

Сойер улыбнулся в ответ, зажимая мой подбородок на секунду большим и указательным пальцами, после чего развернулся и произнёс:

— Увидимся позже, детка.

Потом он ушёл.

А я осталась стоять... под впечатлением.

Поскольку, в то время, когда я лежала и задавалась вопросами этой ночью, я никогда не переставала думать о том, что Сойер действительно мог быть заинтересован во мне. Как что-то большее, чем одна не забываемая ночь.

Но всё в общении с ним указывает в этом направлении.

— Он хороший человек, тот самый, — сказала Мардж, когда я поняла, что всё ещё стою там, уставившись на закрытую дверь.

— Да, — согласилась я, поворачиваясь к ней лицом и идя на кухню. Потому что, ну, так и было. Нет смысла отрицать этот факт.

— Эти мальчики, — сказала она, мотая головой.

— Какие мальчики?

— О, все они. Сойер, Баррет, Брок, Тиг.

Я боролась с желанием рассмеяться от мысли, что группа ужасающих, мускулистых,

пугающих мужчин когда-либо называлась мальчиками. Но выясняется, что для их «матери», это было именно тем, кем они были.

— И что с ними?

— Всегда бегают вокруг, в погоне не за теми вещами. Деньги, власть, достижения в работе, связи на одну ночь. Иногда они не видят дальше своего носа и игнорируют наиболее значимое.

— И что же это? — спросила я, внезапно ощущая себя слишком застенчивой в своём тонком халатике и больше ни в чём.

— Хорошая женщина.

Я улыбнулась этой ностальгической мысли, что хорошая женщина может всё решить чудесным образом, даже если это и было немного ошибочным мнением.

— О, знаю, знаю, — произнесла она, читая мои мысли. — Вы, молодые люди, думаете, что всё у вас есть. И, не пойми меня неправильно, у вас всех есть дома, вы сами платите за себя и оплачиваете свои счета, и у вас есть работа, о которой вы заботитесь. Но достижения — это не жизнь. Люди — вот жизнь. Связь. Влюблённые, супруги, дети. Ты не захочешь умирать, окруженная значками «работник месяца». Ты захочешь умереть, окружённая людьми, которые любят тебя и будут скучать по тебе.

Ладно, когда она это сказала, в этом был смысл.

— Потому что в следующем месяце после твоей смерти, милая, там будет новый работник месяца.

Да, стало почти депрессивно, когда я начала думать об этом.

— Я поняла, о чем вы.

— И я знаю, как женщинам это тяжело. Мы разбиваем наши сердца и их топчут мальчики, носящие мужскую одежду. Трудно сказать, кто лишь наряжается мужчиной, а кто настоящий. Сойер настоящий, Рия.

— Я знаю, — сказала я, кивнув, внезапно обнаружив, что хочу сидеть и слушать Мардж часами. Я скучаю по этому больше, чем могу признаться — по советам мамы. Мне многому пришлось учиться самой довольно долгое время. Я была одной из детей в системе, которые избегали любви, боялась довериться, меня это пугало. Я попала в руки своей приемной мамы со всеми годами потребности, без любви, и я позволила ей заполнить эту пустоту.

Я тогда не понимала, что если освобождаешь пространство для кого-то в своей жизни, то это пространство будет такого же размера, которое останется после них, когда они уйдут. Поэтому наилучшим вариантом было никогда никому не позволять занимать так много места, чтобы стать таким значимым, потому что, если они уйдут, ты никогда не сможешь заполнить эту пустоту снова.

— Это, — сказала она, очертив мыльной рукой пространство в квартире. — Это показывает, какой он хороший человек. Кто ещё додумается возместить пропущенный год? Большинство парней даже не заменяют рулон туалетной бумаги.

Я рассмеялась от этого.

— Давайте я что-нибудь надену и займусь этим беспорядком, — сказала я, махнув на кучу обёрточной бумаги.

— Милая, — произнесла она, мотая головой.

— Нет уж. Ничего не хочу слышать. Я помогу.

Решив этот вопрос, я ушла переодеваться, но оставила на себе цепочку. Позже вернулась обратно в гостиную, схватив пакет для мусора и выкинув всю упаковочную бумагу, в то

время как Мардж закончила с блюдами и поставила их на стойку, чтобы забрать, когда будет уходить. Она вытащила пакеты и сложила их, затем приступила к разбору коробок.

— Они больше не дают их на вынос в магазине, пока ты не попросишь, — объяснила она. — Так что я всегда сохраняю их.

— Моя мама делала так же, — согласилась я, вспоминая те же коробки год за годом.

— Так значит ты и Сойер. Это произошло.

— Ну, полагаю, да? — ответила я полувопросительно, потому что сама ещё не была уверена.

— Это произошло, — повторила она, немного более решительно. — Я знаю этого мальчика с тех пор, как он впервые вернулся со службы в армии. На тот момент я работала в бухгалтерии в его управлении. В ту же секунду, когда он открыл своё дело, он позвал меня.

— И вы просто ушли?

— Его управление знало, как обращаться с деньгами, также ему нравилось управлять ослами. Я терпела это, потому что мне нужны были деньги, но, когда я приняла предложение Сойера и ушла, я никогда не сожалела об этом. Честно говоря, я видела его, видела эту квартиру практически пустой, видела, что у мальчика нет времени ни на что, кроме работы, его брата и друзей. Ему нужна была женщина здесь, чтобы обогреть это место, чтобы согреть его сердце. Я вижу это, — сказала она, жестом показывая вокруг, — и вижу, что он уже оттаивает.

Я тоже огляделась, задумавшись над всеми усилиями, что он приложил, как всё продумал, насколько значима я для него. Я так же задумалась о том, что никогда бы не подумала, что мужчина, которого я впервые встретила в тот первый день в его офисе, был способен на такую чуткость и такую нежность.

— Он тебе нравится.

— Да, — призналась я, не видя причин лгать.

— А ты нравишься ему.

— Кажется так.

— Нравишься. Так почему же ты так напугана?

— Потому что я не знаю, что это значит то, что я нравлюсь ему.

— И никогда не узнаешь, — сказала она, словно по мановению отогнав страх. — Мужчины, ну, иногда они не предсказуемы. Иногда они, как дремучий лес. Иногда они тоже боятся. Тебе просто нужно уделить этому внимание. Они могут не быть лучшими в выражении своих мыслей и желаний.

— На самом деле, думаю, Сойер мог бы переплюнуть меня в выражении своих мыслей, — засмеялась я.

— Да, ну, он видел много темноты, он знает, как коротка может быть жизнь, и поэтому не видит причин тратить время на ложь и приукрашивание вещей. Он говорит то, что имеет в виду, и имеет в виду то, что говорит, и это редкое и удивительное качество для любого, особенно для мужчины.

— Это верно, — согласилась я, кивая. Я встречалась с глупым качком, обманщиком, с мужчиной, который очевидно любил меня, но плохо это показывал, с ещё одним обманщиком. Сама мысль о мужчине, который чётко выражал свои мысли и не позволял всякое дерьмо, была практически смехотворна. И я уже начала думать, что это миф, прямо как драконы и единороги.

— Он ведёт тебя на свидание, — добавила она.

Это правда. Но он не только ведет меня на свидание, но также он распланировал это за несколько дней вперёд. Достаточно для того, чтобы купить билеты, платье, обувь и зарезервировать столик в одном из милейших ресторанов в округе. Это о чём-то да говорит. Если бы он хотел просто переспать со мной, он мог бы запросто сделать это. Я находилась у него дома и очевидно была согласна на это. Чёрт, я была инициатором всего случившегося прошлой ночью.

Таким образом, если сделать так, как сказала мне Мардж и просмотреть его действия, ну, они указывают на то, что он заинтересован во мне не только как в клиенте, и не как в девушке, которую просто уложить в постель.

И это на самом деле всё, что мне нужно знать, верно?

— Также он много работает над твоим делом, — сказала Мардж после долгого затишья, когда мы обе медленно снимали украшения с ёлки и складывали их обратно в коробки. — Это не ново для него на самом деле погружаться в дела. Это как вызов. Ему нравится разбираться с вещами, но это другое. Он вызвал Тига и Брока с их дел и подключил их к твоему. Баррет так же во многом вовлечён, будучи таким же, как его брат, но, возможно, даже более одержимый этим. Возможно, тебе могло показаться, что он просто ходит на работу каждый день и что вроде бы не видно никакого продвижения по твоему делу, но есть много вещей, которые проходят незаметно, скрытых под поверхностью. И я только однажды видела, когда он собирал всех своих людей на дело.

Я точно не думала, что Сойер забыл о моём деле, к слову сказать, но я в какой-то степени полагала, что он просто завален другими оплачиваемыми делами и что, возможно, мой случай в настоящее время был не на первом месте. Я нормально к этому отношусь, я понимаю, что ему нужно жить и оплачивать свои счета, и платить своим людям. Я и мечтать не могла, что он воздержится от других дел ради моего.

— Что значит другое? — спросила я, задаваясь вопросом, может быть, он позвал их потому, что намного более обеспокоен моим делом, чем показывает это передо мной.

— На самом деле это было дело Баррета, — сказала она, заворачивая небольшого оленя и откладывая его. — Он помогал женщине найти её сестру. В процессе, ну, ему надрали задницу. Он пробыл в больнице несколько дней.

— О, мой Бог, — сказала я, замерев, пытаясь представить своего босса в больничной кровати, беспомощного, пока люди обеспокоенно сновали вокруг него. Он, должно быть, ненавидел это. — Кто это сделал?

— Ох, — сказала она, махнув рукой, — некий отморозок из банды. У Сойера, как ты можешь себе представить, крышу снесло. Он всегда беспокоился, что что-то вроде этого может произойти с Барретом, пока он отсутствовал по своим делам. Так что Сойер взялся за дело. А клиент был похищен той самой бандой. Поэтому Сойер вызвал Тига и Брока. О, на самом деле это... та женщина, о которой он упомянул сегодня...

— Алекс, — подсказала я. — Хакер.

— Кажется, она официально называет себя кибер-детективом, но да, она хакер. Её муж и их друг так же были вовлечены, чтобы вытащить её оттуда.

— И они вытащили? — на что Мардж иронично улыбнулась. — Верно, — засмеялась я. — Глупый вопрос. Конечно, они её вытащили.

— Но в твоём деле, не думаю, что это так же опасно. По крайней мере, не для всех, а лишь для тебя. Поэтому он позвал их, на мой взгляд, это просто ещё один способ показать тебе, как много он думает о тебе.

Я улыбнулась этим словам, стараясь не слишком возвышать свои надежды.

После этого разговор перешёл на более нейтральную тему: о её детях, муже, моих родителях, о времени, проведённом в приюте.

К тому времени как она направилась к двери, около часа дня, дом был безупречен.

— Запомни, — сказала она, повернувшись, с тарелками в руках, которые она отказала мне помочь ей отнести. — Познавай, а не додумывай.

С этими словами она ушла, а я осталась одна.

Как известно любой женщине, быть наедине со своими мыслями, когда ты пытаешься разобраться в новой романтической ситуации, нехорошо.

Так что я прогулялась со Слимом, который фыркал на меня всю дорогу, без сомнения, раздраженный тем, что его заставили слишком долго гулять. Ленивая задница. Затем я вернулась домой и сделала всё возможное, что могла на данный момент, чтобы привести свою жизнь в порядок.

Я воспользовалась коктейльными смесями, которые купил мне Сойер, и сделала напиток, взяла «бомбочки» из соли для ванн и наполнила ванну.

Спустя примерно пять минут, после того как я отмокала, я услышала звук открывающейся двери, мой желудок слегка сжался, у меня всегда были параноидальные мысли о том, что я могу быть голой в ванной или в душе, когда кто-нибудь ворвётся. Слим не гавкал, так что это был Сойер.

Я не ожидала, что он просто... откроет дверь ванной и войдёт, его глаза медленно осмотрели меня, каждый сантиметр выставленный из воды.

И когда его взгляд встретился с моим, я могла видеть, что он готов воплотить в жизнь то обещание, что дал мне ранее.

# Глава 17

## Сойер

Последнее, что мне хотелось бы, чёрт побери, делать, — это ехать в офис к моему брату в воскресенье, когда Рия была в моей квартире в шёлковом халатике, который был настолько тонким, что я мог видеть её утренние замёрзшие соски, выпирающие из-под ткани. Потребовалось всё моё самообладание, чтобы не нагнуться и не всосать один в свой рот прямо в той же комнате с Мардж.

Но факт в том, что мне нужно продвижение в её деле. Ключом в итоге стало получение видеосъёмки от Грассиса. Баррет проработал с ним всю ночь, наверняка стащив десяток чашек, которые Рия вымыла к понедельнику.

— Ладно, что я могу принести для Алекс? — спросил я, когда вошёл в дверь, более, чем слегка удивлённый, обнаружив, что куча из его газет, которая всегда была на его столе, даже когда он работал в моём офисе, исчезла, и вместо этого всё было рассортировано разделителями для папок.

То, что он согласился на это, вместо того, чтобы игнорировать попытки Рии организовать его, говорит о многом.

— Ничего, — сказал он, поднимая взгляд своих опухших глаз с синяками от недостатка сна.

Я остановился замертво.

— В смысле... ничего? Это же Грассисы. У них же каждый дюйм того места под наблюдением. Быть не может, чтобы они хоть что-то пропустили.

— Они не пропустили, — согласился он, двигаясь вокруг своего компьютера, чтобы, как я предположил, отмотать назад. Это был не его компьютер. В последний раз, когда я навещал его, он держал свой персональный компьютер в каком-то тайнике в своей квартире, утверждая, что это самое компрометирующее оборудование в чьей-либо собственности. Что абсолютное сумасшествие, что люди оставляют их там, где они могут быть украдены, и что из них так же может быть извлечён каждый кусочек финансовых данных. У Баррета постоянно под рукой порядка шести ноутбуков, которые он считал «одноразовыми», и на которых выполнял различные рабочие задания, после чего разбивал жёсткий диск в чёртову пыль.

— Ладно, мне нужно, чтобы ты сосредоточился и дал мне хоть какую-то информацию об этом, — сказал я, присаживаясь в кресло напротив него и стараясь держать свою нетерпеливость под контролем.

— Вот, — сказал он невозмутимо, понимая грубость, потому что сам был таким же. Он развернул ноутбук ко мне и нажал на проигрывание видео. — Вот подъезжает фургончик. Белый. Там есть номер, но они закрыли его этим дурацким пластиком, так что номера не видно. К о всему этому, у них тонировка на передних и лобовом стёклах. Ты ни черта не увидишь. Даже если увеличишь. Вон там, — сказал он, приостанавливая, когда фургон подъехал к мусорным контейнерам.

Камера выхватила перед фургона, когда тот остановился. И я ждал, что двери откроются. Ждал, что наконец-то, чёрт побери, увижу лицо, но вместо этого, фургон немного затрясся, как будто в нём кто-то двигался, и примерно через минуту после этого фургон отъехал, и там осталась Рия в бессознательном состоянии.

— Грёбанный ублюдок, — прорычал я.

— Коммунальный фургон. Кто-то подъехал, пришёл назад, открыл двери изнутри и вытолкнул её.

Вытолкнул её.

Этот мудака, чёрт побери, вытолкнул её из проклятого фургона.

Видео продолжало проигрываться, и я был не в силах отвести взгляд от тела Рии, лежащего лицом вниз, наклон тела был такой, что было понятно, что ей явно было неудобно. Затем я наблюдал, как она медленно приходила в себя, лёжа там, моргая целую минуту, смотря в небо, слишком дезориентированная, чтобы начать паниковать. Затем её голова повернулась, и она посмотрела на здание.

Я бы хотел сказать, что тогда она подскочила, но нет. Рия двигалась так, будто всё болело, как будто каждое движение требовало усилий.

И тогда я вспомнил, как она рассказывала, что всё болело, и она чувствовала слабость. Полагаю, это объясняет, почему её движения так похожи на движения зомби.

Сначала она приняла сидячее положение, её взгляд долго оставался на мусорном баке, вероятно подумав так же, как и я, — что её выбросили здесь, как мусор. Эта мысль не могла остаться незамеченной, даже будучи дезориентированной и напуганной.

Так же медленно она поднялась на ноги, отряхивая брюки, постоянная привычка любого, кто поднимается с земли, но опять же, движения были медленными. Так же как и её пару шагов в направлении ресторана «Семейный», вероятно думая пойти туда за помощью. Но потом она посмотрела на парковку и её плечи поникли.

Там было пусто и ей пришлось вскарабкаться на крутой склон по направлению к городу, куда, как я знаю, далее она направилась в полицейский участок. Я наблюдаю, как появился обзор с другой камеры, вероятно Баррет что-то всё же сделал — собрал картинки вместе. И я смотрю за её, очевидно, болезненным восхождением на склон, ей пришлось остановиться несколько раз. К тому моменту, как она достигла вершины, она остановилась, упала на колени и обхватила голову руками на долгую секунду.

Прямо тогда мне захотелось оторвать хер у того ублюдка, который оставил её такой — в одиночестве, напуганной, сбитой с толку, с болью.

Но Рия, будучи сильной женщиной, я знаю, она такая, медленно поднялась на ноги, подняла подбородок и продолжила идти.

Прямо из нашего поля зрения.

— Дыши, — сказал Баррет, привлекая моё внимание. — И разожми эти кулаки, — он был прав, я сжал их так сильно, что костяшки побелели. — Я был зол так же, как ты, когда увидел это, но это нас никуда не приведёт.

— Так же, как и это дерьмо, — прорычал я, махнув рукой, когда на камере стали появляться люди, приезжающие в «Семейный».

— Я так же думал, пока не заметил кое-что ...

— Выкладывай. Сейчас у меня проблемы с терпением.

— Смотри, — сказал он, обойдя вокруг стола, чтобы взглянуть на экран, перематывая видео до тех пор, пока не поймал место, где фургон только начал отъезжать, затем поставил на паузу.

— Куда мне смотреть?

— Посмотри на бок фургона, — сказал Баррет. Я наклонился поближе, прищурившись, не видя что-либо. — Да, это сложно разглядеть. Дай я просто подкорректирую... — сказал

он, нажав пару кнопок, и картинка стала более ясной, более контрастной. И я увидел то же, что и он.

— Что за хрень ...

— Это не какой-то типичный фургон. Это рабочий фургон. Там есть идентификационная картинка какой-то компании, которую они постарались прикрыть. Если мы найдём компанию, мы сможем найти водителя. Или, если он был продан, мы сможем найти записи об этом, — он подождал, чувствуя моё разочарование. — Соьер... это что-то. Это может занять ещё несколько дней, но это зацепка, в конце концов. Никто не знает, где её бывший. Никто не преследует Рию. Не всплыло никаких других дел, подобных этому. Это отстойно, но это всё, что у нас есть.

— Думаешь, ты сможешь выяснить это?

— Если не смогу, то я знаю несколько людей, которые смогут. В смысле, это будет стоить ...

— Меня не волнует цена. Я хочу, чёрт побери, уже разобраться с этим дерьмом.

— Итак , — произнёс он, двигаясь к своей стороне стола. — Как прошёл её воспроизведённый заново год?

— Я видел много дерьма в своей жизни , но никогда не видел кого-то , кто светится бы подобным образом.

— Это к чему-то привело, верно?

— Не твоего ума дело.

— Возможно. Но эта реакция сказала мне всё , что я должен знать.

После этих слов он затих , но было какое-то напряжение в его плечах, челюсти, что подсказало мне, что он хотел сказать что-то ещё.

— Говори уже.

— Не проси всё это, — просто сказал он. — Ты мой брат и я знаю, мы должны быть на одной стороне, но эта женщина нуждается в ком-то, кто не собирается просто потрахать и устать от неё , или просто не сможет вытащить голову из своей задницы. И, брат, твоя голова довольно прочно застряла там.

— Я сейчас на самом деле получил совет от парня, которого буквально говоря, никогда не видел с женщиной?

Он облокотился на спинку своего кресла, сняв очки и почесав переносицу, прежде чем посмотреть на меня с практически нехарактерной для него дерзкой улыбкой.

— У меня всё в порядке с этим.

— Конечно. Но ошиваться рядом и остепениться — не одно и то же.

На это он поднял брови.

— Остепениться? Ты решил остепениться?

Я пожал плечами.

— Я не могу сказать, что происходит. Но она в моём доме. И с этого момента в моей постели. Это уже в какой-то степени , чёрт побери , остепениться.

— Она знает об этом? Я не знаю её так уж долго, но я знаю её историю и думаю, что девушке вроде неё, возможно, необходимо, чтобы всё было предельно ясно.

— Я воссоздал для неё пропущенный год полностью, с подарками, от которых она прослезилась, и я сказал ей, что мы пойдём завтра вечером...

— И что, неужели ты серьёзно относишься к ней и планируешь оставаться таким, чтобы она не беспокоилась?

— Возможно. Я не заходил так далеко.

— Соьер...

— Появилась Мардж, чтобы прибраться, и мне нужно было встретиться с тобой. Это было загруженное утро.

— Раз уж тебе не придётся встречаться с Алекс, могу я предположить, что это будет не-такой-уж-загруженный вечер, когда ты посвятишь её во всё это дерьмо?

— Ладно, доктор Фил<sup>[24]</sup>, достаточно всего этого, — засмеялся я, вставая на ноги. — Я хочу, чтобы ты позвонил, как только получишь название ... прежде чем сам начнёшь отслеживать фургон.

— Понял. Поговори с Рией.

— Боже правый. Мне больше нравится, когда ты завален бесконечными листами бумаги и старыми кофейными чашками.

\*\*\*

После Баррета я направился в офис, зная, что Мардж до сих пор находится в моей квартире, а я не желаю встречать в то, о чём бы девчонки ни говорили. У Мардж много дерьма на мой счёт. Я не питал иллюзий по поводу себя. Я был достаточно требовательным начальником. Я ожидал многого от людей, которые на меня работают, и не принимал никаких оправданий. К слову сказать, я никогда не кричал на них и не относился, как к рабам, платил хорошие оклады и проводил дорогостоящие (для меня), регулярные медицинские проверки. Частично из-за того, что Тиг и Брок постоянно ставят своё здоровье на карту, каждый раз, когда берутся за работу, но в большей степени потому, что это, чёрт побери, правильно.

Я погрузился в несколько дел, которыми пренебрегал, пока не подошёл к окну и не увидел, что машины Мардж уже нет.

Я закончил то, что делал, всё закрыл и отправился наверх.

Это было практически разочаровывающе — видеть, что всё стало выглядеть обыденно. Я хотел наблюдать, как Рия снова с удивлением разглядывает Рождественскую ёлку, или отпивает из бокала шампанского, или носит тот дурацкий колпак для дня рождения, который я купил для неё.

Но, если я разыграю свои карты верно и не облажаюсь, смогу увидеть это всё снова. Сейчас октябрь. Я мог бы взять её на тыквенный и яблочный сборы. Затем мы могли бы вырезать из них рожицы. На День Благодарения мы могли бы отправиться к Мардж. Или, если ей нравится готовить, мы могли бы позвать Баррета и устроить свой маленький праздник. Мы смогли бы снова нарядить ёлку и открыть подарки. Могли бы смотреть, как падает шар, и выпить так много шампанского, потом позвонить в Нью-Йорк немного подвыпившими, чёрт побери.

Я не был тем, кто обычно строит планы наперёд. Не то чтобы я против обязательств, просто я никогда по-настоящему не находил кого-то, кто вдохновил бы меня посмотреть в будущее, чтобы разделить события с ним. Это не делает из меня хрена, это просто делает меня не желающим соглашаться с кем-то, с кем я не ощущаю себя подобным образом.

Так что теперь, когда я нашёл женщину, которая это сделала со мной, я подумываю об

этом.

Это на самом деле так просто.

Но Баррет прав, мне необходимо ясно донести свои мысли до Рии. Как я и сказал ей, я из тех, кто говорит всё в лицо, просто я как-то не привык поступать так в отношениях.

И это то, что я собираюсь быстро исправить.

\*\*\*

Слим расположился возле двери в ванную, это всё, что мне нужно было увидеть, чтобы понять, кто был внутри. И судя по открытой бутылке «Космо-микс» на стойке, она воспользовалась соляными «бомбочками» для ванн. Чем бы, чёрт побери, это ни было.

Рия выглядела приятно шокированной от того, что я вошёл без стука, и возможно это немного дерзко с моей стороны, но я буквально дотронулся до каждого сантиметра её тела этой ночью, и она не проявляла какой-либо застенчивости, за исключением наверно тех случаев, когда я говорил ей комплименты.

— Ты слышал, что нужно стучаться? — спросила она, кладя руку к себе на грудь, несмотря на то, что через пену невозможно было что-либо увидеть.

— А га, но тогда в чём веселье? — спросил я, садясь на край ванны, и положил файл, который держал, на колени.

— Почему ты не сказал мне, что снял Тига и Брока с их дел, чтобы работать над моим?

Мардж все-таки рассказала. Я не ожидал ничего другого.

Она наконец-то увидела женщину, которую одобряет, в моей квартире, должно быть это равносильно для неё раннему Рождеству.

— Потому что это не казалось необходимым.

— Это моё дело. Это мой потерянный год... — настаивала она. Прядь волос выскользнула из зажима, которым она скрепила волосы, и скользнула вниз, обрамляя её лицо.

— Ты права, — согласился я, потянувшись, чтобы заправить её за ухо. — Это твоё дело и ты имеешь право знать, над чем мы работаем, — полагаю, я просто пытаюсь защитить её от всего этого, пока не найду ответы.

— Так над чем вы работаете?

— Поочередно наблюдаем за квартирой Майкла. Это ни к чему нас не привело. В большей степени потому, что его ещё никто не заметил. Видео с «Семейного» дало нам фургон, но у него были затонированны все стёкла и прикрыт номер. Мы так и не увидели, кто был за рулём. Но Баррет заметил, своего рода, закрытый логотип сбоку. Таким образом, мы сейчас сфокусировались на нём. Ну... — сказал я, немного улыбаясь. — Он сейчас сосредоточен на нём, а прямо сейчас я сосредоточен на тебе.

— На мне? — спросила она, её щеки слегка порозовели.

— Ага. Нам нужно обсудить кое-какое дерьмо.

— Кое-какое... дерьмо? — спросила она, слегка улыбаясь из-за моей формулировки.

— Да, кое-какое дерьмо. Дерьмо, касающееся тебя и меня. Начнём с того, что есть ты и я, в случае если это не прояснилось между вчерашней ночью и сегодняшним утром.

— А-а ... ладно, — сказала она, выглядя практически сконфужено, как будто это было

так чуждо, что мужчина был откровенен с ней, что она практически была сбита с толку.

— Я понимаю, что ситуация странная и что это всё по-прежнему ново для тебя. Но ты уже провела в моём доме неделю и ты мне ещё не надоела. Я думаю, это хороший знак. Мне на самом деле чертовски нравится всё твоё девичье барахло, разбросанное повсюду, нравится приходить домой и видеть тебя здесь. Думаю, это всё, что мне нужно знать на данный момент. И ещё у нас был самый лучший трах, который у меня когда-либо был. Это тоже, — на этом заявлении она немного посмеялась, трясая головой от такой прямоты, но, по-видимому, совершенно не обидевшаяся на это. — Кстати говоря, — сказал я, потянувшись к файлу на коленях и стукнув её им по лбу.

— Что это?

— Это результаты наших тестов.

— Прости... что?

— Ну, Эшли проверяла всё — полный комплекс от уровня витаминов до ЗППП <sup>[25]</sup>. Очевидно, что всё чисто. Но той ночью, после того, как мы поцеловались, я решил, что и мне пришло время пройти проверку. Так что мои результаты тут же, вместе с твоими. Отрицательные. Но я всё равно отдам их тебе.

— Нет, всё в порядке, я ...

— Нет, — отрезал я, трясая головой. — Ты возьмёшь этот файл и посмотришь, потому что это важно, — сказал я, потянувшись за полотенцем и вытерев Рие руки, затем вручил ей это. Я наблюдал за тем, как она пожалала плечами и открыла файл.

— Как ты и сказал — отрицательно.

— Мне нравится, что ты доверяешь мне, но при том ужасе, что творится, тебе захочется увидеть всё лично.

— Это правда, — согласилась она, кивнув.

— Так, давай по-быстренькому, зная, что беременность — не проблема, тебе было бы комфортно не использовать презервативы или ты хотела бы подождать с этим?

Она выглядела практически ошеломлённой от этого.

— Ну, м-м ... раз уж все наши тесты чисты, я на самом деле не вижу причин, почему мы ... — остаток предложения был нарушен визгом, потому что пока она говорила, я начал раздеваться. И когда она дошла до этого места, я забрался к ней, а вода перелилась через края ванны. — Соьер, пол!

— Высохнет, — я пожал плечами, потянувшись к Рие, и притянул её к своей груди. — Знаешь, что хорошего в этом решении? — спросил я, притягивая её скользкое тело к своему, кладя её ноги поверх моих, так чтобы я мог прижаться своим уже твёрдым членом к её киске. — Мы можем заниматься сексом в ванной. Презервативы и вода — это не весело.

В ту же секунду, когда мой член прижался к ней, её руки ударили мне по плечам, голова слегка откинулась назад, а губы приоткрылись от беззвучного стога.

— Хорошо, верно? — спросил я, и она кивнула, глаза Рии нашли мои, прикрытые, она была уже разгорячённая для меня. — Хочешь, чтобы я вошёл? — спросил я, и её бедра приподнялись, просто чтобы я сделал это. Я потянулся между нами, схватив свой член и удерживая его на месте, так чтобы она могла скользнуть вниз на меня.

Её упругие, горячие, влажные стеночки медленно обхватили меня и погрузили в негу. Я сделал глубокий вдох, потому что она приняла меня до основания, замерев, когда из неё вырвался низкий стон.

— Хотел тебя с той самой минуты, как проснулся этим утром, детка. Я возьму тебя

медленно и нежно позже. Дай мне сейчас быстро и жёстко.

Её улыбка была медленной и горячей, когда она начала тереться об меня, так же сильно, жадно и необходимо, как мне и чувствовалось. Вода продолжила переливаться через края, когда она немного прогнулась назад позволяя моему члену потереться о её точку G , пока она объезжала меня, стоны Рии стали громче, более неистовыми, движения — менее контролируемые, более резкими, поскольку она приближалась к кульминации.

— Сойер... — задыхалась она, её киска сжала мой член сильнее, чем это казалось, возможно, когда она приостановилась, я дёрнулся бёдрами вверх , и её стеночки начали сильно пульсировать вокруг меня, когда она рухнула вперёд, выкрикивая моё имя у моей шеи.

Я потёрся об неё, прежде чем достичь своего экстаза , мне понравилось, что это оказалось несколько большим, чем я думал, когда я кончил внутри неё.

Позже Рия вцепилась в меня, её тело всё ещё слегка дрожало после произошедшего. Я потянулся вверх, потянув зажим с её волос и позволяя им рассыпаться поверх её плеч так, чтобы я мог пробежаться пальцами сквозь них. Никогда не ощущал волосы такими , как её, — они скользнули сквозь мои пальцы словно шёлк.

Немного позже её руки и ноги всё ещё плотно находились вокруг меня, и я наконец-то прервал тишину.

— Так что за хрень эти «бомбочки» для ванны?

# Глава 18

## Рия — 8 дней

После того быстрого, жесткого, скользкого секса, что у нас был, я бросила соляную «бомбочку», чтобы показать ему, как это работает, что «бомбочка» для ванны была неким «безумным девчачьим дерьмом», которое он не понимал.

Я обнаружила, что мне в какой-то степени это нравится. Это было по-мужски.

У Майкла было больше продукции для волос, чем у меня.

Это сводило меня с ума, потому что всё падало с полок, когда я доставала свой фен.

После ванны, Соьер выпроводил меня из ванной комнаты, настояв на том, что сам уберёт беспорядок. Я отправилась в свою комнату, надела трусики и безразмерную футболку. Когда вернулась обратно, Соьер был в чёрных спортивных штанах, низко сидящих на бедрах, и нарезал на кухне индейку.

— Надеюсь, тебе нравятся сэндвичи, поджаренные по бокам.

— Это лучшая часть праздников. Не нужно по-настоящему готовить.

— Как ты относишься к майонезу?

— Примерно так же, как к таким маленьким, отвратительным штучкам, называемыми авокадо.

— Понял, — сказал он с улыбкой. — Тогда что ты хочешь в сэндвич?

— Индейку и немного соли. Я поджарю по бокам, — сказала я, и мы продолжили работать на кухне в гармонии, готовя обед.

После этого мы отнесли еду к дивану и поели, пока смотрели какой-то банальный хеллоуинский фильм.

Соьер схватил футболку и забрал Слива на прогулку.

Устав, я отправилась в свою комнату, чтобы прилечь.

Только для того, чтобы понять, что когда Соьер говорил, что есть я и он, это значит, что моя задница принадлежит ему, в его постели. Этот факт я уяснила, когда он напрямик направился в мою комнату со Слимом, следующим за ним по пятам, подхватил меня и бросил на свою кровать.

Немногим позже я проснулась от того, что он прикоснулся рукой к моему бедру.

После этого, Соьер выполнил своё обещание и взял меня медленно и нежно.

Затем я снова уснула уже на его груди.

Воскресным утром я проснулась в его объятьях и быстро поняла, что Соьер очень чутко спит. Потому что он определенно спал, когда я только открыла глаза, но в ту секунду, когда я пошевелилась, он обнял меня сильнее и сказал сонным голосом:

— Ещё двадцать минут.

Поэтому я дала ему двадцать минут сна.

Затем он дал мне ещё двадцать минут, которые заставили меня серьёзно беспокоиться о том, что мы сломаем не только спинку кровати, но и стенку, а ещё окажемся этажом ниже.

— Ладно. Мне нужно отправляться на пробежку. Ты бегаешь?

— Думаю, я бы побежала, если бы меня преследовали. Но даже тогда, это маловероятно.

На что он усмехнулся, мотая головой.

— Чем же ты занималась в спортзале, если не занималась на беговой дорожке?

— В основном, читала книгу на велотренажёре, — призналась я, не смутившись, потому что всегда работала до пота, занимаясь таким образом. — Впрочем, мне действительно нужно вернуться туда. Восстановить потерянный мышечный тонус.

— Если уж на то пошло, думаю, ты превосходно выглядишь такой, какая ты есть, но если ты хочешь немного мышц, я тоже за это. Возможно, мы сможем заскочить в спортзал Шейна после полудня, прежде чем тебе нужно будет уединиться, чтобы подготовиться для сегодняшнего вечера.

— Хорошая идея, — согласилась я. — Иди пропотей. Слим и я побудем лежебоками.

— Ладно, — сказал Соьер, зашнуровывая свои кроссовки. После этого он встал, подошёл ко мне, наклонился вниз и крепко поцеловал меня. — Вернусь в течение часа.

По возвращении он принял душ, мы оба оделись в удобную одежду и отправились в спортзал, куда я вновь записалась. Затем мы отправились обратно домой, и я провела слишком много времени, чтобы попытаться выглядеть безупречно.

Платье, которое он выбрал, было облегающее, с квадратным вырезом горловины, но современное. Длина юбки была немного короче, чем я обычно выбираю для себя, но как я выяснила, мы проведём большую часть вечера, сидя, так что мне не придётся беспокоиться о том, что я что-то уроню или кто-нибудь заглянет мне под юбку.

В конце я нанесла немного туши и подвела глаза, не став наносить никакой губной помады, за исключением бальзама для губ, оставила подвеску Соьера, надела платье, каблук, немного вздрогнув, почувствовав высокие шпильки, от которых моё тело очевидно отвыкло за год.

Нанесла немного парфюма, схватила клатч с моим фальшивым удостоверением личности, просто на всякий случай, и вышла в коридор, в процессе чуть не завалившись на Слима. К счастью, Соьер ждал меня в гостиной и пропустил моё неуклюжее почти-падение, затем я прошлась туда-обратно, чтобы он смог рассмотреть меня всю.

Так он и сделал. Медленно.

Я тоже оглядела его, никогда не видя его в чём-то другом, кроме джинсов и футболок или внерабочей одежды. Соьер привёл себя в порядок, да, тут было на что посмотреть. Он надел тёмно-серые брюки и чёрную рубашку, обе вещи смотрелись на нём идеально. На его запястье были, похоже дорогие, серебряные часы, а волосы были немного более опрятные, чем обычно. К счастью, он до сих пор был немного неряшливым. У меня слабость к его щетине.

— Подойди сюда, — приказал Соьер, похлопав по колену. Я подошла к нему, и он, дотянувшись до меня, усадил к себе на бедро.

— Спасибо за платье. И обувь.

— Выглядит лучше, чем я представлял, — сказал он, скользя пальцами по моему бедру, направляясь к подолу платья. — Знаешь, у нас есть около...

Он затих, потому что услышал, как был введён код, и дверь открылась, представив перед нами Брока, который бросил на нас всего лишь один взгляд и расплылся в огромной ухмылке.

— Не могу сказать, что я не завидую, — сказал он, входя, спрятав руки в передних карманах. — Прекрасно выглядишь, Рия. Счастье тебе очень идёт.

Я почувствовала, как эти слова осели на моей коже и пробрались внутрь, зная, что он прав. Я была счастлива. И я поняла, что это говорило о чём-то, раз это было заметно для

окружающих.

— Брок сегодня за собачью няньку, потому что мы будем поздно, — сообщил Сойер.

— У нас будет похожая ситуация, как в «Тёрнер и Хуч<sup>[26]</sup>». Он отправится со мной на слежку, и я совершенно точно ожидаю, что он съест подголовники на моих сиденьях, выбираясь из машины.

— Это машина компании, и я говорил тебе принести каких-нибудь косточек.

— Я принёс. Но он предпочитает кожу. Ты же знаешь.

— Бл\*дь, да, я знаю, — согласился он, звуча при этом раздосадовано, отмечая себе, что придётся заменить везде кожу.

— Пойдём, Слим, — позвал Брок, подходя туда, где Сойер держал поводок, и беря его.

Слим вздохнул, поднялся на лапы, прошёл через комнату к Броку и сел у его ног.

Никогда в своей жизни не встречала более ленивой собаки.

— Повеселитесь там, ребятки, — сказал Брок глупым отцовским голосом. — И, Рия, если он станет распускать руки — вилкой прямо в бедренную мышцу.

На этом он ушёл, сопровождаемый звуком моего хихиканья.

— Ладно, пора выдвигаться.

Мы забрались в его машину и отправились в «Семейный». Я была в «Семейном» несколько раз в прошлом, но никогда прежде, даже когда я резервировала столик, меня не звали прямо на подиум и не провожали к одной из частных кабинок сзади, которые в какой-то степени закрыты ото всех, чтобы предложить посетителям уединённость.

— Мистер Грасси прибудет с минуты на минуту, чтобы поприветствовать вас, — сказала администратор после долгого зрительного контакта, которым она буквально трахала Сойера, что я нашла оскорбительным.

— Выглядишь так, будто хочешь выколоть ей глаза, — сказал он, вручая мне меню.

— Это было грубо, вот и всё.

— Да, за ней водится репутация женщины, которой нравятся мужчины, у которых уже есть девушки. Они требуют меньше усилий или что-то в этом роде.

— Откуда ты знаешь?

Сойер рассмеялся.

— Работал над делом для жены, которая думала, что муж ей изменяет. Угадай с кем?

— О, это чудесно, — сказала я, отодвигая меню, даже не взглянув на него.

— Женщина, которая знает, чего хочет. Мне нравится.

— Они делают самую лучшую феттучини<sup>[27]</sup>, которую я когда-либо пробовала. Но мы начнём с кальмаров, просто чтобы ты знал.

Нам принесли бесплатную бутылку вина и приняли заказ, когда фигура человека заслонила наш столик. Я узнала Антонио Грасси сразу, как только увидела его. Чёрт, я узнала бы его и двух его сыновей, Луку и Матео, если бы увидела их. Энтони был довольно привлекательным мужчиной, которого я когда-либо видела, высокий и худощавый, одетый в безупречный костюм, с ресницами, за которые я бы умерла.

— Сойер, рад снова тебя видеть, — сказал он, когда Сойер встал из-за стола, чтобы пожать ему руку. — А эта прелестная молодая дама должно быть Рия, — сказал он мне, даря тёплую улыбку, когда взял мою руку и сжал её. — Я так рад, что ты в порядке, моя дорогая.

— О, спасибо вам, — сказала я, слегка смутившись тем, что это было не под моим контролем. Но в его голосе не было жалости, и я приняла это спокойней.

— Я оставлю вас наслаждаться вашей трапезой. Сойер, я буду на связи.

Сойер вернулся обратно за столик.

— Это прозвучало практически зловеще. И, зная слухи о том, что семья Грасси — местная мафия, я представить себе не могу, что это что-то хорошее.

Сойер фыркнул.

— Я не ввязываюсь в криминальное дерьмо в округе. Они занимаются своими делами, а я своими. Это не моё дело.

— То есть ты нормально относишься к организованной преступности?

Голова Сойера наклонилась в бок.

— Всё не так просто. У каждой экономики есть криминальные империи. И в некотором смысле, они нужны миру.

— Значит, торговцы оружием, насильники и...

— Ты не можешь смешивать их всех вместе подобным образом, детка. Насильники совсем в другой категории, чем торговцы оружием. Как правило.

— Торговцы оружием убивают людей.

— Мне приходилось убивать людей.

Это фактически выбило почву у меня из-под ног. Я забыла, что он был бывшим военным.

— Так же как и Брок. И Тиг. Брок, потому что занимался этим со мной. Тиг, потому что у него было тёмное прошлое, и некоторые части его прошлого были жестоки.

— Тиг? Большой плюшевый мишка Тиг? — спросила я, трясая головой.

— Тиг вырос в дерьмовом окружении, с дерьмовой семьёй и с дерьмовыми перспективами выбраться из этого. Дерьмо случается.

— Ты очень равнодушен по этому поводу.

— Он делал плохие вещи, но стал хорошим человеком. Не могу же я предъявлять ему его прошлое против него, в то время как кто-то так же может предъявить мне моё.

— Но ты же был в армии.

— Существует армия и существует то, где мы с Броком были. Это всё, что я могу сказать по этому поводу без того, чтобы меня обвинили в государственной измене. Но позволь просто сказать: Тиг покажется тебе святым, если ты захочешь сравнить наши счета жизней. Да, я просто выполнял приказы. Так же как и он. Правда, мои, предположительно, были ради страны и для сохранения всех невинных в безопасности. Но это не означает, что этого не происходило и что я лучше Тига, потому что я принимал приказы от вышестоящего по должности в армии, а не от торговца наркотиками. Убийство есть убийство.

— А Грассисы убийцы?

— Знаешь, — сказал Сойер, немного улыбаясь, — я никогда не спрашивал, — он засмеялся. — Могу предположить, что, по крайней мере, Энтони проливал кровь. Подозреваю, что они все. Но поскольку я знаю их, я уверен, что ни одна из этих кровей не принадлежала никому из невинных.

— Так что — это нормально, когда одни преступники убивают других преступников?

— В большинстве случаев, да. Это система издержек и противовесов, когда полицейские силы не могут или не хотят делать что-либо для любого типичного правосудия. У мафии, как правило, есть одна хорошая черта в удержании дерьма между ними и людьми, с которыми они разбираются, не нападать на семьи или что-то в этом роде. Смысл в том, что ничто не остановит преступность. Наркоманам нужны наркоторговцы. Наркоторговцам нужны торговцы оружием. И так далее. И позволь мне заметить, поскольку я знаю много

организованных преступников, в большинстве случаев, они лучше тех говнюков, над чьими делами я работаю.

Опять же, в чём-то он прав.

Я не могу заявить, что знаю множество хороших преступников или преступников вообще, но я очень хорошо знаю, как ужасны бывают люди.

И, ну, в общем, думаю, я бы лучше общалась с членами мафии, чем с не осужденными насильниками, расистами или теми, кто избивает жен. Тех, кого мне довелось узнать в своей жизни.

— Почему частный детектив? — спросила я, подняв бокал вина. — Казалось бы, что после всей той тьмы, тебе захочется заняться чем-то посветлее.

— Посмотри на это так, — сказал он, улыбаясь. — Ты присоединяешься к армии сразу после высшей школы. Получаешь обычную подготовку, затем подготовку специальной направленности, потом подготовку к тайным операциям... это оставляет у тебя очень специфический набор навыков. И когда ты решаешь вернуться в эту жизнь, выбор ограничен. Есть частные охранники, но мне не хочется быть нянькой для засранцев-миллионеров или миллиардеров. Ты можешь открыть спортзал и учить других людей бойцовским навыкам. Но у меня было достаточно тренировок изо дня в день на всю оставшуюся жизнь. Или ты можешь использовать свои навыки, чтобы отслеживать цели и научиться использовать их для нахождения пропавших людей или изменяющих супругов.

— Тебе нравится твоя работа?

— Мне нравится разбираться с дерьмом. Нравится ли мне сидеть и выслушивать одну и ту же историю о мужьях в подозрительных «бизнес-поездках» или о странных платежах из отеля по кредитным картам? Бл\*дь, нет. Иногда так и хочется ударить клиентов за их тупость.

— Они глупые, потому что их супруги им изменяют? — ошетибилась я.

— Нет, детка. Они глупые, потому что ЗНАЮТ, что их супруги им изменяют. Они приходят ко мне с какой-то грустной надеждой, что я докажу им обратное. Я ни разу не доказывал, что они ошибаются. Шансы таковы, если, кажется, что они изменяют, значит, они изменяют. Даже если и не похоже, что они изменяют, они вероятно изменяют. Теперь не очень многим людям известно понятие верности.

— А тебе? — спросила я, нуждающаяся услышать это для своего спокойствия.

— Начинал ли я флиртовать с Шелли, когда я всё ещё встречался с Мег в старшей школе? Да. Мне было шестнадцать, и я был тупым хером, но я повзрослел. Я наблюдал, как бесчисленное количество семей распадалось из-за неверности. Мне приходилось успокаивать десятки рыдающих женщин в своем офисе, когда я вручал им фотографии, за которые они же и платили мне. И я становился свидетелем паршивых вещей, которые случались, когда они прекращали плакать.

— Каких?

— Они приходили к решению, что никогда не позволят себе пораниться подобным образом снова. Видишь, измена ломает не только одни отношения, она имеет тенденцию в дальнейшем влиять на каждого одинокого человека, потому что человек становится ожесточённым или напуганным, или недоверчивым. Это, черт побери, печально видеть. И это не то, что я когда-либо по своему желанию сделаю с женщиной, — он остановился, а я дала этим словам обосноваться в моей голове.

Он был так прав на счёт этого.

Из-за Дерика я никогда полностью не доверяла Тимиру.

А из-за Майкла, я обнаружила, что не ожесточиться — это сложно.

— Кроме того, если ты не можешь научиться держать свой грёбаный член в штанах, когда тебе больше тридцати чёртовых лет, то ты просто слабак, неуверенный бета, который нуждается в бессмысленном сексе для спортивного интереса, чтобы утвердить своё хрупкое эго. Это жалкое зрелище. Детка, никто никогда не назовёт меня жалким.

Разговор перешёл к лёгким темам — детству Сойера, которое звучало так, будто он по-настоящему испытывал мамино терпение и делал жизнь своего маленького брата труднее. Он рассказал мне о Брое, когда тот был ребёнком, и каким тот был, когда впервые вернулся из-за границы. Он рассказал мне все ужасающие истории, какого это было, когда Баррет работал на него, над большинством из которых я смеялась, потому что они совпадали с моим собственным опытом работы с ним.

Сойер расспрашивал меня о моём времени в системе патронатного воспитания, большинство из которого прошло в смене домов, но мне достаточно повезло, потому что большинство из них были приличными. Принимая во внимание то, что все семьи полностью избегали любого проявления ко мне любви, вот поэтому я с такой жадностью впитывала каждую толику любви от моих приёмных родителей, вылившуюся на меня.

Мы поели.

У нас был десерт.

Мы поехали домой.

У нас был секс.

Мы заснули.

Всё было идеально.

И всё продолжалось подобным образом всю следующую неделю.

До тех пор, пока однажды утром я не проснулась с пищевым отравлением, после взятия еды на дом.

# Глава 19

## Рия — 17 дней

— Пойдём. Ты отправляешься к доктору, — распорядился Соьер, глядя на меня так, будто меня может стошнить прямо на него. Что впрочем, было вероятно. Я начала возражать, но он покачал головой и направился на кухню, чтобы взять ведёрко из-под раковины, положив внутрь пластиковый пакет, прежде чем вернуться ко мне с ведёрком для рвоты и поставить меня на ноги. — Нет. Не хочу ничего слышать. Это не нормально. Тебе нужна капельница или что-то подобное.

Поэтому мы поехали к доктору Соьера, я переживала всё это время, потому что у меня не было медицинской страховки и мне не хотелось спускать все мои сбережения на медицинские счета.

Но Соьер был прав. Меня рвало уже два дня. Мне нужно убедиться, что у меня нет обезвоживания.

Так что мы отправились в обычный врачебный кабинет, а Соьер остался в приёмной, в то время как я прошла вглубь помещения, чтобы встретиться с пожилым мужчиной в больших очках по имени доктор Мэддокс, который, очевидно, знает Соьера с тех пор, как тот был маленьким мальчиком. Он рассказал мне парочку историй о нём, пока я проходила несколько тестов.

Даже если бы я прожила тысячу лет, то всё равно не смогла бы подготовиться к ответам.

— Поздравляю, мисс Суини, — сказал он, глядя на лист у себя папке. — У вас не пищевое отравление — у вас токсикоз.

— Токсикоз? — я поперхнулась, весь воздух вышел из легких.

— Вы беременны.

— Да, нет. Это невозможно.

— Ну, даже лучшие противозачаточные только...

— Нет, доктор. Я не принимаю противозачаточные таблетки. Мне перевязали трубы в восемнадцать.

Он резко вскинул голову от этих слов, нахмутив брови. Затем доктор снова потянулся за моей папкой и пролистал записи.

— Ох, да. Я вижу это здесь.

— Так что я не могу быть беременна.

— Но вы беременны.

— Нет, это просто... вам нужно сделать другой тест. Кроме того, это же очень рано для токсикоза? Мы были в интимных отношениях только, м-м, в течение недели.

Он остановился, задумавшись.

— Не обязательно. У большинства женщин токсикоз начинается после месяца беременности. Но есть много женщин, которые клянутся, что узнали об этом на следующее утро после зачатия, потому что у них начинался токсикоз. Но давай я схожу, найду ультразвук. У нас будут более ясные мысли по поводу перевязки твоих маточных труб. Возможно, они были перевязаны не так тщательно.

Мгновением позже, в дверь постучали, и Соьер позволил себе войти. Очевидно всё ещё без понятия о результатах моих тестов, он замер, когда увидел моё лицо.

— Что случилось? — спросил он.

— Это не пищевое отравление, — сказала я, проглатывая комок в горле.

— Хорошо, — сказал он обманчиво спокойным голосом, но всё в нём было напряжено, как будто он беспокоился, что это будет рак или что-то подобное.

— Доктор Мэддокс отправился за ультразвуком, потому что он беспокоится, что мои маточные трубы были перевязаны не достаточно хорошо.

— Твои трубы... — начал он, когда направился ко мне. Затем его озарило, от чего он замер в двух шагах от смотрового столика. — Ты беременна.

— Так говорит тест.

Он постоял там ещё несколько секунд, прежде чем прошёл последние два шага, сел рядом со мной и обнял меня.

— Ладно, — сказал он, немного прижав меня к себе. — В любом случае, ложный результат теста или нет, мы разберёмся с этим.

Разберёмся с этим.

Мы знаем друг друга всего семнадцать дней. Семнадцать.

А занимались сексом только десять.

Это же просто сумасшествие. Каким образом можно с этим разобраться?

И это ещё не беря в расчёт, что я никогда не хотела иметь детей, ну, в смысле не биологических. Внезапно, меня ужаснула мысль, что, возможно, один уже во мне. Но я так и думала. Я хотела приёмного ребёнка. Вот почему я приняла решение о перевязке, когда мне было восемнадцать. И честно говоря, это было самое простое решение в моей жизни. Это было тем, что я хотела.

А теперь, почти десятилетие спустя, они собираются сказать мне, что это было не эффективно? Как такое возможно?

— Ладно, — сказал доктор Мэддокс, входя с прибором для УЗИ, таким старым, что он, должно быть, пылился у них годами. — Сойер, — сказал он, кивнув. — Хорошо. Рия, дорогая, мне нужно, чтобы ты приподняла свою футболку, приспустила брюки и легла на спину.

Сойер ещё раз прижал меня к себе и отпустил, подойдя к концу кушетки, где была моя голова, и когда я сделала всё по инструкции, потянулся и сжал мою руку.

Доктор выдавил холодный гель на мой живот и вытацил датчик, поворачивая монитор к себе.

Наблюдать за тем, как он водит этой штукой по моему животу, было, наверное, одним из самых страшных моментов в моей жизни.

— Док, — позвал Сойер, когда он просто сидел, прищурившись, смотря на экран дольше минуты. Его голос был решительным и нетерпеливым, и взгляд доктора взлетел к нему, сбитый с толку, прежде чем посмотреть на меня.

— Мисс Суини, складывается впечатление, что хоть у вас и были перевязаны трубы, когда вам было восемнадцать, с тех пор этот процесс был обращён.

— Что?! — взвизгнула я, дернувшись вверх, словно молния, но рука доктора удержала меня на кушетке, когда он потянулся оторвать бумажное полотенце, чтобы вытереть гель с моего живота.

Я поправила одежду.

— Мне никогда не делали развязку, доктор Мэддокс. Вы должно быть ошибаетесь. Это невоз... — я встретилась взглядом с Сойером и увидела правду, отражающуюся в его глазах.

Это возможно.

Это возможно, потому что я понятия не имею, что происходило со мной в течение года.

— О Боже, — простонала я, уткнувшись лицом в ладони.

Украденный год моей жизни — это и так достаточно плохо. Но кто-то вторгся в моё тело и делал с ним разные вещи без моего согласия!

Столик передвинулся, когда Сойер снова сел рядом со мной. Он потянулся за мной и притянул к себе на колени, я уткнулась головой в его грудь, руки Сойера так крепко сжали меня, что в это было трудно поверить.

— Вы определенно забеременели, мисс Суини. Если это имеет значение, совсем недавно, — сказал он, оставляя мне вариант, с которым я даже не представляю, как себя ощущаю. Этого никогда не должно было происходить в моей жизни.

— Насколько недавно? — спросил Сойер, и мне даже не пришло в голову, побеспокоиться о вероятности того, что этот ребёнок может быть не его.

— Трудно сказать прямо сейчас. Но, судя по внезапному утреннему токсикозу, всего лишь дни.

Ладно.

Я медленно выдохнула, выдох получился судорожным.

Хорошо.

По крайней мере, это был его ребёнок.

Не то, чтобы это утешало, но, тем не менее, ведь это не был какой-то случайный психопат похититель.

— Спасибо, доктор Мэддокс, — сказал Сойер, как-то пренебрежительно. — Мы займём комнату на несколько минут, а затем выйдем. Отправьте счёт на мой адрес, и я всё улажу.

— Хорошо, — сказал доктор, очевидно сбитый с толку и вероятно благодарный за простой выход. — Мисс Суини, если вам понадобится поговорить со мной по какому-либо поводу, просто приходите.

На этом мы остались одни.

Никогда прежде тишина не была такой громкой.

— Рия, — сказал Сойер спустя несколько долгих минут. Я покачала головой, не готовая говорить, не зная, что сказать. — Рия, — проговорил Сойер, немного более решительно, заставляя меня откинуться назад, чтобы посмотреть на него. — Ты же проследила связь, верно?

Связь с...

О, Боже.

— Майкл, — поперхнулась я, снова чувствуя тошноту, но уже совершенно по другим причинам.

— Это единственное объяснение. Он мог удерживать тебя. Это дерьмо в твоём организме, в больших дозах оно используется в летальных инъекциях. Но в малых дозах, оно используется для введения в искусственную кому. Он мог развязать твои маточные трубы. И уровень гормонов в твоей крови...

— О Боже, — воскликнула я, снова зарываясь лицом в свои ладони.

Гормоны.

И развязывание моих маточных труб.

Он пытался сделать меня беременной, пока я была без сознания.

— Почему? — спросила я, трясая головой, не понимая.

— Вероятно, он сорвался, детка, — произнёс Сойер, его рука скользила вверх-вниз по

моей спине. — Потерял жену. Потерял тебя. Он в каком-то роде сломался, чёрт побери. Может быть, он думал, что если заберёт тебя и сделает тебе ребёнка, то сможет вернуть тебя или что-то вроде этого сумасшедшего дерьма.

— Тогда зачем он выкинул меня? — спросила я, оглядев его. — Я не была изнасилована, так что он даже... Не добрался до части оплодотворения.

— У меня ещё нет всех ответов, детка, но клянусь, чёрт побери, я всё это выясню.

Я кивнула на его слова, видя в нём решительность.

— Прости меня.

Я отвела взгляд, смагивая слёзы, заполнившие мои глаза.

— Простить тебя? — спросил Соьер, потянувшись к моему подбородку и заставляя меня повернуться лицом к нему. — Тебе не о чем просить прощения.

— Я сказала тебе, что не смогу забеременеть. Из-за этого мы решили не использовать защиту.

— Верно, потому что ты совершенно точно должна была знать, что твой дерьмовый бывший-док похитил тебя, вырубил и развязал твои трубы. Как глупо с твоей стороны было не знать, что такое могло бы случиться.

Я фыркнула на это, находя успокоение в его грубости. Но движение заставило слёзы скатиться с уголков моих глаз.

— Эй, — проговорил Соьер, потянувшись, чтобы смахнуть мои слёзы. — Это не конец света, Рия. У тебя есть выбор. Что бы ты ни выбрала, я поддержу тебя. Если ты не хочешь детей и решишь снова перевязать трубы — я согласен на это. Хочешь оставить этого ребёнка и перевязать трубы после? Это меня тоже устроит. Хочешь остаться развязанной и иметь десяток маленьких спиногрызов, не могу сказать, что мы уже готовы к этому, но я открыт для этой идеи. Я знаю, это не то, чего ты хотела, но ты до сих пор можешь сделать это или не делать, и взять приёмного ребёнка, как ты всегда и хотела. Это, чёрт побери, отстойно, что какой-то ублюдок забрал у тебя этот выбор, но ты всё равно всё ещё контролируешь ситуацию.

Я тяжело сглотнула и кивнула.

Он был прав.

Не было причин впадать в истерику, хотя я и чувствовала, что определённо заработала это право за прошедшие несколько недель. Но ничего хорошего из этого не выйдет. Что мне действительно нужно — это просто подумать.

— Помнишь, когда мы были в «Семейном» и я была настолько против понятия самосуда и уличной преступности?

— Да, детка, — сказал Соьер, и, судя по тому, как мужская рука сжала моё колено, он знал, к чему я клоню.

— Я передумала. Я хочу, чтобы он заплатил за это.

— Хорошо, потому что в этом сценарии я, чёрт побери, сборщик долгов.

— Мы можем уйти отсюда? — спросила я, чувствуя себя неуютно, пытаюсь принять огромное решение, которое изменит мою жизнь в холодной, стерильной смотровой комнате.

— Да, пойдём, — согласился он, слезая со столика и потянувшись за моей рукой, крепко сжимая её, пока мы выходили из смотрового кабинета, через здание, к машине. Соьер даже держал мою руку, когда мы ехали домой и поднимались по лестнице наверх, он отпустил меня лишь тогда, когда я сказала, что меня снова тошнит.

Хотя в этот раз я была убеждена, что мне буквально стало плохо из-за беспокойства, и

это никак не связано с токсикозом, что для меня казалось последней каплей в этом проклятом дне.

Я вернулась обратно спустя примерно полчаса, почистив зубы, помыв живот, потому что там до сих пор оставался этот липкий гель, и обнаружила Сойера, сидящего на стуле напротив стойки. В ту же секунду, когда он увидел меня, он похлопал по колену.

— Ты в порядке?

Затем я сказала то, что думала, никогда не скажу.

— Кажется, я хочу ребёнка.

Видите ли, в промежутках между приступами тошноты, вызванных тем, что мой желудок был уже пуст, я сидела там, на холодном плиточном полу, и осмысливала ситуацию. И хотя я не знала, как чувствовать себя по этому поводу, о том, какого рода эти высшие силы должны быть, или что это за прихоть судьбы, или что-то ещё подобное, невозможно было отрицать несколько вещей. Что, проснувшись от своего рода комы, за время которой мне без моего согласия развязали трубы, и, попав в руки горячего частного сыщика, который впустил меня к себе и заботился обо мне, я рада тому, что дружба между нами переросла в нечто большее. Что всё это привело к романтическим отношениям, пока я была уверена, что нет ни единого шанса забеременеть, и я всё-таки забеременела? Да, это судьба.

Я всё ещё уверена в своём первоначальном решении — я не собираюсь дальше иметь детей. Я не верю в это. Я хотела приёмных. Я хотела подарить любовь детям, которые никогда прежде не знали и капли её в своей жизни. Я хотела подарить им ощущение семьи, когда у них не было никого. Я хотела дать им поддержку, чтобы поднять их на ноги. Так что, когда у меня родится ребёнок, я собираюсь снова перевязать трубы.

Но я собираюсь родить этого ребёнка.

У меня будет ребёнок Сойера.

Каким-то образом, хоть всё и было в новинку и было безумно думать об этом, это чувствовалось правильным.

Потому что, на самом деле, как только мы сошлись, всё, как по щелчку, просто встало на свои места. Вечером после «Семейного» и комедийного шоу у нас был ужин у Мардж, которую распирало от радости видеть нас за своим столом. Следующие несколько дней мы ходили на работу, затем он либо забирал меня, либо мы встречались дома. Один вечер готовила я, в следующий вечер готовил он. Мы ходили прогуляться. Смотрели фильмы. Он заполнил пропуски тех важных мировых событий, которые я пропустила, пока была без сознания. Мы занимались любовью. У нас был секс. Мы трахались. Мы спали в руках друг друга. Мы просыпались в одной постели. Иногда мы вместе отправлялись в спортзал.

В действительности, наши полторы недели, которые мы провели вместе, были большим, чем у множества родителей, которые заканчивали опрометчивым перепихом на одну ночь или неудавшейся контрацепцией.

Есть люди, которые решают иметь детей от мужчин, которых знают буквально несколько часов, или едва узнают их фамилию. Что уж говорить о том, если это хорошие люди.

Я знала Сойера.

Он был хорошим человеком. У него налаженная жизнь. Он ответственный. И он относился ко мне лучше, чем любой другой мужчина, которого я когда-либо встречала.

Так что я была спокойна.

Всё будет хорошо.

Он крепко прижал меня к себе и поцеловал в висок.

— Значит, я буду папой, да? Мардж описывается от восторга.

— Ты хочешь детей? — спросила я, не подумав, что об этом немного поздно уже спрашивать.

— Да, детка. Всегда хотел одного или двух, или столько, сколько моя женщина решит мне подарить.

— Я думаю, ты будешь хорошим отцом. Хотя, у тебя есть ещё примерно девять месяцев, чтобы научиться следить за своим языком.

— Мои мама с папой матерились, как моряки. С этим ребёнком всё будет в порядке, даже если я не смогу удержаться от своих «бл\*дь» и «дерьмо».

Я засмеялась и вновь положила голову на его плечо.

— Из тебя получится отличная мама, Рия. Я знаю, это не то, как ты это планировала, и всё сейчас приняло сумасшедший оборот, но всё встанет на свои места. Я не говорю, что всё будет идеально. Мы в этом новички, и это большое давление и будут трудности, но я настроен на то, чтобы всё получилось. И не только из-за ребёнка, Рия. Я готов сделать это, потому что я думаю, что ты самая невероятная женщина, которую я когда-либо встречал, и я хочу познать это. Знаю, что я не простой мужчина...

— Не надо, — пресекла я его, трясая головой, не в восторге от мысли, что он мог подумать о себе хоть немного хуже, чем я думала о нём. — Ты лучший мужчина, которого я знаю. В смысле, ты конечно так же и заноза в заднице, но ты особая разновидность этой занозы и мне она нравится, так что всё в порядке.

— Значит, мы решились на это.

— Мы решились, — согласилась я.

— Значит, всё то твоё барахло, что до сих пор валяется в гостевой комнате нужно сейчас же перенести в нашу комнату.

Нашу.

Может ли это действительно быть так просто?

Может быть, с Сойером это возможно.

Суть в том, что я всё ещё немного цеплялась за свою независимость. Я спала в его постели, но держала свою одежду в гостевом шкафу. Я оставила все свои старые вещи в коробках, не ощущая это место своим, чтобы расставить вещи повсюду.

— Я могу это сделать.

— Мне нужно разобраться с кое-каким дерьмом, — сказал он спустя минуту.

— Я знаю.

— Не хочу, чтобы ты беспокоилась обо мне. Я знаю, что делаю.

— И это я знаю.

— Когда я вечером уйду, ты хочешь побыть одна или чтобы Мардж, может Баррет составили тебе компанию?

— Мардж наверняка поймет, что я беременна, да?

— Клянусь, она телепат.

— Может тогда Баррет? — сказала я, определённо не желая быть наедине со своим беспокойством, пока он выслеживал Майкла.

— Он предъявит права на пульт и заставит тебя смотреть какие-нибудь документальные фильмы или другое подобное дерьмо, просто чтоб ты знала.

— Но так же он настаивает на том, чтобы мы поели какую-нибудь нездоровую пищу, пока будем смотреть, — сказала я с улыбкой. Раз уж мне хочется выпить, но я не могу этого сделать, я хочу насладиться одним последним раундом обжорства нездоровой пищи, прежде чем окунуться во «всё здоровое для ребёнка».

— Ладно, — сказал он, сжимая мою ногу, затем выскользнул из-под меня. — Тогда пойду позвоню ему.

Пока я наблюдала за тем, как он звонит, у меня сложилось впечатление, что он сдерживается ради меня.

У него руки чесались найти Майкла, чтобы получить ответы.

И, хотя я и была чертовски напугана, не уверена и ошеломлена, я знала, что так же нуждалась в них. Так что мне нужно его отпустить.

Кроме того, мне нравится Баррет.

И его странная компания возможно сможет удержать меня от беспокойства на какое-то время.

— Ладно, он будет здесь через десять минут. Я только схожу переоденусь.

Сойер переоделся.

Прибыл Баррет. С двумя ноутбуками, потому что, ну, вот такой он был странный, и со стопкой меню для заказа на дом, за что мне хотелось расцеловать его.

Мы заказали из трёх мест, на что Сойер просто покачал головой, потому что ни один из нас не заказал ничего зелёного.

Раздался звонок снизу, и я наблюдала, как Сойер плавно преобразился из спокойного, милого, удивительного любовника во всё контролирующего, решительного частного сыщика.

— Это Брок и Тиг. Мне пора, детка, — проговорил он, подойдя и обняв меня за талию. Сойер притянул мои бёдра к своим, но оставил мою спину выгнутой так, чтобы он мог взглянуть на моё лицо. — Ешь свою нездоровую еду. Попробуй насладиться этой странной компанией. Не беспокойся обо мне.

— Я постараюсь, — согласилась я.

— Если я не вернусь в нужное время, я хочу найти твою задницу в моей постели, ожидающей меня.

— Поняла, — сказала я с улыбкой.

Он поцеловал мой лоб, провёл носом от виска и ниже, затем заклеил мои губы на долгую секунду, прежде чем оторваться.

— Постарайся не наскучить ей до смерти со своими документальными фильмами, — сказал он брату, в то время как сжимал мой подбородок, и двинулся прочь.

Как будто бы Слим знал, что какое-то серьёзное дерьмо происходит здесь и ему нужно быть хорошей сторожевой собакой, вместо лежания у моих ног, он развалился прямо напротив входной двери, блокируя проход любому. На самом деле Баррету придётся проскользнуть своим массивным телом в дверь мимо Слива, когда придётся открыть её, чтобы спуститься вниз для встречи разносчиков.

Я сказала Сойеру, что не буду беспокоиться.

И я старалась, пока мы ели наш ужин, пока смотрели документальные фильмы, пока меня вырвало третьей той еды, которую я съела, эффективно избавляя меня от жира и сыра на долгий период времени, пока не настало время отправляться в постель, потому что было уже два часа ночи.

Но я лежала в нашей постели и не могла уснуть.

Я волновалась.

# Глава 20

## Со́йер

Беременна.

Если уж быть предельно честным, неважно каким образом обезопасил себя мужчина в своей сексуальной жизни, это то слово, которое вызывает холодный пот. В любое время, когда мне звонит или навещает женщина, с которой у меня была интрижка, в моём животе зарождается клубок беспокойства, даже зная, что я никогда не трахался без презерватива.

К слову говоря, я не ощутил себя подобным образом, когда вошёл в тот кабинет и когда Риа рассказала о том, что процедура по перевязке у неё труб была неудачной, и я понял, что это значит.

Дело в том, что я всегда воображал себя с детьми рано или поздно. Неважно, течёт ли в их венах моя кровь или они принадлежат женщине, в которую я влюбился, и какому-то козлу её бывшему, который не повзрослел достаточно и не сделал всё правильно для своих детей. Это не имеет значения. Но я видел себя, воспитывающим детей, в определённый момент.

По правде сказать, это случилось раньше, чем я планировал, особенно учитывая, что мы с Рией все ещё находимся в стадии «узнаём друг друга». Но дело в том, что я уже достаточно взрослый. Я обеспечил себе хорошую жизнь. Моя жизнь идёт по порядку. И я нахожусь в хорошей позиции, чтобы начать строить семью.

Я больше беспокоюсь о Рие, чем о себе.

Это должно оказать сильное влияние на неё, на ту, кто так категорично был против своих биологических детей. И так плохо, что её бывший забрал и удерживал её, накачал тело гормонами, чтобы сделать его идеальным для репродукции, отменил решение, которое она приняла по поводу своего тела, предал её всеми возможными способами, кроме фактического (и казалось бы, неизбежного) оплодотворения.

У меня нет ни одной гребаной идеи, планировал ли он использовать это для каких-то экспериментов над маточными трубами или чего-то подобного, или он собирался изнасиловать её бессознательное тело, но в любом случае, он заплатит за то, что просто подумал об этом.

— Это так хреново, — сказал Брок, качая головой, когда мы шли к внедорожнику и садились в него. — Всё становится хуже, чем какое-нибудь проклятое правительственное экспериментальное дерьмо. И это мужчина, который предполагается, любил её.

— Просто, чтоб всем было ясно, — сказал я, развернувшись лицом к нему на пассажирском сидении и к Тигу на заднем, — мы не отсиживаемся снаружи его квартиры. Я вламываюсь внутрь, нахожу этого говнюка и добиваюсь объяснений. Если это означает, что нужно пролить кровь, она прольётся. Никто не останавливает меня, если только я не готовлюсь убить ублюдка.

— Понял, — на автомате проговорил Тиг.

— Прямо как в старые времена, — сказал Брок, улыбнувшись мне, но напряжённо.

Именно тогда я напомнил себе, какая хорошая команда у меня была. И хотя по большей части мы старались не вмешиваться, мы все понимаем, что бывают времена, когда это невозможно, когда требуется наше вмешательство. Или даже, в редких случаях, требуется грубая сила для разрешения проблем.

— Хотя не слишком-то и надейся, — предупредил он, часто бывая голосом разума. —

Мы сидели на этом месте в течение нескольких дней. Если только он не тот, кто подготовился к концу света и запасся едой, ставлю на то, что он уже покинул это место.

— Да, и так же очевидно, что он не смог бы там удерживать Рию. Ему нужны были стерильные условия, чтобы провести на ней долбаную операцию.

Правда.

И мне это не нравится.

Но это была реальность, которую мне, возможно, придётся принять.

Я подъехал и припарковался перед старым домом Риы, мы все дружно вылезли и перешли улицу. Ни один из нас не был внутри, наблюдая только из наших машин снаружи. Так что мы не были готовы к тому, что это окажется настоящая крысиная дыра. Он был долбаным доктором, а тут мусор валяется в коридорах и дыры в стенах.

— Иисусе, — зашипел Брок, трясая головой.

— Выглядит прямо как многоквартирный дом из моего детства, — добавил Тиг.

Мы поднялись на второй этаж и нашли его квартиру среди тех, чьи окна выходили на улицу. Там он мог выглядывать в окно и наблюдать, как его бывшая приходит и уходит. Больной ублюдок.

— Вот она, — сказал Брок, указывая на третью дверь. Я кивнул ему, и он постучал. Мы прислушались. Ничего. Он снова постучал, громче.

Когда мы снова ничего не слышали, я кивнул Броку, который потянулся в задний карман за комплектом отмычек. Сказать по правде, он ему даже не нужен. Он мог бы открыть дверь скрепкой для бумаги или шпилькой для волос. Это не тот навык, которому он научился на военных учениях. Этому навыку он обучился ребёнком, вскрывая замок в отцовский кабинет, чтобы он мог пробраться внутрь и смотреть журналы с обнажённой. Он стал профи к тому времени, как ему исполнилось одиннадцать.

Дверь со щелчком тихо открылась, и мы все переглянулись, прежде чем Брок двинулся внутрь.

То, что мы обнаружили, было хаосом.

Начнём с того, что квартира Майкла была тускло освещённым однокомнатным подвальем, в центре потолка висела некая старая пожелтевшая купольная лампа с веревочкой, чтобы зажечь её, и больше ничего. Что вероятнее было хорошо, потому что свет не доставал до крысиного коричневого ковра прямо из пятидесятых и шикарно-никотиновых пожелтевших стен, указывающих на очевидную плохую привычку предыдущего арендатора — курить в помещении. На окнах были дешёвые пыльные жалюзи, несколько полос были вырваны с корнем. Простая двухспальная кровать разместилась у стены с голубым одеялом и белой простыней. Мини-кухня была в крайнем левом углу напротив стенки с холодильником, соответствующего размера, маленькой раковины и плиты. Сбоку от конца столешницы была дверь в ванную, в которой была треснувшая плитка, с плесенью между швами, и разбитое зеркало. Напротив окон, выходящих на улицу, располагался письменный стол, заваленный письмами, газетами и застарелыми стаканами с напитками. Хаос дополнялся тем, что солидный офисный деревянный стул, разломанный на шесть частей, валялся на полу. Контейнеры из-под еды на вынос, скомканная бумага и обёртки от продуктов были повсюду, вероятнее из-за того, что мусорка выглядела так, будто ею швырнули в стену. Пиала, два стакана и тарелка осколками разлетелись по всему пространству кухни.

— Взлом? — спросил Брок, пожав плечами.

— Нет, — сказал Тиг, покачивая головой. — Выглядит так, будто кто-то потерял самообладание, — произнёс он, махнув рукой туда, где в стене из гипсокартона виднелась дыра, размером с кулак.

Но я не смотрел на беспорядок.

Я даже не осматривал дерьмовую кухню, ванную и весь этот гадюшник в целом.

На что я смотрел, так это на стену за его кроватью.

Потому что всё проклятое пространство заполнял ужасающий сталкерский коллаж Рии. Некоторые снимки были сделаны, когда они ещё были вместе — в Нью-Йорке у дерева, в баре у Чеза с Маргаритой в её руке и огромной улыбкой на лице, на одной из них они целовались на вечеринке в Нью-Йорке.

Однако большинство снимков Рии были сделаны без её ведома. На одном снимке она была в полной спортивной экипировке — очень облегающих пурпурных леггинсах и чёрном спортивном бюстгальтере, с покрасневшимся от нагрузки лицом. На другой — она приводила в порядок волосы по пути к машине. Ещё на одной — улыбалась щенку, проходящему мимо неё на улице.

— Бинокли, цифровая камера, переносной принтер, и... — проговорил Брок, осматривая место у рабочего стола. — Ага, телескоп, направленный прямо в её окна. Выглядит так, будто мы взяли правильного парня.

— Да, но почему тогда она у тебя? — спросил Тиг, посмотрев на меня, в его тёмных глазах отражался вопрос. — Если он настолько одержим ею, если он вкалывал ей гормоны на протяжении года, если развязал ей трубы и у него был некий большой масштабный план... Почему он выбросил её у «Семейного»?

Хороший вопрос. Ничего из того, что он делал, не указывало на то, что он собирался её отпустить. Он, кажется, был решительно настроен в осуществлении своего плана и убеждён, что она волшебным образом изменит своё мнение о нём, если внутри неё будет его ребёнок, что она простила бы предательство и после всего они бы зажили долго и счастливо.

Тогда почему она в моей квартире с моим ребёнком в её животе?

— Будь всё проклято, — прошипел я, от разочарования пнув бок кровати.

— Мы возьмём его, — сказал Тиг, не переставая копаться в письмах на столе.

— Я скажу Баррету, чтобы он снова покопался в счетах Майкла, — произнёс Тиг, вытаскивая телефон. — Если у него есть ещё одно место, где он держал её, он должен был это как-то оплачивать.

Я кивнул обоим, доставая собственный телефон, чтобы ещё раз проверить имейл, что отправлял мне Баррет.

— Я хочу поговорить с его женой, — сказал я, выискивая в имейле адрес. — Если он вообще с ней контактировал, она должна была заметить, каким съехавшим с катушек он стал. И она, возможно, могла бы указать на другое имущество, которое у него могло бы быть.

На этом, мы все просмотрели его корреспонденцию, не видя ничего кроме счетов и приглашения на двадцатый вечер встреч выпускников.

— По кофе и едем в дом жены, — сказал я, зная, что уже поздний вечер и что у всех будет скверный настрой, если не получим кофеин.

Шеннон Робинсон была типичной богатенькой избалованной женщиной, которая связала себя с мужчиной, собирающимся посвятить себя охране здоровья, зная, что это гарантирует ей комфортную жизнь, если она сможет вынести семь лет обучения, ординатуры, и специальной практики. В то время она частично работала в компании своего

отца, начальником отдела маркетинга, не смотря на то, что даже не училась в колледже для этого. Она из тех женщин, которые привыкли использовать своё очаровательное личико, чтобы получать всё, что захочет.

И она была хорошенькой.

Фотографии, которые нашёл Баррет онлайн, показывали шикарную светловолосую женщину со стройным телом, ухоженными волосами, безупречным макияжем, безукоризненной одеждой, дорогими украшениями, и всегда свежим маникюром. У неё изящные черты лица, миниатюрные и глубоко посаженные холодные голубые глаза.

Она практически по всем параметрам отличается от Рии, но всё же великолепна.

Как только Майкл стал работать в качестве доктора полный день, она ушла с работы и посвятила всё своё время домохозяйству. Что в свою очередь, видя, что у них нет детей, а есть домработницы и садовники, было на самом деле тем, что она просто богато обедает и выписывает чеки за помощь.

Однако, судя по всем аккаунтам, она не похожа на типичную «богатую стерву». Все её статусы онлайн и сообщения, которые взломал Баррет, делают её милой, если не сказать немного наивной и беззаботной. Ей просто никогда не приходилось отстаивать свою независимость, поэтому она такая.

Дом Робинсонов располагался в прекрасной части города, заполненным мини-особняками, в которых имелись комнаты с сувенирами, и было всё в мраморе. Сам дом снаружи не выглядел вычурным, крепкое трёхэтажное здание, декорированное насыщенно-серой штукатуркой с мини-балконами из кованого железа и огромной железной дверью спереди. Сад по периметру ограждён кустарником, и извилистая каменная дорожка вела к двери.

Мы вышли вместе, почему-то уверенные, пока шли к двери, что за нами вызовут полицию просто из-за нахождения здесь.

Мы позвонили.

Постучали.

Подождали.

— У них стоит система безопасности, — сказал Тиг, кивнув на кодовый замок встроенный в парадную дверь.

— Верно, — ответил я, потянувшись в карман за телефоном.

— Где ты, чёрт возьми? Рия держится, но беспокоится, — произнёс в трубке голос Баррета.

— Отвлеки её. Мы все ещё вынуждены отсутствовать этой ночью. Мы у дома жены Майкла и никто не отвечает. Есть какой-нибудь шанс, что ты сможешь добыть код к их системе безопасности?

Баррет издал некое подобие фырканья, как бы говоря, что я идиот.

— Ноль-четыре-девять-шесть-восемь-четыре-два.

Я замер, трясая головой.

— То, что ты помнишь это дерьмо, одновременно впечатляет и ужасает. Спасибо. И найди способ успокоить мою женщину, ладно? — после этих слов я разъединился и кивнул Броку, который потянулся за своими отмычками, выбирая другой набор для более продвинутой двери.

Как только дверь была открыта, началось пиканье, достаточно громкое, чтобы быть практически нервирующим, пока я вводил код. Это заняло долгие секунды, прежде чем оно

прекратилось и на устройстве отобразилось, что система отключена.

— Иисус. Я должен был стать доктором, — сказал Брок, смотря на широкую лестницу, ведущую наверх, гигантскую и блестящую люстру.

Должен согласиться, место было приятным. Полы были деревянными, тёмными, блестящими. На стенах были идеально подобранные произведения искусства. Мебель в комнатах с обеих сторон была высококлассной и дорогой, выбранной со вкусом, хотя и немного безликой.

— Я наполовину ожидаю найти здесь где-нибудь труп, — сказал Брок, выдохнув.

Он не был неправ; место ощущалось жутковато.

Вероятно, большую часть этого можно списать просто на то, насколько холодным и пустынным ощущалось место из-за минимальных личных касаний. В нём было практически болезненно тихо, достаточно тихо, чтобы в ушах начало звенеть.

— Разделяемся? — спросил Тиг, и я кивнул, двигаясь вправо. Брок пошёл налево, а Тиг наверх.

В гостиной было пусто, никаких личных вещей, лежащих в округе, только журнал мод, оставленный открытым на журнальном столике. Ничего нельзя оставлять без внимания, особенно в таком странном деле, я поднял его и посмотрел дату. Сентябрь этого года. Так что ничего странного. Сейчас был октябрь, но новый журнал могли просто ещё не доставить. Я проверил малую ванную дальше по коридору, прачечную, гардеробную под верхнюю одежду, кабинет.

В конце концов, я направился на кухню, огромную и полностью белую, такую белую, что заболели глаза. Я подождал здесь, слыша, как Брок передвигался в другой стороне дома и зная, что Тиг на верхнем этаже.

Они оба пришли ко мне десятью минутами позже, каждый качая головой.

— У кого-нибудь ещё есть ощущение, что она не просто вышла на ужин? — спросил Брок, озвучивая обеспокоенность, которая была у всех нас.

Тиг в согласии издал ворчливый звук, направившись к холодильнику, и достал молоко. Он повернул картонный пакет и посмотрел на нас с поднятой бровью.

— Срок годности истёк неделю назад, — сказал он, ставя его обратно и выдвигая отсек для овощей. — Бл\*дь, да, это дерьмо полностью сгнило.

— Я мало знаю об этой женщине, но не думаю что она из тех, кто позволяет овощам сгнить в её доме за миллион долларов, — добавил Брок и я согласился.

— Так что? — задал я себе вопрос вслух. — С Рией все прогорело, и вместо этого он решил похитить свою жену?

— Он выжил из ума, — сказал Брок, пожав плечами.

— Ладно, — проговорил я. — Пойдёмте, поищем почту или финансовые счета, что угодно, что может указать на другую недвижимость.

Было около пяти утра, когда мой телефон начал вибрировать в кармане, вытаскивая меня из-под кучи бумаг, в которую я закопался за несколько часов.

— Да?

— После того, как твою девушку рвало около пятнадцати минут, — начал он и у меня в животе всё сжалось, ощущая вину за то, что я не был там с ней, — она вышла, чтобы сделать какой-нибудь простенький тост, пока я выгуливал Слима. И нашла мой ноут открытым...

— О, чёрт, — вздохнул я, проведя рукой по волосам. — Что она видела?

— Я работал над логотипом с фургона. У меня появились два письма и уголок логотипа,

кстати говоря.

— И ты рассказываешь мне это, потому что...

Наступила пауза, и когда он заговорил, я мог услышать улыбку в его голосе.

— Потому что два письма и уголок логотипа ни о чём мне не сказали, но когда я вернулся обратно, она сидела в кресле и, повернувшись ко мне, спросила, зачем мне фотография фургона Салли.

— Салли? — спросил я, напрягшись, привлекая внимание Тига и Брока.

— То же сказал и я. Как оказалось, Салли — уборщик из клиники.

— Дай-ка угадаю, — сказал я, живот болезненно перевернулся, — высокий, худой с редкими волосами, — добавил я, вспоминая мужчину из клиники. Он рассказал мне о том, что Майкл с женой пытались наладить отношения... В Пенсильвании.

Он был в курсе всего.

— Это он. У него небольшое клининговое дело. Он убирает в клинике по планированию семьи, в ветклинике и в двух офисных зданиях в городе. Работает с грязью, — добавил Баррет.

— Ладно. Узнай, где я могу найти его в это время суток. И когда сделаешь это, мне нужно знать, есть ли места, где Шеннон Робинсон может находиться неделю.

— Понял, — сказал он, и разъединяясь.

— В чём дело? — спросил Тиг, выглядя уставшим. Его, в отличие от меня и Брока, не лишали сна в ходе обучения, как противостоять допросам, так чтобы это не могло использоваться против нас с целью получения информации путём пыток. И пока это не было настолько травмирующим, как пытки с водой, это определённо было полезным. Если понадобится, мы могли несколько дней обходиться без сна и оставаться сконцентрированными.

— Рия идентифицировали фургон. Принадлежит уборщику из клиники. Салли. Баррет выясняет местоположение. Нам нужно прибраться здесь дерьмо, — сказал я, указывая на кучу бумаг, которая не принесла никакой информации, кроме того, что все платежи шли по авто-платежу, и что долг Майкла перед колледжем был каким-то образом погашен. Большинство докторов не расплачивается с этим дерьмом, пока им не стукнет пятьдесят лет.

Двадцатью минутами позже бумаги были разложены по местам, все следы с твёрдых поверхностей были стёрты, мы активировали сигнализацию и ушли, направляясь в сторону квартиры Салли, которая просто так, чёрт побери, случилось, находилась в том же здании, где и вшивая квартира Майкла.

Совпадение?

Я так не думаю.

Я постучал и увидел тень в щелке между дверью и полом, прежде чем услышал какое-то отчаянное шарканье внутри.

— Выбивай, — сказал я Тигу, отходя с пути. Тиг подошёл и ударил огромным ботинком в середину двери, отчего она распахнулась внутрь.

Квартира Салли хоть и была такой же устаревшей и убогой, как у Майкла, но, по крайней мере, чистой. В ней не было плесени, или гор дерьма, или чего-нибудь сломанного. Кровать заправлена. Окна, выходящие к стоянке на заднем дворе, где был припаркован фургон с видео, больше не прикрытый белым дерьмом на логотипе и номерах, даже сверкали.

— Не надо! — взвизгнул он, прикрывая лицо руками. — Не бейте меня.

— Нам не придётся тебя бить, если ты расскажешь дерьмо, которое нам нужно узнать, — сказал я, скрепя зубами, уставший и злой, желающий разобраться с этим так, чтобы я мог отправиться домой к своей женщине, которая нуждается во мне.

Но я не смог бы снова отправиться домой к ней без каких-либо чёртовых ответов.

— Я расскажу! Клянусь, расскажу, — сказал он, опуская руки, но выглядя при этом будто готов сбежать. Так же почувствовав это, Тиг встал в дверном проёме, блокируя путь, когда Брок перетащил с крошечной кухни деревянный стул и поставил его в центре комнаты, жестом приглашая его.

Салли присел, его глаза заметались между нами, будто у напуганного кролика, окруженного хищниками, не уверенного, кто набросится первым.

— Так, вот что я знаю, — начал я, двигаясь вперёд, возвышаясь над ним, держа руки за спиной. — Я знаю, что Рия работала с тобой и доктором Робинсоном в клинике. Я знаю, что Рия с ним встречалась, и что она бросила его, когда поняла, что он женат. Я знаю, что он сказал ей, что они с женой расстались, чтобы она приняла его обратно. Так же я знаю, что это чушь собачья и что жена Майкла поставила его в неловкое положение на работе, после чего он уволился. Я так же знаю, что ты солгал мне, сказав, что они переехали в Пенсильванию, в то время как она жила в своём доме, а он околачивался здесь.

— Я не хотел...

— Следующее, что я знаю, что Рию держали в медикаментозной коме с помощью пентобарбитала, напичкали гормонами и витаминами. Я знаю, что этот больной ублюдок прооперировал Рию без её согласия и развязал её маточные трубы. Я знаю, что она потеряла год своей жизни и пришла ко мне, когда никто не поверил ей. Сегодня я обнаружил, что он следил за ней некоторое время, его квартира — прямо сталкерская мечта. Я знаю, что его нигде не найти. И последнее, что я знаю, что твой фургон использовался для того, чтобы выкинуть её бессознательное тело возле мусорных контейнеров у «Семейного», как какой-то кусок мусора. А теперь ты заполнишь грёбанные пробелы или ты довольно близко познакомишься с тем, как извлекают информацию в тайных спецоперациях.

Я ненавижу то дерьмо, которое нам с Броком приходилось делать во имя так называемого патриотизма, но именно в этот момент, я хотел сделать всё, что когда-либо делал с людьми, мужчине, сидящему на стуле передо мной. Затем найти её бывшего и сделать тоже самое с ним ... Д дважды.

— Я всё вам расскажу, — сказал Салли, трясая головой. — Вы должны понять... Он... Я не был согласен ни с чем из этого, но, я имею в виду, он...

— Он заплатил тебе кучу бабла, — предположил Брок, скрестив руки, лицо напряжено, всё его тело трясёт от того же адреналина, который проходит и по моим венам.

— Ну, да. Я едва сводил концы с концами, оплачивая аренду и счета. Я пытался выжить, а он ... Всё, что он хотел, чтобы я стащил некоторые принадлежности и подкинул их ему.

— Какие принадлежности?

— Разные: от антисептиков и бинтов до тех гормональных инъекций, которые они использовали для женщин в клинике.

— Что насчёт Пентобарбитала? — поднажал я.

— Я, ээ, я так же убираюсь в ветклинике. Они пользуются им, чтобы усыплять больных и старых животных...

Всё встало на свои места.

— Почему он бросил Рию?

— Он не бросал. Это, ээ, я. Не знаю, мужик. Он становился всё безумнее с каждым днём и он, ну, он сказал, что пойдёт за наручниками и шелковыми простынями, — он закрыл глаза на секунду, затем вздрогнул. Когда они снова открылись, в них виделась боль. — Я думаю, он собирался изнасиловать Рию, в таком бессознательном её состоянии. Я просто... полагаю, что я просто испугался. Я не знаю Рию по-настоящему хорошо, но всё-таки я знаю её. Она была милой девушкой. Я не мог просто стоять в стороне и позволять ему насилловать её.

— О, но ты позволил ей год находиться в коме, пока он проводил незаконные и безнравственные операции на ней, с этим всё было в порядке? — спросил Брок, его тон понемногу становился всё более резким. Ему нужно сдерживать это.

Я окинул его тяжёлым взглядом, что заставило его медленно выдохнуть, плечи расслабились, прежде чем вернуть свой взгляд на Салли, подняв бровь, как бы говоря ему ответить на вопрос Брока.

— Сто тысяч наличными, — произнёс он отчаянным голосом. — Наличными. И он не причинял ей боли, ничего подобного. Я убеждался, что она здорова, когда привозил принадлежности.

— Куда ты привозил принадлежности? — спросил я.

— Нет. Я не могу... — сказал он, трясая головой. — Я вытащил Рию. Она в порядке. Она с вами. Я видел её в старой квартире с вами. С ней всё хорошо. Я не могу сказать, где он.

— Видишь ли, дело в том, что твой босс больной на голову. Правда, он потерял Рию. Но из-за того, что у него её нет, угадай, где он появился и кого забрал вместо этого? — я наблюдал, как понимание отразилось в его чертах лица. — Да, за своей старой возлюбленной. И видишь ли, он был чокнутым с самого начала, но я готов поставить свои деньги, что сейчас он сходит с ума совсем по-другому. И каковы шансы, что в этот раз он будет ждать год? Что остановит его от использования шёлковых простыней с его женой?

От этого Салли побледнел, тяжело сглотнув, будто его ужин пытался вырваться на свободу.

— 2673 шоссе 34. Это старый заброшенный пластический хирургический центр. Там всё ещё есть операционная и всё такое прочее.

Я напряженно кивнул.

— Брок, — произнёс я, кивая на Салли.

— Я иду, — прорычал он.

— Нет, ты отвезешь Салли в полицейский участок для дачи показаний. Где-то через сорок минут, — уточнил я. — После того, как у меня появится возможность поболтать с мистером Робинсоном самому.

— Тиг может...

— Тиг может, но сделаешь ты, — сказал я, голосом словно сталь. Он был слишком заведён. И я тоже. Если я возьму Брока, всё может выйти из-под контроля. Мне нужен Тиг, чтобы он удержал меня, если я сорвусь. И нам нужно, чтобы показались копы так, чтобы я не лишился лицензии за то, что ошиваюсь там, где знаю, не должен бы быть.

— Ладно, мужик, — сказал он, очевидно недовольный, но уже давно запрограммированный следовать приказам.

— Я бы поблагодарил тебя за твоё содействие, — сказал я Салли, — но я думаю, что ты самый настоящий говнюк для этого. Пойдем, — кивнул я Тигу, который развернулся и вышел в открытую дверь.

— На пассажирское, — сказал Тиг, преграждая путь к водительской стороне.

— Тиг, клянусь...

— Я понимаю, что ты зол, так и должно быть. Эта девочка не сделала ничего такого в своей жизни, чтобы заслужить то, что с ней произошло. И хоть я и не знаю Шеннон Робинсон, но я сомневаюсь, что и она заслуживает этого. Единственная ошибка, которую они допустили, — то, что любили этого хрена. Но я не доверю свою жизнь в твои руки, когда ты не можешь даже разжать свои кулаки, — сказал он, кивнув головой на мои руки, сжатые в кулаки у меня по бокам.

— Ладно, но если ты будешь вести как бабуля, я прибью тебя, — сказал я, обходя машину и садясь на пассажирское сиденье, после чего он тронулся с тротуара.

Поездка никак не успокоила моих нервов. Даже, наоборот, с каждой прошедшей минутой я становился всё более и более злым. К счастью, здание располагалась всего лишь в десяти минутах езды.

Тиг выключил фары, прежде чем свернуть к зданию, и мы не хлопали дверьми, не желая привлечь его внимание, если он был там со скальпелем и женщиной в бессознательном состоянии.

Здание пластической хирургии было отвратительного лососевого цвета с белой отделкой и странной геометрической архитектурой. Мы наклонились поближе, чтобы заглянуть в окна, ища признаки света, чтобы знать, куда не входить. В конечном счёте, мы решили просто войти через переднюю дверь. Которая, к нашему полному неверию, была на самом деле оставлена совершенно не запертой.

— Насколько слетевшим с катушек он должен быть, чтобы не закрыть дверь? — спросил Тиг, прежде чем мы направились внутрь.

Внутри, хоть всё было заброшено и темно, но было чисто. Я полагаю, что это больше из-за того, что Салли пошёл дальше, чтобы заработать свою сотню касарей. Мы услышали низкий шум музыки, доносившийся сзади с левой стороны, и оба приостановились. Прижимаясь спинами к стене коридора, мы потянулись за пистолетами, которые законно носили, но которые очень редко приходилось доставать, и ещё реже использовать. Мой из кобуры на ноге. Его из-за пояса. Мы двинулись так тихо, насколько позволяли нам наши ботинки, к двери с надписью, на которой говорилось, что там операционная, из-за которой и доносилась музыка

Я взглянул на Тига и тот кивнул, он размахнулся и ударил ногой в дверь.

Это настоящее преимущество — иметь здоровяка, работающего на тебя — двери просто сбиваются с пути, прежде чем разлететься в щепки.

Я думал, я подготовился. Действительно, мало что на самом деле осталось для воображения.

Но как говорится, знать, что он больной и свихнувшийся, и видеть — разные вещи.

Потому что то, куда мы вошли, было операционной, белой с множеством хирургической стали, ослепляемой резким светом сверху. В центре комнаты стоял длинный смотровой стол. И на этом столе лежала Шеннон Робинсон.

Её красивые светлые волосы были чуть влажными, немного темнее, чем на фотографиях, расчесаны прямо и убраны за уши, которые доходили практически до макушки как у фей, из-за чего вероятнее всего, они всегда были прикрыты на всех фотографиях. Это было практически очеловечивающе, обнаружить, что и у неё есть недостатки. Её макияж был нанесён, но плохо, очевидно не её рукой. И она была одета, если можно так сказать, в

комплект нижнего белья, состоящего из шелковой фиолетовой юбки с разрезом практически до верха бедра, и в таком же бюстгальтере.

И всё.

Это всё, что на ней было, слишком много её молочной белой кожи было выставлено на обозрение.

Я почувствовал это, хоть это и не было сказано, она была полностью без сознания, пока лежала на этом холодном столе. Её грудь поднималась и опадала, к одной руке вела капельница с витаминами, а к другой руке была присоединена другая, как полагаю, наполненная Пентобарбиталом.

И стоя у стола, с рукой, замершей на щеке жены, находился потрясённый доктор Майкл Робинсон.

Выглядел он дерьмово.

И это не просто из-за моей ревности от того, что Рия была с ним передо мной. Он во всех смыслах выглядел как человек, который потерял всё и которому больше нечего терять.

Потому что, если уж честно, мужчина на фотографиях хорошо выглядел. Он был высоким и своего рода сильным с тёмными волосами, глазами и цветом кожи, который намекал бы на итальянское или испанское происхождение.

Но сейчас, его волосы были в беспорядке и немного жирными. Одежда помята. Его глаза одновременно были несколько обеспокоенными и полуприкрытыми, отчего он выглядел совершенно психически неуравновешенным.

— Не надо, — прорычал я, когда его рука потянулась к ближайшему пакету. Моя рука с пистолетом в ней, тоже поднялась. — Это никоим образом не улучшит ситуацию, если ты убьешь её...

— Вы не понимаете! — вскричал он, вцепившись ладонью в свои мерзкие волосы.

— Я понимаю, что ты просрал двух хороших женщин, и они обе вышвырнули твою задницу, ты потерял свой когда-то нормальный разум.

— Они обе любили меня, — закричал он, взмахнув рукой и отправив поднос с различным медицинским оборудованием на пол с сильным грохотом из-за акустики практически пустого помещения

— Верно. И попробуй сказать мне, что ты так же любил обеих, — сказал я, пытаюсь удержаться от закатывания глаз.

— Это всегда была Рия. Всегда. С того самого дня, как она пришла на собеседование.

— Да, ну, тогда ты должен был повести себя как настоящий мужчина и развестись со своей женой, вместо того, чтобы предавать обеих.

Он расхаживал напротив стены со шкафчиками, полных Бог знает чем, выглядя очень похожим на зверя в клетке.

— Я не смог бы. Мой проклятый тесть никогда бы не позволил этого.

И тогда меня осенило.

Он должен был быть ещё в долгах после медицинского колледжа.

Его жена происходила из состоятельной семьи.

Так каким образом погасилась его задолженность? Своего рода чёртово современное приданное?

Богатые люди чертовски странные в подобных вопросах.

Но не настолько.

— Почему он оплатил твою задолженность?

Майкл прекратил расхаживать, смеясь совершенно невесёлым смехом.

— Чтобы я лечил его неофициально.

— От чего?

— Рассеянный склероз<sup>[28]</sup>.

Тогда ладно.

Пазл сложился, так?

Её отец управлял большой компанией. Люди с такой проблемой не взберутся советом директоров, если бы они узнали, что их большой парень медленно подвергается изнурительной и неизлечимой болезни. Поэтому он и хотел лечиться неофициально, потому что компании, как эта, просматривает такое дерьмо, как медицинские записи. Он планировал держаться так долго, как это возможно.

— Зачем тогда ты взял Шеннон, если это всегда должна была быть Рия?

— Он забрал её у меня!

— Верно, перед тем как ты планировал изнасиловать её и сделать беременной, без ее согласия?

— Это не было бы изнасилованием, — с насмешкой заявил он. — И она была бы счастлива, создавая семью со мной.

— Рия не хотела иметь детей, — напомнил я ему.

— Каждая женщина хочет иметь детей.

Боже.

Бывают сумасшедшие, а этот помешанный бредит.

— Видишь ли, твой план дал осечку. Рия сейчас у меня и у неё в животе мой ребёнок. Так что отличная работа, чёртов псих.

И прямо тогда, какая бы борьба не велась в нём, что бы ни привело его к полному сумасшествию в цели оплодотворить женщину, оставили его. Его плечи резко упали, голова поникла, и он медленно опустился на колени.

Я поставил свой пистолет на предохранитель и убрал его прочь, двигаясь через комнату к нему.

Затем он сделал единственную вещь, которую он мог бы сделать, чтобы хотя бы немного искупить свою вину в моих глазах.

Он посмотрел вверх на меня с печальными глазами.

— Она в порядке? Она... Счастлива?

Прямо в тот момент весь гнев покинул мой организм, будто сквозь меня прошла волна и всё смыла.

Потому что он действительно любил её.

И это абсолютно сломало его.

Это дерьмо было неприятно видеть; это не давало покоя.

От этого то, что он сделал, не стало хоть сколько-то лучше, или менее херово, но это очеловечило демоническую составляющую этого.

Если и была одна вещь, которой я научился за годы моей службы, так это то, что люди, хорошие, уравновешенные, мягкие люди все способны на ужасные, злые поступки. Ни один из нас не мог бы заявить, что он сколько-нибудь отличается. При определённых обстоятельствах и под давлением, мы все могли бы делать вещи, о которых будем сожалеть, с другими людьми. Это была маленькая, но бесспорная часть человеческой природы.

И наиболее мощным спусковым крючком всегда была любовь.

Любовь к бывшим, которые двинулись дальше, принимает форму убийства или суицида.

Любовь к сестре, которая была избита мужем, приводит к тому, что вы стоите над женщиной с отрезанным членом в руке, его кровь насыщает вас, как в каком-то ужастике, синие и красные огни освещают комнату.

Любовь к брату, который был убит вторгшейся компанией, приводит к тому, что через пять лет вы ведёте небольшой карательный отряд, убивая братьев других людей.

Любовь исцеляет, пока ситуация идеальна.

Но так же часто любовь разжигает пламя, которое часто сжигает оставленные тела на своём пути, изменяя их до неузнаваемости.

— Она в ужасе. Но в порядке. И я собираюсь удостовериться, что она счастлива, — заявил я.

— Хорошо. Это хорошо.

— Они в пути, — произнёс Тиг, и я кивнул. Краем глаза я заметил, как Тиг двинулся к Шеннон, прижимая пальцы к её горлу.

— Она в порядке, — сказал Майкл, оглянувшись. — Я следил за её состоянием.

— Прости, что мы не верим на слово мужчине, который пахнет так, будто неделю не принимал душ, — сказал я, взглянув на Тига, который кивнул, говоря, что её пульс в норме.

Прошло всего пару минут, как стук ботинок заполнил коридор вместе с криками людей.

— Полицейский Департамент Несевик Бэнк!

Тиг и я подняли руки вверх.

— Пистолет у левого ботинка. Разрешение в бумажнике, в заднем кармане, — представил информацию я.

— Не нужно, — произнёс знакомый голос, заставляя офицера, который наклонился над моим ботинком, замереть и встать. — Соьер, Тиг, думаю, вы можете опустить свои руки.

— Коллинс, — сказал я, поворачиваясь лицом к нему, давая ему настолько подлинную улыбку, которую только смог, учитывая сложившуюся ситуацию. — Думал ты ушёл на пенсию, — сказал я мужчине, который держал всё под контролем в Несевик Бэнк долгое время, который понимал странный баланс сил, удерживаемый различными криминальными группами.

— Завтра, — сказал он, фыркнув.

— Решил тряхнуть стариной, да? — проговорил я, наблюдая, как один из офицеров зачитывал Майклу его права и надевал наручники.

— Что произошло с... — спросил Коллинс, махнув головой в сторону Шеннон.

— Пентобарбитал.

— И ты знаешь это, потому что...

— Потому что он проделал то же самое с другой женщиной, которая является моим клиентом. У Брока есть свидетель и он, вероятнее всего, сейчас на пути в участок вместе с ним. Мы всё объясним.

— И всё сделано по закону, — предположил он, чертовски хорошо зная, что в этом законе есть некоторые лазейки.

— Ну, передняя дверь была открыта...

— И это место выставлено на продажу, — кивком согласился Коллинс, с понимающей улыбкой на лице. — И разве это был не настоящий агент по недвижимости, которого я видел снаружи?

Я усмехнулся этому.

— Должно быть он, — согласился я.

— Мне нужно будет поговорить с твоим клиентом.

— Знаю, — согласился я, ужасаясь этой реальности. — Она подавала заявление, но думаю, его отнесли к другим в категорию «от безумцев».

— Ну, тогда мы его разыщем.

Прибыли парамедики, когда мы выводили Майкла, зависнув над капельницами и прищуриваясь.

— Пентобарбитал? — спросил один, и они посмотрели друг на друга.

— Она находилась под ним около недели, — предположил я. — Её зовут Шеннон Робинсон. Она жена парня, которого только что вывели отсюда.

На этом Тиг и я двинулись наружу, обменявшись парой слов с Коллинсом и согласившись встретиться с ним прямо в участке, когда я заберу Рию.

Я согласился, и Тиг отвез нас к моему дому.

Но по дороге мне нужно было сделать небольшой крюк.

# Глава 21

Рия — 18 дней

Баррет не был отличной компанией.

Ну, нет, я к нему несправедлива.

Он составляет мне хорошую компанию, когда я была в хорошем настроении и, соответственно, могу насладиться его сарказмом, отстранённостью и разведывающей беседой.

Но когда я довожу себя до беспокойства, потому что Соьер, Брок и Тиг выслеживают моего бывшего, который в течение года держал меня в проклятой коме, а также недавно забрал свою жену и по всем признакам, просто сошёл с ума, да, он отстойная компания.

Потому что всякий раз, когда я озвучиваю своё беспокойство, его попытка успокоить меня — это сказать, что Соьер и ребята знают, что делают.

И, ладно, конечно. Конечно, они знают. Они на протяжении жизни ставят себя в опасные ситуации. Но это не значит, что я не должна беспокоиться.

В конце концов, обеспокоенная, я задремала на диване в гостиной, Слим заснул около дивана, лёжа на спине, лапами вверх.

Я проснулась, когда что-то шлёпнулось на журнальный столик.

Дезориентированная я заморгала, смотря целую минуту на тёмный пузырьёк, заставляя свои сонные глаза прочитать этикетку. Затем что-то ещё шлёпнулось рядом.

Моя голова вздёрнулась вверх, взгляд сосредоточился на Соере.

Он выглядел уставшим. Его глаза были полуприкрытыми, и от недостатка сна виднелись тёмные круги под глазами. Но он был в порядке. Не похоже, чтобы на нём была хоть царапинка.

— Витамины для беременных и фолиевая кислота, — на мой смущённый взгляд, он прошёл между мной и журнальным столиком, присел на корточки и убрал мои волосы за ухо. — Доказано, что врождённые пороки формируются в первые три или четыре недели беременности. Так что фолиевая кислота поможет оградиться от проблем с головным и спинным мозгом.

— Ты книжки о беременности читал или занимался поисками Майкла, чтобы посадить его за решётку?

— И того, и другого понемножку, — сказал он с уставшей улыбкой. — Я нашёл Майкла. Сейчас он в участке. Так же как и Салли. Но я решил остановиться в аптеке, прежде чем приеду домой. Я так же взял эти книги, после того как пролистал их, — добавил он, потянувшись за другим пакетом на полу за журнальным столиком. Он показал мне три книги по беременности и по рождению ребёнка и положил их рядом с витаминами.

Я огляделась, ощутив, странный всплеск эмоций. Это кое о чём говорит. Это говорит, что он не просто согласился с ситуацией, потому что я беременна, а он хороший парень и у него не было выбора. Это говорит о том, что он вносит свой вклад в это, в ребёнка, и соответственно, в нас и наше будущее.

— Что? — спросила я, чувствуя себя немного некомфортно из-за слишком больших эмоций, вызванных книгами и витаминами, и продолжила, пытаясь смягчить настроение. — Никаких книжек по выбору имён? У меня такое чувство, что мы будем сталкиваться лбами все девять месяцев.

— Для этого созданы веб-сайты с именами. Ты из тех цыпочек, которая постоянно выбирает имена?

— Раз уж я всегда хотела взять приёмного ребёнка, а у большинства детей уже есть имена, к которым они наверняка привязались, то нет.

— Верно подмечено.

— Баррет — хорошее имя, — произнёс Баррет с того места, где он сидел за кухонной стойкой со своим ноутбуком, там он провёл большую часть времени из шести часов нахождения со мной, без перерыва. У Сойера есть термос, так что он мог просто сидеть за стойкой рядом со своей чашкой и периодически наполнять её.

— Таким образом, если у нас будет девочка, ты хочешь, чтобы мы её назвали маленькой Барреттой? Хорошенькая маленькая Баррет? — поддразнил Сойер.

— Намёк понят, — ровно произнёс Баррет.

— Итак, как ты смотришь на то, чтобы закинуть немного смузи с витаминами, которые я купил, и накинуть на себя немного одежды?

Я поморщила нос при мысли о витаминах, зная, что они, как правило, усваиваются прямо в животе, а с моим токсикозом это не кажется отличным планом.

— Если тебя вырвет, ты просто сможешь принять ещё, — предложил он с улыбкой.

— Да, но от этого не легче, — засмеялась я, присаживаясь. — Мне нужно одеться, потому что они хотят поговорить со мной, верно?

Он выглядел практически виноватым, даже учитывая тот факт, что это совсем не его вина.

— Да, детка. Но я знаком с детективом и он разрешит мне присутствовать, если ты хочешь.

— Конечно, хочу, — сказала я, слова просто вылетели из меня, заставляя его широко улыбнуться, а в глазах появилось тепло.

— Значит, я буду там.

— Фу, — застонал Баррет, захлопывая свой ноут. — Мне просто необходимо находиться где-нибудь в другом месте, — сказал он, мотая головой. — И если вы посмеете сказать какое-нибудь дерьмо о том, что когда-нибудь я найду себе прекрасную женщину, я занесу вирус на твой компьютер и выкачаю все твои деньги в фонд по спасению какой-нибудь грёбаной морской свинки или что-то подобное. Эти свинки будут жить припеваючи за твои деньги. Мне хватает этого дерьма от Мардж.

С этими словами он вышел за дверь, а глаза Сойера смотрели на меня, на большую улыбку на моём лице.

— Что? — спросил он.

— Когда у Баррета день рождения?

— Пятого декабря, — сказал он автоматически.

— В зоомагазине на Мэдисон всё ещё продают морских свинок? — спросила я, и Сойер рассмеялся, следуя за мной в коридор.

— Я разужнаю к пятому.

До того, как я очнулась на парковке «Семейного», я ни разу не видела полицейский участок изнутри. Мне было совершенно не до того, чтобы осматриваться там в первый раз, но во второй раз, мне всё виделось здесь почти комичным, как в участках по ТВ. Прямо перед парадной дверью внутри располагался стол, за ним стояла женщина, всё в ней указывало на тот факт, что она сделана из стали и у неё нет времени на всякую фигню.

Справа располагались кабинеты. Слева и сзади стояли столы, занятые различными детективами.

Рука Сойера находилась на моей пояснице, и он дёрнул подбородком в сторону мужчины среднего возраста с округлившимся животом, который встал и указал нам на одну из открытых дверей в конце помещения.

— Комнаты для допросов, — сказал Сойер, направляя меня.

— Звучит, будто ты бывал тут раньше.

— Ох, всего-то два или три десятка раз, — сказал он, злобно усмехнувшись, когда я прошла в другую комнату, которая была прямо как из сериала «Закон и Порядок». Там располагался стол с тремя стульями, двухстороннее зеркало и камера в углу.

И всё.

— Мисс Суини, — сказал детектив, когда я присела. — Меня зовут детектив Коллинс.

— Здравствуйте, детектив, — сказала я, немного улыбнувшись ему.

— У меня здесь ваше заявление. И я прошу прощения, что никто не принимал ваши показания всерьёз до этого момента.

— В защиту детектива скажу, что моя история, вероятно, звучала безумно.

— И все же Сойер поверил.

— Что ж, это правда.

— Это в прошлом. Сейчас мне необходимо расспросить вас о ваших взаимоотношениях с Майклом Робинсоном...

Так он и сделал. Либо благодаря его доверию, либо какому-то предупреждению от Сойера, он старался держаться кратко и любезно, опуская наиболее существенные детали в период наших отношений, осторожно спрашивая о медицинских результатах после того, как Салли бросил меня, а так же просмотрел заявление, что я подала пару недель назад.

Когда всё было сказано и сделано, детектив проинформировал меня, что со мной могут связаться, на что Сойер заявил, что это можно сделать через него, после чего мы встретились с Тигом и Брокком в комнате ожидания, и все вместе вышли наружу.

Я поблагодарила обоих, получив огромные медвежьи объятия от Тига и поцелуй в висок от Брока, прежде чем они покинули нас в поисках своих кроватей, выглядя так, будто им обоим они очень нужны.

Сойер и я прошли к машине и поехали домой в полной тишине, отчего я начала волноваться. Возможно теперь, когда всё прояснилось, и пыль осела, у него появились беспокойства и сомнения.

— Знаешь, — сказал он, припарковав машину и развернувшись посмотреть на меня, — у каждого есть «подсказки».

— Подсказки?

— Действия, которые говорят о том, что человек нервничает. Брок становится напряжённым и молчаливым. Тиг много болтает. Баррет становится дёрганным. А ты, очевидно, отодвигаешь кутикулу.

Я посмотрела на свои руки, в действительности даже не замечая, что я делаю это, но я делала.

— Знаешь, у тебя просто ужасающий набор знаний.

— Они могут быть очень полезными, когда моя женщина замыкается в себе и не хочет рассказывать мне, что её тревожит.

Моя женщина.

— Ты был молчалив.

— Верно, потому что обычно в любой другой день я очень общительный.

— Необычайно тих, — сказала я, переводя свой взгляд на него.

— Детка, я просто выжат, вот и всё. Были долгие сутки с половиной. И если уж быть предельно честным, приходите домой к тому, кто беспокоится обо мне ... Это дерьмо ново для меня. Так что если тебе нужно что-то от меня, детка, просто скажи это. Что тебе нужно?

Скажем прямо, я честно даже не знаю, что на это ответить.

— Я, э-э...

— Хочешь пересказ ночных событий? Со всеми деталями?

Я ощутила, как в животе всё перекрутилось, и помотала головой.

— Когда-нибудь, да. Но не прямо сейчас.

Он кивнул, на секунду посмотрев в окно.

— Как на счёт того, чтобы присоединиться ко мне в душе? Правда, я не могу гарантировать, что это не повлечёт за собой кое-какой тесный контакт. Затем забраться со мной в кровать, где этот контакт обернётся в нечто большее, а потом вздремнуть со мной?

И я поняла, что это именно то, что мне нужно.

Я нуждалась в ласке, в том, в чём я всегда была убеждена, — это первый признак того, что кто-либо всё ещё заинтересован в тебе. В день, когда вы перестаёте касаться друг друга, ваши отношения начинают умирать.

— Звучит идеально, — согласилась я, мы вылезли из машины и вернулись в квартиру, где Слим медленно и показушно слез с дивана, на котором, он знает, его не должно было быть.

Рука Сойера схватила мою, переплетя наши пальцы, и протянула меня прямо в ванную, где он отпустил её только тогда, когда потянулся к душе, чтобы включить воду. Сойер был лицом ко мне, когда медленно начал поднимать футболку и стаскивать её.

И, что тут можно сказать? Такое ощущение, будто прошли годы с тех пор, как я увидела его обнажённым. На самом деле прошли дни с тех пор, как меня впервые стошнило, и мы оба решили, что хватать и трогать меня, возможно, не самая лучшая идея. Это и тот факт, что я ещё никогда не чувствовала себя менее сексуальной, чем прямо в тот момент или сразу после того, как меня тошнило на протяжении десяти минут каждые пару часов.

Так что, да, я засмотрелась. Мои глаза были жадными, двигаясь по плоским очертаниям мышц его живота, следуя за дорожкой волос к поясу его штанов, где его руки расстёгивали пуговицу и молнию. Сойер стянул штаны, и было очевидно, что его разум затрагивала та же проблема, потому что его член выпирает из-под материала его боксёров.

— Собираешься стесняться? Поскольку твоя задница пойдёт в этот душ вместе со мной, и я не думаю, что это было бы комфортно делать со всей этой чёртовой одеждой на тебе.

Я почувствовала, как кончики моих губ рефлекторно поднимаются, не знаю почему, но я всегда находила комфорт в его сарказме. Возможно, потому что это был он. Помню, как слышала однажды, что когда ты встречаешься с потенциальными партнёрами, то поначалу, ты не встречаешься с ними, ты встречаешься с их представителями. Подавляющее большинство людей показывают себя только с хорошей стороны первые несколько недель или даже месяцев, ужасаясь продемонстрировать какие-либо недостатки. Это не то, как ведёт себя Сойер. Как сказала Мардж, он знал, как коротка может быть жизнь, поэтому он и не тратит времени на какую-либо чушь. Сойер всегда на сто процентов был он сам.

И после того, как я встречалась с мужчинами, которые так же не знали, кем они были

или притворялись теми, кем они не были, это было успокаивающе и обнадеживающе знать, что ты просто знаешь кого-то.

Я подняла подбородок и потянулась за низом своей футболки, потянув её вверх и отбросив в сторону. Я выскользнула из своих штанов и носок, оставаясь в несовпадающем нижнем белье — ярко-розовом бюстгальтере и трусиках цвета хаки, в действительности я никогда не была из тех, кто проводит много времени над совмещением бюстгальтера и трусиков.

Глаза Сойера опустились и медленно двинулись по мне, снизу вверх, каждый сантиметр кожи будто жгло от его осмотра, когда я потянулась за спину расстегнуть бюстгальтер, затем стянула трусики.

Обнажённая, я подсознательно потянулась рукой вниз к животу, задаваясь вопросом, насколько он изменится в течение нескольких месяцев. Я слышала, что предрасположенность к растяжкам передаётся с генами, вот почему у некоторых женщин гладкий живот, а у других — на нём «тигровые полосы». Не зная своей биологической матери, я понятия не имею, как будет выглядеть мой, когда всё закончится.

Заметив небольшое движение, потому что Сойер, чёрт побери, всё замечает, он придвинулся ближе, одной рукой обхватывая мою спину, а другую положив поверх моей руки на живот. Он слегка наклонил голову, так что наши лбы соприкоснулись. Мы долго стояли так, я делала глубокие вдохи и медленно выдыхала, позволяя беспокойству по поводу моего тела на мгновение покинуть меня.

Я задрожала, соски заострились, кожа покрылась мурашками.

— Давай-ка согреем тебя, — предложил он, опустив свою руку с живота, но только чтобы схватить мою, затем Сойер притянул меня под душ, давая мне время постоять под водой и согреться, затем забрался ко мне, прижав моё тело к своему, просто крепко обняв меня и удерживая целую минуту.

Мне стало любопытно, как часто, он может приходить домой ко мне таким, как сейчас: уставшим, совершенно без сил. Мне так же стало интересно, всегда ли это будет близость, успокоение, которое он хочет, или будут ночи, когда он будет возвращаться взвинченным, нуждающимся в выходе энергии, и будет трахать меня жёстко, быстро и грязно, пока не успокоится.

Я обнаружена, что озабочена тем, чтобы выяснить это.

Это должно быть пугающим.

Всё, что я действительно знала, это то, что есть люди, которым я не должна доверять, которых я переоценила и вложила в них все силы.

Но я пришла к Сойеру со своей разбитой на кусочки жизнью, лежащей у моих ног, и он не уклонился от беспорядка, от работы. Он закатал рукава, вытащил меня из трясины и помог мне восстановить её.

Я могла бы довериться ему.

И я буду доверять ему.

Не только то, что касается меня.

Я могла бы и буду доверять ему с жизнью, которую мы создали, и вероятно с жизнями детей, которых мы можем усыновить в будущем.

— Ладно, искупались. Ты чистая. Жди меня в постели, — сказал он, шлёпнув меня по попе и двинувшись под душ, когда достал своё мыло.

Я вытерлась и направилась в постель, забравшись голой под одеяло, потому что, как мне

думается, это то, что у него на уме и, ну, у меня тоже.

Он пришёл пять минут спустя, полотенце свисало неприлично низко на его бёдрах, мышцы его брюшного пресса ловили отблески света светильника с прикроватной тумбочки. Сойер подошёл к подножью кровати, стоя там долгое мгновение, прежде чем потянуться за одеялом и медленно начать тянуть его на себя, гладкий материал чувствительно скользнул по моей коже, отчего на ней практически ощущалось электричество. Он не остановился, пока всё одеяло не соскользнуло на пол к его ногам, полностью раскрыв меня.

— Это нечестно, — сказала я, приподнимаясь на четвереньки и подползая к краю кровати. От этого движения, его глаза запылали, а дыхание с шипением вырвалось изо рта. Мои колени оказались на краю матраса, а моё тело в нескольких дюймах от его.

Я наблюдала за его лицом, когда мой палец прижался к его солнечному сплетению, затем мучительно медленно двинулся вниз по его животу, по маленькой дорожке волос, которая исчезала за полотенцем, затем туда, где завязывалось полотенце, схватив и подтянув его.

Полотенце упало.

Сойер стоял передо мной обнажённым, его член был уже твёрд и напряжён, капелька смазки уже появилась на его головке.

— Так вот, — сказала я, двигая грудью так, чтобы она прижалась к его царапающим волоскам на груди, которые заставили мои соски затвердеть ещё больше. Мои губы прижались к его шее. — Знаешь, каким вопросом я задавалась чуть раньше?

— М-м-м? — спросил он, мужская грудь завибрировала от звука.

— Мне было интересно узнать, когда ты возвращаешься домой после работы, ты будешь нуждаться в нежности и близости или жёстком, грубом и грязном сексе?

Когда я отодвинулась назад, его губы были приподняты вверх.

— Детка, я приму от тебя всё, что у тебя есть.

— Что ж, посмотрим, — сказала я, потянувшись ниже, чтобы дотронуться до его бедренных мышц, которые я нахожу такими восхитительными. — Мы уже такие чистые...

Поняв намёк, его руки, наконец, потянулись и впились в мои бока, кинув меня спиной на кровать.

Я приземлилась, слегка подпрыгнув, и засмеялась, мне понравился тот факт, что он не стал обращаться со мной, будто я нечто хрупкое. Когда я двинулась, чтобы сесть, он схватил мои лодыжки, подтащив меня обратно к себе, пока моя попа не зависла на краю постели. В ту же секунду моё тело перестало шевелиться, его руки прижимали мои бёдра вниз, пока они широко не раздвинулись, и он опустил на колени.

Его рот оказался на мне ещё до того, как я успела сделать вдох. В этом не было ничего медленного, сладкого или благоговейного.

Он пожирал меня.

Его язык проследовал к моему клитору, нажимая на него. Его зубы царапали его. Его губы жёстко всасывали.

— Бл\*дь, — выкрикнула я, моя рука сжалась у него на затылке, когда его глаза открылись и взглянули на меня, после чего его язык начал всё сначала. Он издал звук «м-м-м», и так быстро созданный оргазм судорогой прошёл через всё моё тело.

Он не стал продолжать лизать и всасывать меня, пока это происходило со мной.

Сойер поднялся на колени на краю матраса, и одним резким толчком вошёл в меня, от этого вторжения другая волна накатила на меня, заставляя выгнуться на матрасе и сжать

простыни в кулаки, когда я издала громкий стон.

— Охренеть, как я люблю, когда твоя киска доит меня, — прорычал он, потянувшись вниз подхватить мои колени и дёрнуть их вверх, придерживая, поскольку он начал толкаться в меня — жёстко, быстро, безжалостно.

Он толкнул мои колени к моей груди, наполовину свернувшись над ними, врываясь так глубоко, как только мог, интенсивно удерживая мой взгляд.

— Моя охренительная киска, — прорычал Соьер, приподнимая бёдра вверх, когда он глубоко входил в меня, заставляя ощущать восхитительный толчок на особое местечко внутри меня, который мне хотелось почувствовать снова, так что когда он снова двигался вперёд, я опускала свои бёдра, чтобы получить больше этих ощущений.

Именно в тот момент, когда я уже подумала, что ничто не может ощущаться лучше, он свёл мои ноги вместе и повернул их на бок, согнув их под углом и создав новое ощущение.

— Бл\*дь, да, — взревел он, поскольку мои стеночки начали сжиматься вокруг него. — Кончи для меня, — добавил он, бёдра вжимались сильнее в меня, и если бы его руки не удерживали меня за лодыжки и попу, я бы уже была на середине кровати от давления на них. — Кончай, — потребовал он вновь, голосом более грубым, теряя свой контроль.

И прямо в тот момент, когда он произнёс это, я кончила.

И Соьер сам последовал за мной спустя несколько секунд, с моим именем на его мужских губах.

Его тело упало за моим, а ноги согнулись под моими, руками Соьер обхватил мой живот, притягивая меня поближе к нему.

— У меня просьба, — сказала я после того, как тишина охватила нас на целую минуту, и у обоих выровнялось дыхание.

— Всё, что угодно.

— Каждый раз, приходя домой с работы, буди меня для этого.

Его ответом стал низкий, вибрирующий смех, когда он откинулся назад и притянул меня на другой бок, лицом к себе.

— Думаю, я могу справиться с этим, — сказал он, подавшись вперёд и захватывая мои губы. — Фактически, я разбуду тебя для этого, скажем так, часов через шесть.

— М-м-м, — произнесла я, прикрывая глаза. — Но в этот раз я буду сверху.

— Тогда, возможно, нам следует заснуть, — предложил он, рукой обхватив мою спину, и перевернул меня на себя, каким-то образом подхватив край одеяла, которое зацепилось за угол кровати и подтянув его. Соьер сильнее подтянул его вверх на мои бёдра и обернул свои руки вокруг меня. — Просто, чтобы было проще.

— Отлично звучит, — согласилась я, уткнувшись лицом в его шею, пока он пальцами водил по моей спине. Не смотря на то, что мне удалось немного поспать, я всё равно чувствовала себя выжатой. Вините во всём секс, токсикоз, беспокойство, поездку в полицейский участок, но я смертельно устала.

Я проснулась спустя где-то пять с половиной часов, как в тумане, все ещё наполовину сонная, но каким-то образом возбуждённая. И так и было, пока я наконец-то не поняла, что вызвало это, отчего я сразу же полностью проснулась.

А причиной тому был твёрдый член Соьера, прижимающийся к моей щёлочке, его бёдра двигались в медленном, продуманном ритме, который уже наполовину довёл меня до оргазма, даже прежде чем я проснулась.

— А вот и ты, — улыбнулся мне Соьер, когда я упёрлась руками, приподнявшись, чтобы

посмотреть вниз на него. — Пытался разбудить тебя минут десять.

— М-м-м, — промямлила я, потянувшись между нами и направляя его тяжёлый член в меня, со стоном закрывая глаза, когда мне это удалось. — О, Боже! — застонала я, прижимаясь лбом к его плечу, я никогда не осознавала, насколько же это хорошо, проснуться уже мокренькой, уже готовой, и, ощущая, что требуется немедленное удовлетворение. Каким-то образом, каждое нервное окончание ощущается более чувствительным, более восприимчивым к каждому ощущению.

Рука Сойера обхватила меня, когда он телом подался вверх, скрестив ноги под моей попой, чтобы поддержать меня. Я обвила ногами его спину, руки вокруг его шеи, и начала тереться, решив прямо здесь и сейчас, что у меня появилась новая любимая позиция, не только потому, что ощущается она суперски, но и потому что это настолько интимно. Я смотрю в его глаза, я чувствую его тело напротив моего, его сердце бьётся напротив моего, его дыхание в моих волосах.

Я начала тихо, медленно и сладко, но вскоре, моё тело стало жаждать освобождения, и я объезжала его быстрее, жёстче, пока изголовье кровати не сделало практически предупреждающий глухой стук о стену, когда я совершенно полностью разлетелась на кусочки, цепляясь за него всем телом.

Даже разбитая на части, я никогда не чувствовала себя наиболее завершённой.

# Эпилог

## Рия — 39 дней

Возможно, часть меня и хотела каких-то грандиозных и романтических свершений за последующие три недели. Но реальность такова, это была вспышка, состоящая из тошноты, работы, прихода домой, ужина, уборки, отдыха, свернувшись на диване и смотря телевизор, затем отправка в постель и занятие любовью, пока мы оба не приходили к тому состоянию, когда не могли сделать ничего, кроме как заснуть.

Тем не менее, возможно, именно это и было самым удивительным в моей и Сойера истории. Истории, которая зародилась при экстраординарных обстоятельствах и выросла, окружённая тайной, которая забрала целый год моей жизни.

Но это не было дико.

Это не было безумным.

Это определённо ощущалось, чертовски пугающе, но по-домашнему.

И для меня не было бы заблуждением сказать, как бы безумно это не звучало, что мужчину вроде Сойера, который большую часть своей молодости провёл в окопах, в лесах, в пустынях и болотах, с ни с чем, кроме рюкзака, оружия, ножа и со своим лучшим другом, живущим с тем видом опасности, который ты видишь в фильмах, потом возвращается домой и начинает бизнес, который включает в себя розыск людей, распутывание загадок, пытаюсь спасти девушек вроде меня, можно вообще описать как нечто скучное, не вдохновляющее, как «домашний».

Но это правда.

Такова наша история.

Люди с пистолетами не приходят обстреливать нашу квартиру.

Меня не преследует сталкер, нет тёмного, искривлённого прошлого.

Его старые демоны не приходят охотиться за ним.

Мы просто... остепенились.

И я была более чем согласна с этим.

То, что произошло с Майклом, да, мне хватило более чем достаточно безумства на всю оставшуюся жизнь. Он украл у меня триста шестьдесят семь дней. Это время я никогда не смогу вернуть, но эта потеря привела меня к Сойеру, с которым я планирую провести остаток своих дней.

— Нет, — огрызнулась Мардж, мотая головой в мою сторону, преграждая нам путь в ресторан.

— Мардж, ну, правда. Мужчины сейчас участвуют в этом. Это так делается, — Рия старалась найти вескую причину.

Мардж издала некий несогласный звук и раздражённо махнула рукой.

— Нет. Так не делается. Это традиции. Это не какая-то глупая игра в бинго или памперсные пирамиды. Это касается женщин. Мы делимся нашими историями, вводим тебя в круг матерей. Это священо. К тому же, мийа, ты на самом деле думаешь, он захочет знать все детали о послеродовом периоде, средствах защиты от потрескивания сосков и...

— М-да. Я пошёл, — сказал я с улыбкой, мотая головой Рие, когда она пыталась посмотреть на меня жалостливым взглядом, чтобы я остался рядом с ней.

По правде сказать, она нервничала. Пока она вся была полностью захвачена неожиданной беременностью, существовали аспекты, от которых её кожа покрывалась мурашками. Например, любой разговор по поводу родов.

— Это варварство, — огрызнулась она, когда я зачитывал ей отрывок из одной книги по беременности, которую купил ей и которую она читала, пока не пошли главы про роды.

— Это естественно.

— Она собирается вырваться из моего тела. Это варварство. Если бы что-то другое вырвалось из человека, то не было бы этой чепухи вроде «ох, это так прекрасно».

— Детка, тебе нужно знать, чего ожидать.

— Ох, крови, боли, и что некоторые части меня могут порезать так, чтобы другие части не порвались. Я поняла. Круто.

— Эта процедура называется эпизиотомия.

— Кого волнует, как это называется? Это ужасно.

Я засмеялся, отбросив книгу и обняв её.

Как я сказал, с большей частью она справлялась хорошо, если не отлично. Тот праздник обжорства, что они устроили с Барретом, был последним. Она пила эти ужасные зелёные коктейли перед каждой едой, еда на две трети состояла из разнообразных овощей и на треть из протеина. Она принимала свои витамины, даже когда её тошнило от них. Она приспособилась к лёгким, но регулярным занятиям. Она помогала мне украшать детскую, хотя я и не позволял ей входить, когда я красил её.

Когда мы пошли в первый раз к доктору, чтобы впервые по-настоящему провести ультразвук, чтобы услышать сердцебиение, она нервничала, как никогда раньше, была напряжена, как доска, пока лежала, а её живот был покрыт гелем. Но в секунду, когда из машины донеслось «тук-тук», её рука взлетела и сжала мою так сильно, что я не думал, что такое возможно.

Но когда Мардж предложила посиделки в честь будущего малыша, чёрт побери, она сорвалась.

— Нет. Совершенно точно, нет! — прошипела она, когда я рассказал ей о плане, так чтобы Мардж не застала её врасплох.

— Детка...

— Нет. Нет. Ты не понимаешь. Они говорят об этом. Они все сидят и говорят о схватках

и всех этих отвратительных шуток, которые происходят, и как они находились на столе грёбаные двадцать часов, и как им вкалывали иглы в позвоночник, чтобы остановить боль. Нет уж. Я не пойду туда.

Но когда Мардж каким-то образом уговорила её на это или, вероятнее всего, пристыдила, она согласилась, но потребовала, чтобы я пошёл с ней.

Меня точно не привлекала идея сидеть там без дела, и чтобы все цеплялись к моей рубашке и всякое подобное дерьмо, но если бы Рия нуждалась во мне, я был бы там.

Надо отметить, что Мардж была права. Рие необходимо поговорить с женщинами. У неё так и не появилось никаких по-настоящему дружеских отношений, что частично, моя вина. Я был эгоистичен по отношению к ней. Никто не может обвинить меня в этом. Когда в твоей жизни появляется женщина вроде неё, ты хочешь сохранить её полностью для себя. Но я не помогал ей в этом, оставаясь её главным источником поддержки. Особенно в том, что я никогда не смогу понять даже отдалённо.

Я выяснил, что, принимая во внимание её решение никогда не иметь детей, все мысли, страхи и волнения по этой причине, через которые проходят все женщины, это что-то, о чём она никогда не задумывалась. Это десятилетие с момента 18-летия без забот, вылилось в эти девять месяцев.

Но как бы сильно я не хотел всегда быть её героем, всегда быть способным решить все её проблемы и сгладить все страхи, это было нереально.

Я не знаю, как это ощущается — быть беременной, иметь части тела, которые больше не принадлежат тебе полностью, чувствовать, как жизнь растёт внутри тебя. И я чертовски уверен, что ничего не знаю о том, на что это похоже, — выталкивать жизнь наружу.

Ей нужна Мардж и группа женщин, которых собрала Мардж, с полезными знаниями, с опытом и комфортной обстановкой между ними.

Я чувствовал, будто подвожу её, особенно после того, как говорил, что буду там ради неё, но ей нужно, чтобы я ушёл, понимает она это или нет.

— Поверить не могу, что ты делаешь это, — огрызнулась она, вырвав свою руку у меня и пройдя мимо Мардж внутрь.

— Она боится, — сказал я Мардж, как только Рия вышла из зоны слышимости.

— Я знаю, мийо, — ответила она, понимающе улыбнувшись. — Вот почему ей нужны мы. Вот почему ты не можешь быть с ней здесь, чтобы прятать её за собой.

— Не рассказывайте ей никаких ужасных историй.

— Ужасных? — спросила Мардж, выглядя ошеломлённо от самого этого предположения. — Никаких ужасов. Ничего, кроме красоты.

— И не нужно говорить ей в лицо о том, насколько это делает её женщиной, или что ничто не сравнится с любовью к ребёнку, которого она сама родила.

— Мийо, — сказала она, трясая головой, — быть матерью не имеет никакого отношения к рождению. Я знаю, что её удочерили, и знаю, что это будет единственный рождённый ею ребёнок. Но никто там не собирается заставлять её чувствовать себя хуже, из-за того, что она приняла такое решение. Она станет отличной матерью. Для этого малыша и для других деток, которых вы оба решите впустить в свою жизнь другими способами. Но сегодня речь пойдёт не об этом. Сегодня всё для того, чтобы она перестала затыкать пальцами уши и жужжать, когда кто-нибудь упоминает о родах. Это не так ужасно, как они это показывают по телевизору, — после чего Мардж протянула руку, положив мне на щеку так, как она делает это, когда гордится мной. — Ты очень хороший человек, — сказала она, её

глаза наполнились слезами. — Ты беспокоишься о Рие больше, чем она о себе. Но ты можешь довериться мне с ней.

На этом она удостоила меня понимающей улыбкой и двинулась внутрь.

А я направился к Броку, чтобы немного выпить.

— Здорово, — встретил он меня у двери. — Я думал, что к этому моменту ты будешь по колено в розовых ленточках.

— Рие нужно немного девичьего времени, — сказал я, проталкиваясь мимо него на кухню, чтобы достать себе немного выпивки.

— Вы ещё не определились с именем?

— Не начинай, — предупредил я, трясая головой.

Имя. Иисус грёбаный Христос, имя.

Никогда прежде никому не давал имён, даже Слимму<sup>[29]</sup>, которого случайно назвал Тиг после того, как тот уже неделю жил у меня, и однажды Тиг встретил его этим прозвищем. После этого оно приклеилось.

Мы просмотрели каждый более или менее разумный сайт. До посинения выписывая каждое понравившееся имя.

Ничто не ощущалось правильным.

Я уже начал беспокоиться, что бедный ребёнок просто оставит больницу, названная «малышка Андерсон»<sup>[30]</sup>.

В данный момент была высока вероятность этого.

— Просто загляните к Баррету, — странно произнёс Брок, чем привлёк моё внимание, отвлекая от виски.

— Он работает над делом для тебя?

— Нет, он хотел узнать моё мнение по поводу его подарка для вашего малыша.

— Вот, бл\*дь. Это какое-то ответное дерьмо на проклятую морскую свинку? Клянусь, чёрт побери, я пытался отговорить её от этого.

Брок фыркнул, усмехнувшись.

— Он может сколько угодно притворяться, но он обожает этого глупого грызуна. Это хорошо для него иметь дома что-то, к чему можно приходить, не к кофе-машине, пустой кровати или к меню с заказами на дом.

— Тогда что это? — спросил я, определённо заинтересовавшись.

Баррет, будучи Барретом, точно не был из тех, кто сразу «тает» при мысли от крошечного человечка. Однажды я отвесил ему подзатыльник, когда он сказал нашей давней подруге, что её малыш выглядит точно так же, как и остальные дети, и что совершенно невозможно сказать, будет ли он похож на кого-то из родителей к промежутку от шести месяцев до года. А так же упомянул, что с ней будет неинтересно, пока с того момента не пройдёт добрых пять лет.

Я не думал, что он даже обратит внимание на тот факт, что роды Рии приближаются, не говоря уже о планировании подарка на рождение малыша.

Я обнаружил, что каким-то образом успокоил себя тем фактом, что Брок по-видимому нормально относился к тому, что бы это ни было. Не то, чтобы он знал хоть немногим больше о детях, чем Баррет, но он, по крайней мере, был чуточку лучше обучен социальному этикету.

— Это его сюрприз, — сказал Брок, нехарактерно больше не обмолвившись и словом обо всём этом, что заставило меня занервничать.

Когда три часа спустя я забрал Рию, то осознал, что она месяцами ходила с грузом на её плечах. Потому что, когда она подошла ко мне и поцеловала, с каким-то отвратительным дурацким колпаком на голове, я понял, что этого груза больше нет. Её плечи были расслабленными. А улыбка лёгкой.

— Как всё прошло?

— Отвратительно. И ужасающе. И чудесно, — сказала она, широко улыбаясь мне.

Я завёл пикап, и мы отправились домой, оставляя всё дерьмо, с которым нужно разобраться, на потом так, чтобы она могла присесть и закинуть повыше ноги.

Однако, когда мы вошли в квартиру, Баррет уже ждал нас. В его руках была коробочка, обёрнутая бело-розовой бумагой, и он нервно подёргивал ногой.

— А день все продолжает радовать, — пробормотала Рия, посылая ему тёплую улыбку и протягивая руки.

Баррет вручил ей коробку, и она отправилась к кухонной стойке, чтобы открыть её, я и Баррет стояли по бокам от неё.

Выглядит как коробочка из-под одежды.

Но когда она развернула обёрточную бумагу (так же розовую, на что я просто не мог не улыбнуться, представляя Баррета в магазине, покупающего хоть что-нибудь дурацкого розового цвета), то, что оказалось внутри, более вероятно было не одеждой.

Там была папка для документов.

Рия посмотрела на него, сведя вместе брови, но ничего не сказав.

Я, да, я был чертовски напряжён.

Потому что знал, как непредсказуем был мой брат, и у меня не было ни единой грёбаной идеи, что он придумал.

— О, мой Бог, — задыхнулась она, как только открыла её. — Как ты... — сказала она, посмотрев вверх, её глаза стали ещё больше, чем я когда-либо видел. — Это закрытая информация!

Я посмотрел на Баррета.

И тут до меня дошло.

Он провёл недели или даже месяцы, готовя ей подарок к рождению малышки.

То, что он дал ей, было пропавшими кусочками в её происхождении.

Он добыл файл с удочерением Рии и записи об её биологической матери.

— Я выгляжу прямо как она, — произнесла Рия, вынимая фотографию из зажима сверху файла.

— Ага, — согласился он.

— Что всё это? — спросила она, пролистывая гору бумаг.

— Всё, чего ты никогда не знала о своей матери и её семье от их рабочих виз до медицинских записей, старые фотографии, связи, которые я смог найти через соц. сети и генеалогические сайты. Тут всё, м-м, довольно подробно, — сказал Баррет, выглядя практически немного смущённым, раскачиваясь на пятках, с руками в передних карманах. Он поскромничал. Если б я знал своего брата, а, черт побери, я его знаю, эта кипа бумаг даст ей больше знаний о её биологических родственниках, чем у большинства людей, которые на самом деле разговаривают со своими родными каждый день на протяжении двадцати лет, которые они бы знали друг друга.

— Баррет... — сказала она, посмотрев вверх и трясая головой, не зная, что сказать.

Баррет, плохо разбираясь в толковании подобных вещей, быстро попытался

объясниться.

— Я знаю, ты любила свою приёмную семью и они были всем, в чем ты нуждалась, но в ожидании ребёнка, я подумал, что ты, возможно, захочешь знать, по крайней мере, все медицинские подробности, поэтому...

Баррет потерялся в оставшейся части предложения, потому что Рия, с большим животом и всё такое, врезалась прямо в него, гормоны и благодарность — головокружительный коктейль, от которого она громко стала всхлипывать, уткнувшись в его шею. Его руки инстинктивно обернулись вокруг неё, но голова развернулась, а его взгляд повернулся ко мне, и то, что я увидел там, — было чистым, неразбавленным, мужским ужасом от вида женских слёз.

Я позволил Рие поплакаться на нем целую минуту, только потому что его дискомфорт был чертовски забавен, прежде чем вмешался и вместо этого привлёк её к себе.

Её плач был не в новинку.

Однажды я вернулся домой с работы и обнаружил Рию, сидящей на полу в гостиной, плачущей в спину Слима. Из-за того, что, как оказалось, ей нужно было удалить клеща с его живота, и он заскулил.

Дословно... вот и всё.

Скулёж вызвал послеполуденный плач.

Затем она расплакалась ещё больше, пытаясь объяснить мне, что она на самом деле не такая уж большая плакса, что это всё ребёнок, что мне просто нужно продержаться ещё несколько месяцев и я, вероятно, не увижу её плачущей снова около года.

Едва ли проходил хоть день, когда она не всхлипывала мне в рубашку.

— Не переживай, — сказал я Баррету поверх её плеча, когда пропустил пальцы через её шёлковые волосы. — Это от счастья, веришь ты этому или нет.

Это, похоже, отвлекло Рию от её плача счастья, она громко шмыгнула носом и развернулась. Я позволил ей развернуться, но обернул руки вокруг её живота, удерживая её рядом собой.

— Определённо от счастья, — сказала она ему, потянувшись вытереть свои глаза. — Спасибо тебе огромное. Я... Я даже не знала её имени...

— Ари, — предложил Баррет, слегка улыбаясь.

— Думаю, у нас появилось имя, — прошептал я ей на ухо.

Она кивнула.

А затем снова заплакала.

\*\*\*

— Соьер, успокойся, — сказал Баррет, только обманчиво успокаивая себя.

Прямо сейчас «спокойствие» даже не было словом из моего словаря.

Прошло более двух часов после того, как Рия можно сказать без каких-либо осложнений родила нашу дочь, названную Ари, в честь биологической мамы Рии, которая, как оказалось, отказалась от неё, потому что забеременела в пятнадцать и её родители выставили её из дома.

Рия держалась стойко, и Мардж была здесь с нами, чтобы помочь.

Всё было отлично.

Ари родилась с весом 6 фунтов и 8 унций<sup>[31]</sup>, длинноногая, с большими тёмно-зелёными глазами и с копной тонких чёрных волос, как у её мамы. Здоровая. Она была идеальной.

Но Рия не переставала кровоточить.

Они сделали массаж матки.

Они провели чистку.

Но кровотечение всё равно не остановилось.

За пять минут до этого, они перевезли ужасно бледную Рию в операционную для переливания крови.

— Это возможно неправильно говорить такое, но, черт возьми, спасибо её бывшему, что удерживал её год, накачивая по полной железом.

— Мийо, просто не может быть, чтобы она не пришла в себя и не увидела свою малышку. Не может быть. Её просто нужно слегка подшить, немного свежей крови, и она вернётся в детскую в мгновение ока.

Я никогда не был тем, кто много задумывается о каком-то божественном умысле в мире. Но, возможно, Рия была рождена матерью-подростком, была отдана в приют и жила без любви, задолго до того, как обрести свою семью, что заставило её принять решение о приёмных детях, не представляя, что это некий план свыше. Потому что её тело не было предназначено для вынашивания детей.

Я упал в кресло, пропуская руки через волосы.

— Эй, — сказал Брок, падая рядом со мной.

— Я не в настроении говорить, — прорычал я.

— Знаешь, в один прекрасный день я сказал тебе тоже самое. На мне был трёхдневный запах виски, джина и водки, потому что я не мылся и не менял одежды так много дней. Моя квартира превратилась в свинарник, и я был на самом дне своей жизни. Но помнишь, что ты сказал?

Я фыркнул.

— Это чертовски прекрасно, но твоя жалкая задница просто выслушает меня.

— Ага, — сказал он, тяжело выдохнув. — Так что тебе не придётся говорить, но ты выслушаешь меня. Я знаю, ты любишь эту женщину так сильно, что даже не подозревал, что твоё сердце способно на такое. И я знаю, что ты чертовски переживаешь за неё сейчас. Но ей бы этого не хотелось. Ты знаешь её. Что она хотела бы, это то, чтобы ты пошёл в детскую и подержал свою дочку, пока она не сможет.

— Я не могу... — сказал я, трясая головой, чувствуя себя из-за этого дерьмом. Но она была здорова. Она не лежала на холодном операционном столе разрезанной.

— Мужик, соберись и иди поддержи своего ребёнка, Соьер, — потребовал он стальным голосом.

Я на выдохе окинул его взглядом, кивнул. Встал, хлопнул рукой по его плечу и пошёл делать то, что он сказал.

Мне доводилось видеть Сойера во многих состояниях.

Я видела его нервничающим, злым, волнующимся, беспокоящимся.

Но до того как меня вывезли из больничной палаты в операционную, я никогда прежде не видела тот неподдельный ужас на его лице.

Это был вид, который за всю жизнь я могла больше не увидеть ни разу.

На самом деле роды прошли так, как уверяли меня Мардж, её подруги и семья, ничего похожего на то, что показывают в передачах и фильмах. Было больно и не так уж приятно, но это не было настолько травмирующим. И у меня наконец-то появилась возможность подержать эту крошку в руках, которая принимала мой мочевой пузырь за батут последние три месяца, но это стоило того.

Затем началось кровотечение, и оно не прекращалось.

Я не была какой-то супергероиней, и тоже забеспокоилась. Когда ты слышишь, что твоё тело не перестаёт терять кровь, ты понимаешь, как много крови в твоём теле, и если они не найдут способ удержать её внутри, ты буквально истечёшь кровью до смерти. Я была в ужасе. Я только что принесла ребёнка в этот мир, и я обязана быть с ней ради неё.

Но я так же видела лицо Сойера, когда он впервые увидел дочку. Я видела изумление, благоговение, удивление и яркую решимость. И, раз уж я знаю его, я знаю, что эта решимость убедила меня, что он будет держать её в безопасности, счастливой и хорошо обеспеченной.

Если что-то случится со мной, если они не смогут остановить кровотечение, она будет в надёжных руках.

Её папочкой будет самый лучший мужчина, которого я когда-либо встречала.

Это самое лучшее, что я могла бы ей дать.

Поэтому я не была настолько в ужасе, когда меня привезли в операционную, когда я наблюдала, как подключают капельницу и кровь вливается в меня, когда я медленно погружалась в сон, поскольку знала, что они будут оперировать меня.

С ней всё будет хорошо.

— Ари, пошли, дружок, — позвал я, услышав грохот за минуту до того, как маленькая хулиганка выскочила прямо в коридор в чёрной пачке, зелёной неоновой майке поверх оранжевого джемпера с длинными рукавами, серебряным шарфом, обмотанным на шее и радужными кедами на ногах.

Она, если не брать в расчёт ужасное чувство стиля, была копией своей мамы. Правда, не думаю, что вы сможете найти хоть унцию меня в ней, кроме глаз. У Ари мамины длинные чёрные волосы, мамины густые чёрные ресницы, мамин уникальный цвет кожи и длинные мамины ноги.

Ей пять, но я знаю, что где-то через десять лет, она сделает меня одним из этих папаш — тех, которые с ружьями и угрожают любому парню, посмотревшему в её сторону.

— Я возьму Броки, — заявила она, хватая своего тедди-мишку с дивана. Это тот самый мишка, которого я подарил Рие на её пропущенный день Святого Валентина. Когда Ари нашла его, то решила, что он её, и не желала слышать никаких противоположных мнений.

— Что бы ни поджарило твой бекон<sup>[32]</sup>, ребёнок, но мы должны идти.

— Мне нравится бекон, — заявила она, запихивая теперь уже потрёпанного мишку под руку. — Мы можем поесть бекон после? — спросила она, когда мы прошли к двери.

— Только если сначала ты поешь яйца, — сказала ей Рия, подняв брови.

— Фу, — произнесла Ари, когда мы вышли.

— Никогда бы не подумала, что давилась капустой, шпинатом и огуречными смузи ради неё, — сказала Рия, когда мы вышли в коридор и я ввёл код.

Я обхватил её рукой, пока мы спускались по лестнице.

— Ну, посмотри на это с другой стороны, задумайся, она никогда не болела благодаря этому.

— Пойдёмте! — прокричала Ари с нижних ступенек, как будто бы это не она нас изначально задерживала.

— Мы уверены, что хотим это сделать? — спросил я, когда мы окружили дочку.

— Никогда не была более уверенной ни в чём в этой жизни, — сказала Рия уверенно, улыбаясь мне.

Мы подъехали к зданию суда под звуки, издаваемые Ари. Она напевала какую-то абсолютно чудовищную попсовую песню, которую недавно услышала и от которой нас уже стало тошнить буквально за два дня. Это был новый рекорд.

Затем мы вошли внутрь и подписали документы, которые официально сделали Натана нашим.

Натан был рождён с героиновой зависимостью и в качестве побочного эффекта у него был СДВГ<sup>[33]</sup>. Но когда соц. работник приехала проверить наш дом, который мы недавно пристроили к нашему уже имеющемуся, потому что я купил здание по соседству и решил их объединить. Пожелав держать свою семью в безопасности над моей работой, и она встретила маленький комочек энергии, которая была нашей дочерью, то заявила, что мы, кажется, более чем способны управиться с ним.

Он был того же возраста, что и Ари, на самом деле, он родился всего лишь на день позже.

Ари настояла на том, что хочет быть старшей сестричкой и не желала слышать о том,

чтобы мы усыновили кого-то старше неё. И её не волновало, будь то пять лет или пять минут, она просто хотела быть старшей. И хотя Рия всегда хотела усыновленных детей постарше, мы подумали, что с такими отклонениями, ему будет так проще освоиться. А так же, что у Ари появится ровесник, что может пойти всем на пользу.

Натан был высоким и с достаточно крепким телосложением, с плечами, которые гарантируют, что в один день школьные тренера будут пытаться заполучить его себе. И хотя его досье было закрыто для нас (оно осталось открыто для матери в случае, если она когда-либо захочет связаться с ним, на этом Рия настояла, так же её родители сделали для неё), нам рассказали, что его родителями были молодой пуэрториканец и ливанская мама. У него были коричневая кожа, темно-каштановые волосы и почти поражающие серо-голубые глаза.

— Нейт, — заявила Ари, как только мы вышли с мальчиком, которого брали лишь проводить несколько часов украдкой то здесь, то там в течение года, пока длился суд, — мы собираемся покушать бекона. Но мама говорит, что сначала надо поесть яиц, — сказала она, скорчив гримасу, когда потянулась и взяла его за руку.

— Мне нравятся яйца, — сказал мальчик.

— Хорошо, — произнесла она, прислонившись ближе к его уху, — тогда ты сможешь съесть половину моих.

— Я всё слышала, — сказала Рия. — Осторожно, иначе я так же заставлю тебя съесть пшеничный тост.

— Пшеничный тост с семенами в нём, — сказала она Нейту с тем же отвращением, как будто бы там были сопли.

— Мерзость, — согласился он с самоуверенностью, присущей пятилетним детям.

— Если мы усыновим ещё, — сказал я, оглядев Рию, — мы останемся в меньшинстве.

Затем она улыбнулась мне, большой и счастливой улыбкой, всё её лицо осветилось ею, и она взяла меня за руку.

— Я думаю, мы сможем с этим справиться.

Мы смогли бы.

Если я смог пережить те часы, что она провела в операционной, после того, как появилась Ари, я чертовски уверен, что смог бы пережить что угодно. И, если уж быть предельно честным, если усыновление детей будет удерживать этот взгляд на её лице, я был бы готов открыть наши двери для целого автобуса с детьми.

И хотя она была счастлива большинство дней, этот взгляд, которым она только что меня одарила, я видел только несколько раз за нашу совместную жизнь. Я видел его, когда она впервые услышала сердцебиение Ари и когда она впервые увидела её после родов. Я видел его, когда наконец-то собрался подарить ей кольцо и сделать предложение, примерно через год после того, как Ари появилась на свет. Затем я увидел его снова, когда она сказала «согласна» на очень маленькой церемонии, где присутствовали только Баррет, Брок, Тиг и Мардж.

И я увидел его, когда она осознала, что мы собираемся дать ребёнку из приюта жизнь, будущее, семью.

Да, невозможно сказать «нет» чему-либо, делающему её настолько полноценной.

— Ты не напугаешь его, — сказала я Сойеру, качая головой от вида его защитной стойки папочки-медведя.

— Ты видела то платье? Я, черт возьми, спугну его тощую задницу.

Ари было пятнадцать и на ней был очень целомудренный сарафан, который практически не показывал кожи, и она собиралась на групповой поход со всеми её друзьями и мальчиком, в которого она втюрилась с начала времён. Всё было в рамках приличия и безопасно. И я знаю, Ари не из тех девушек, которых можно подтолкнуть или уговорить на что-либо. И мы уже проводили разговоры безопасном сексеи детях около полдюжины раз за последний год, зная, что моя собственная сексуальная жизнь началась в районе шестнадцати и что было нереально ожидать чего-либо другого от неё.

Однако я определённо надеялась, что она продержится немного дольше, чем я.

Страхи Сойера реализовались где-то около года назад, когда Ари вытянулась, расширилась в бёдрах и тазовой области и приобрела бюст, который заткнул меня за пояс, выдёргивая её из невероятно неловкой фазы, в которой она находилась около трёх лет.

Она была практически раздражающе великолепна.

Но так же она была упрямой, своевольной, самоуверенной и следовала своим собственным убеждениям и желаниям.

Ни одному мальчику не удастся уговорить её перейти на следующий уровень отношений, если только она сама не решит это для себя.

Но Сойер был Сойером и он сверх опекал её и другую нашу приёмную дочь, Бенни, которой было, слава Богу, только семь и которая была главным сорванцом на всей планете.

— Я с папой, — согласился Натан, вставая рядом с отцом, расставив ноги и скрестив руки — полноценная стойка военных.

Видите ли, когда Нейт оказался у нас, он получил не только нас, но так же Баррета, Тига и Брока. Все хорошие мужчины, все защитники, все по-своему главенствующие, и все учат его и нашего последнего приёмного сына, Квинна, всеми способами быть не только хорошим мужчиной, но и хорошим другом, братом и защитником для любой женщины, которая может нуждаться в этом.

— Я тоже! — заявил Квинн, ему только девять, но он уже отлично подражает своему отцу и брату.

Квинн был, так сказать, новым пополнением.

Сойер и я решили, что после приёма Бенни, наша семья уже полная. Но когда мы ездили по приютам в нескольких городах, чтобы развести рождественские подарки, мы увидели Квинна, и что-то у меня в груди просто потянуло через весь этаж прямо к нему, как будто была цепь, связывающая нас.

У него была самая трагичная из всех историй.

Ещё ребёнком Натан был подвержен наркотикам и, даже будучи подростком, боролся с тем, чтобы удерживать себя сосредоточенным в школе, однако преуспевал в спорте и тренировках с отцом и дядями. Он так же был с нами дольше всех и был открыт для любви, и с такой же готовностью дарил её другим.

Бенни росла со своей бабушкой, её мать исчезла с лица Земли в первые четыре года её жизни. Затем внезапно умерла бабушка, и она попала в приют. Мы нашли её спустя два

месяца после этого и подали документы на удочерение.

Но у Квинна, да, именно у Квинна было тяжёлое начало жизни. Он рос в трущобе с подсевшей на крэк матерью и её жестоким братом. Когда соцзащита забрала его в первый раз, это было из-за того, что они наведались в наполненный тараканами дом и нашли его в одежде на два размера меньшей, сидящим в переполненном подгузнике с кровоточащими волдырями и сыпью от него, плачущего, голодного и спящего в бельевом ящике.

Но то, что его забрали, кажется, стало звоночком для его мамы, которая очистилась, вышвырнула дядю, нашла работу, привела свою жизнь в порядок.

Таким образом, когда ему исполнилось три, его отдали обратно.

И его мама, беспокоясь, что служба опеки будет бесконечно держать её под надзором, покинула город вместе с ним и начала все сначала в Навесинк Бэнк. Где её подверженность наркотикам и пренебрежение каким-то образом остались незамеченными, а Квинн стал хорош в том, чтобы заботиться о себе самостоятельно и прикрывать её.

Так было до тех пор, пока ему не исполнилось семь, и они отправились в магазин за продуктами с теми немногими деньгами, что были у его матери для подобных вещей.

Она укололась в машине, прежде чем они вошли внутрь.

И она умерла от передозировки, прямо в отделе с макаронными изделиями, с Квинном на полу рядом с ней, кричащим на неё, пытающимся её разбудить.

Этот момент был заснят на камеру сторонним наблюдателем, который отдал запись в детскую службы, а те, в свою очередь, показали это нам, чтобы мы могли понять его травму.

Он появился у нас примерно через восемь месяцев после этого. И он все ещё ходил на терапию дважды в неделю, чтобы она помогла ему справиться с душевной травмой.

Он до сих пор не мог выносить вида макарон. Так что мы больше не готовим их. И ему было сложно принять меня в качестве матери, вероятно, потому что я была совершенно не похожа на его биологическую мать и тот факт, что он боялся, что я так же могу умереть у него на глазах.

Но я знала, что потребуется пройти долгий путь, и что однажды мы преодолеем его.

Впрочем, он чувствовал себя с сёстрами, братом и Соьером, как рыба в воде. Он стал тенью Нейта, и если Нейт решился на что-то, он делал это тоже.

— Мам, — произнесла Ари, закатывая свои глаза.

— Эй, ты можешь злиться на них, и я думаю, что у тебя есть на это право, — сказала я, заправляя волосы ей за ухо. — Но, по крайней мере, в твоей жизни есть мужчины, которые заботятся о тебе достаточно, чтобы хотеть убедиться, что ты не будешь ходить на свидания, пока тебе не исполнится тридцать. И если от этого тебе станет хоть немного лучше, когда Нейт решит встречаться с кем-то, ты, я и Бенни будем сводить его с ума альбомом, полным его ужасных детских фотографий и рассказывать ей все смущающие истории о нём, которые у нас будут.

— Ма, — произнёс Нейт, опуская руки, чертовски хорошо зная, что именно это я и имею в виду.

— Эй, ты сам начал это, — сказала я, пожав плечами.

— Технически это начал папа.

Соьер не казался хоть немного озабоченным этим фактом, когда Нейт посмотрел на него, прося подкрепления.

— Эй, ты защищаешь своих женщин, даже если они из-за этого злятся, — просто сказал он.

— И даже если они не нуждаются в вашей защите, — сказала я, смотря на Ари, у которой за последний год уже появился чёрный пояс по боевым искусствам в местном спортзале.

Сойер был спокоен, что его девочки могли выбить всё дерьмо из мужчины, который может встать у них на пути.

— Он старше неё, — сказал Сойер, сощурился глаза на меня.

— Он на один год старше неё и сын твоего хорошего друга, и ты знаешь, что он хорошо воспитан и будет уважать нашу дочь или не только ты надерёшь ему зад, но так же и его отец.

— Пейн размяк, — Сойер попытался ухватиться за соломинку.

— Нет, не размяк. И определённо не по поводу этого. И там где Пейн, там также Брекер и Шутер. И ни один из этих мужчин не позволит ему остаться безнаказанным за неуважение к Ари.

— Ты знаешь Джексона с тех пор, как он был младенцем, — добавила Ари. — И Бри Алексис и Джуниор тоже едут.

— Джейни и Ло будут сопровождающими, — добавила я, нанося смертельный удар его аргументам.

Любой, кто когда-нибудь встречал Джейни и Ло, знает, что нет единого шанса, что в радиусе сотни ярдов будет хоть один парень, не уважающий любую девушку или женщину.

— Ладно, — вздохнул Сойер, опуская руки. Но затем у него появилась немного злая ухмылка, которой я не доверяю. — Но у меня есть одно условие.

— Пап, нет, — сказала Ари, уже зная, куда клонит её отец. Эти двое были не разлей вода, пока Ари не начала отдаляться из-за своей подростковой независимости.

— Да, — сказал он, кивнув, слишком уж наслаждаясь её дискомфортом. — Нейт тоже поедет.

— Тьфу! — прорычала она, вскидывая руки. — Отлично! — заявила Ари, подтверждая то, как сильно она хотела пойти, раз уж позволила своему брату пойти с ней в качестве шпиона их отца. — Если ты смутишь меня, — прошипела она Нейту, когда он поравнялся с ней, — Клянусь Богом, я расскажу всем девчонкам в школе о том разе, когда...

Остального было неслышно, поскольку за ними захлопнулась дверь.

Сойер посмотрел на меня, и я покачала головой.

— Я не хочу знать, — сказала я, выдохнув, когда он подошёл ко мне.

— Мне ненавистно, что она начинает ходить на свидания, — сказал он мне, без какой-либо необходимости.

— Мы знали, что этот день настанет, когда рассказывали ей о сексе.

— Да, но я надеялся, что она, не знаю, будет по части девочек, ну или что-то в этом роде, — пояснил мне Сойер, его руки охватили мою поясницу.

— Девушки могут так же разбивать девичьи сердца, — добавила я.

— Ему, чёрт побери, лучше не разбивать её сердце, — сказал он с силой, стоящей за словами.

— Джексон хороший парень, — уверила я его. — И все складывается так, что он будет хорошим мужчиной.

— Даже у хороших людей есть пунктики.

— О, неужели? — спросила я, подразнивающая улыбка появилась на моих губах. — Ты хороший мужчина. А у тебя есть какой-нибудь пункт на меня?

— Чёрт, конечно у меня есть пунктик.

— Хм, — произнесла я, обвив руками его шею, притягивая его впритык к себе. — И что же это за пунктик?

— Тот же, что и был всегда, — сказал он, его глаза стали горячее, а улыбка более злой. Кончики его пальцев, дразня, проследовали к моей попе.

— Что же это? — спросила я, моё тело уже было готово для него.

— Взять тебя и держать голой так долго, как это возможно, — сказал он мне низким рычанием.

— Ох, мерзость, — заявила Бенни, которая вышла в гостиную, только чтобы убежать обратно в свою комнату.

Мы оба сделали глубокий вдох и выдохнули в унисон, учитывая, что мы были родителями, и время для обнажёнки обычно было поздним вечером, ранним утром в душе, или в редких случаях, если все дети куда-либо отправлялись на выходные.

Но всё в порядке.

Между нами до сих пор есть та страсть, что была всегда.

И иногда ожидание делает её даже лучше.

— Никогда не думал, что смогу любить тебя больше, чем тогда, когда я увидел, что тебя привозят из операционной обратно в палату, — сказал он мне, наклонившись вперёд и прижимаясь губами к моему лбу. — Но я люблю тебя всё больше с каждым грёбаным днём.

Ага, он так и не перестал сквернословить.

И дети выросли вполне нормально, хотя ему не всегда удавалось сдержать свои «бл\*дь» и «дерьмо».

— Я тоже люблю тебя, — согласилась я, подавшись вперёд и быстро целуя.

И так и было.

Я никогда не понимала, насколько глубокой может быть любовь, пока не влюбилась в Сойера.

Пока он не помог мне пройти через худший этап в моей жизни.

Пока он не начал строить со мной семью без каких-либо возражений, замечаний.

Пока я не увидела, как он любит наших детей.

Пока я не осознала, что каждая отдельная мельчайшая деталь в моей жизни произошла только, чтобы привести меня прямо к нему.

Эти потерянные триста шестьдесят семь дней были ничем, ничем в сравнении с практически-пятью-тысячами-дней, которые я провела с ним.

И все те, что ждут нас в нашем будущем.

Конец

Больше книг на сайте - [Knigoed.net](http://Knigoed.net)



— система физических упражнений под латиноамериканскую танцевальную музыку

примерно 1м 99см

Слим — от английского «худой»

100 фунтов — примерно 45 кг

когда настоящая мать и приёмные родители ничего не знают друг о друге

Міґо — от испанского сынок

Jets — профессиональный клуб по американскому футболу из Нью-Йорка, выступающий в Национальной футбольной лиге

«Independent Woman» — независимые женщины, песня группы «Destiny's Child»

Банши — женщина из Ши, потустороннего мира. В ирландском фольклоре и у жителей горной Шотландии, особая разновидность фейри, опекающих старинные роды. Принимает различные облики: от уродливой старухи до бледной красавицы. Издаёт пронзительные вопли, в которых будто сливаются крики диких гусей, рыдания ребёнка и волчий вой, оплакивая смерть кого-либо из членов рода

«Куджо» — роман Стивена Кинга про пса, подхватившего бешенство

Рикотта — традиционный итальянский сывороточный сыр

Пентобарбитал — используется в медицине как снотворное средство в виде калиевой и натриевой солей, обладает быстрым действием. При передозировке, подобно другим барбитуратам, пентобарбитал вызывает смерть от остановки дыхания. С 2011 года он использовался в США для исполнения смертной казни путём смертельной инъекции. Он применяется для эвтаназии, например, в Нидерландах, в штате Орегон (США), и Швейцарии

Диоксины — являются кумулятивными ядами и относятся к группе опасных ксенобиотиков

кодовое название секретной программы американского ЦРУ , имевшей целью поиск и изучение средств манипулирования сознанием, например, для вербовки агентов или для извлечения сведений на допросах, в частности, с помощью использования психотропных химических веществ (оказывающих воздействие на сознание человека)

секретный проект ЦРУ, посвященный контролю над человеческим разумом. Целью его было создать управляемого индивида с модифицированным сознанием

была начата американскими ВМС в конце 1947 года. Исследования продолжались до 1953-го и имели целью разработку препаратов для проведения допросов и вербовки агентов

192 cm

Калавера — испанское название стиля, применяемого к декоративным или съедобным черепам

Polish — созвучно польский язык и полировать

американская традиция: Каждый год 31 декабря в 23:59 по местному времени на площади Таймс-сквер с 23-х метровой высоты опускается огромный шар. Шар падает в течение одной минуты, а заключительные 10 секунд дружно отсчитываются людьми собравшимися на площади и перед экранами телевизоров. Ровно в 00:00 шар достигает нижней точки, что означает наступление нового года

пер. Карвинг(от англ. carving — «вырезание» ) в кулинарии — искусство художественной резки по овощам и фруктам

Фильм «Вам письмо» — романтическая комедия, мелодрама о конкурентах, до поры до времени не подозревающих о том, что они идеально подходят друг другу

«Америка он-лайн» или же AOL — это американская корпорация, провайдер интернет-услуг и электронной почты, специализируется на предоставлении информации в интерактивном режиме. Герой книги упоминает эту службу, потому что в фильме велась переписка героев в этой интернет службе

Доктор Фил — американский психолог, писатель, ведущий одноимённой программы

венерических заболеваний

«Тёрнер и Хуч» — американский комедийный фильм про полицейского и его напарника бульмастифа

Феттучини — вид итальянской длинной и плоской пасты

хроническое заболевание, которое поражает головной и спинной мозг. Причиной его является неправильная работа иммунной системы. Её клетки проникают в мозг, разрушают миелиновую оболочку нервных волокон и приводят к образованию рубцов

Слим в переводе с англ. Тощий

в Америке все дети без имени называются «малышка Андерсон»

примерно 3кг

устойчивое выражение, означающее «всё , что угодно, лишь бы ты поспешила »

синдром дефицита внимания и гиперактивность

carving — «вырезание»